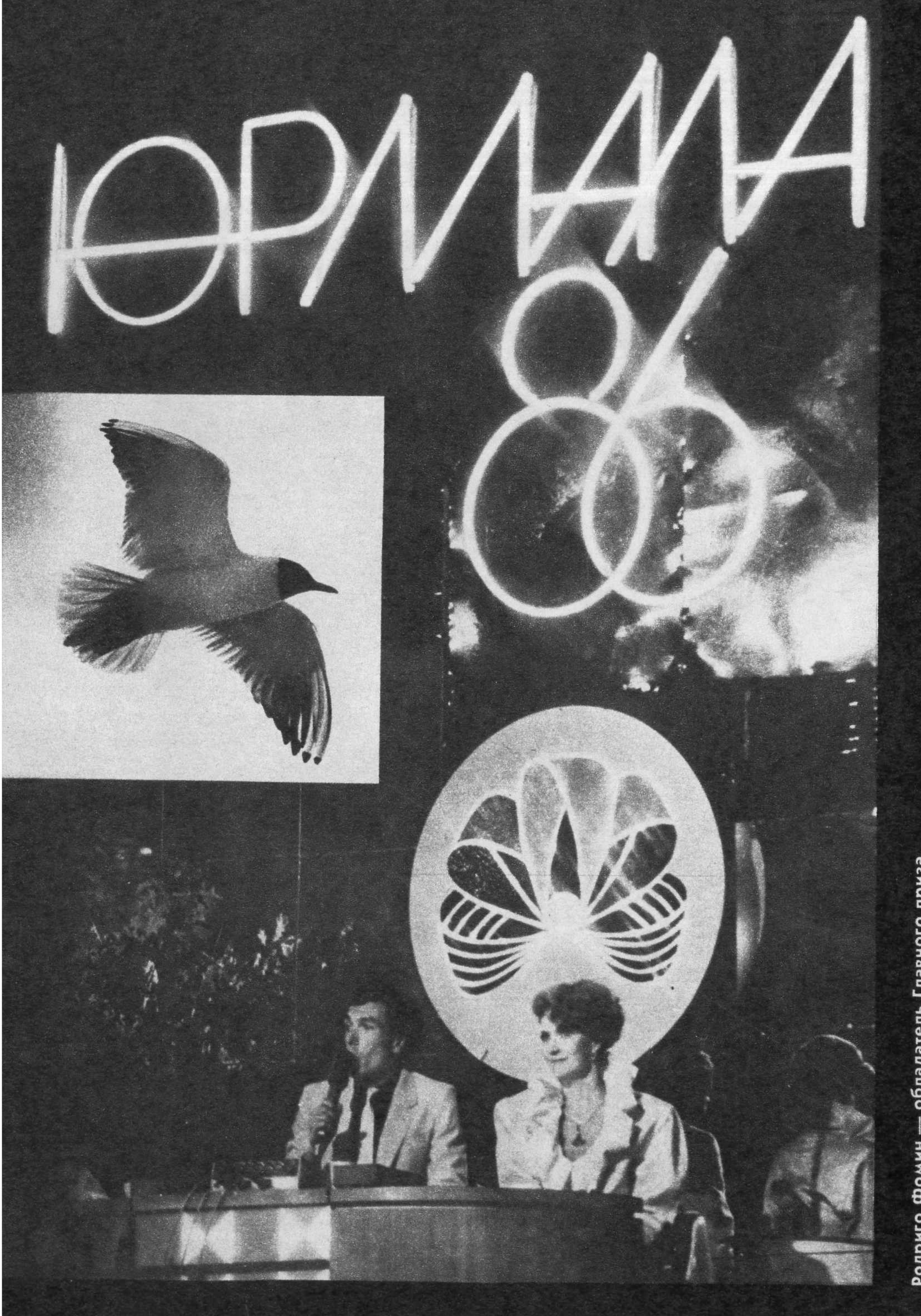

ЧЕРЕЗ
ДЕСЯТЬ МОРЕЙ
И ОДИН ОКЕАН
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 30 ИЮЛЬ 1986
Социолог
анализирует
письма
молодых
Будущее
эстрады?
Уроки
«Юрмалы-86»

Родриго Фомин — обладатель Главного приза.

Юрий МИХАЛЬЦЕВ,
фото Е. МАТВЕЕВА

песни на морс

Участников конкурса приветствует Раймонд Паулс.

Поет Ферангиз Рагимбекова.

Первое место заняла Нарине Арутюнян.

...ком берегу

См. стр. 28

Игорь Демарин претендует на приз зрительских симпатий.

Наргизе Закировой всего шестнадцать...

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 30 (3079)

Основан 1 апреля 1923 года

26 ИЮЛЯ — 2 АВГУСТА

В НОМЕРЕ:

событие недели

Во время встречи.

Фото Ю. Лизунова и А. Чумичева (ТАСС)

21 июля М. С. Горбачев принял в Кремле заместителя федерального канцлера, федерального министра иностранных дел Федеративной Республики Германии Г.-Д. Геншера, который передал послание Генеральному секретарю ЦК КПСС от федерального канцлера Г. Коля.

Обсуждались широкий круг вопросов международной, прежде всего общеевропейской, ситуации и двусторонние отношения.

НОВЫЕ ПЕЧИ РУСТАВИ

Ия МЕСХИ,
собкор «Огонька»

здалека коксохимический цех Руставского металлургического завода напоминает старую форсунку, которая хоть и фырчит еще, и пламенеет, но дух от нее распространяется адский и, вообще, как говорят, еле-еле душа в теле. (Тело — это батареи, а душа, естественно, кокс.) И то, что он, кокс, все-таки выпекается в этих щелястых, окутанных густым паром печах, по меньшей мере удивительно.

— На четверть века рассчитан этот цех по проекту,— дает справку начальник цеха Роман Клибадзе.— А служит уже 32 года. Давно пора перекладывать батареи.

— А что значит перекладывать?— спрашиваю я в техническом отделе завода. Это то же самое, объясняют мне, что перекладывать печь в избе. Сначала надо ее, голубушку, разрушить до основания, а затем заново сложить. На такую махину потребуется не менее трех лет и десятки миллионов рублей. Решение уже есть, подготовительные работы начаты.

Да, но как совместить это с тем, что на руставском заводе, согласно планам реконструкции, будет строиться электросталеплавильный цех — ЭСПЦ? Первая печь этого цеха производительностью в 460 тысяч тонн стали в год должна строиться уже в этой, двенадцатой пятилетке, вторая — в следующей и третья — до конца двухтысячного года.

Электроплавление, сулящее более качественную продукцию, должно сменить традиционное мартеновское производство. А если погаснут в Рустави мартены, то, естественно, отпадет необходимость в чугуне, не нужны будут и домны. И уж, конечно, не нужен коксохимический цех, поскольку он служит этим самым домнам.

Так к чему же перекладывать батареи коксохима? Ведь если я знаю, что завтра в моей избе будут устанавливать электроплиту, на которой стряпать удобнее, и быстрее, и чище, стану ли я затевать перекладку старой печки? Да ни за что на свете! Как-нибудь перебьюсь, у соседей «одолжу», но не буду ввергать себя в бессмысленный расход...

Правда, мартены в Рустави (их здесь восемь) погаснут не по одной команде. Сначала те, на смену которым придет первая электропечь. И далее, пока чугуноварение не сойдет на нет. Значит, переложенные печи коксохима смогут поработать только по нисходящей, и то примерно лет десять, не более?

Нет, все равно не видно резона в сегодняшней перекладке. И трудно понять, как можно одной рукой составлять ТЭО — технико-экономические обоснования по строительству на заводе ЭСПЦ, а другой начинать подготовку к перекладке коксохима.

Знаю руставский завод с самых пеленок, с самой первой плавки стали в апреле 1950 года. Завод стал единственным в системе Минчермета СССР своего рода уникальным предприятием с полным циклом металлургического производства. Иначе говоря, здесь делали все: завозили из соседнего Азербайджана великолепный магнитный железняк, а из Западной Грузии — коксующийся уголь, варили чугун, сталь, производили прокат, трубы... В 60-х годах в Рустави проходили практику польские, чехословацкие, румынские, болгарские металлурги (удобно: на одном заводе весь технологический цикл!). Руставцы помогали строить и эксплуатировать металлургический завод в Индии.

Так все шло в хорошем темпе. А потом пошли сбои. Спады, подъемы, вновь спады. Из последнего спада только начали выползать...

Вместе с секретарем парткома завода Ревазом Антоновичем Тхелидзе заходим в трубопрокатный цех, где он работал прежде, где знает каждого специалиста. Рассказывает, как здесь отреагировали на критику, прозвучавшую с трибуны XXVII съезда КПСС в адрес смежников — участников создания комбайна «Дон-1500». Быстро перестроили участок цеха на производство прямоугольных труб и первую партию их отправили в Таганрог на месяц раньше срока. Отправят комбайностроителям до конца года и еще не меньше трех тысяч тонн таких труб.

Но главный вид продукции руставцев — круглые трубы. И главный их потребитель — нефтяники Сибири, тюменцы. И Сибирь взывает к Закавказью: «Качество, товарищи! Постыдитесь, какой товар нам шлете!..» Вот позор-то...

Но справедливости ради надо сказать, что руставцы в последнее время почти не получают из Тюмени нареканий. Реваз Тхелидзе показывает автоматизированную линию плазменной резки газлифтных труб и как они, эти трубы, подвергаются специальной термической обработке для работы в условиях семидесятиградусных мо-

«жатва-86»

ХЛЕБ ДОНА

Хороши нынче хлеба в колхозе «Память Кирова», что в Кагальницком районе Ростовской области, недаром хозяйство удостоено звания высокой культуры земледелия. Каждый гектар здесь используется с максимальной отдачей, широко применяются в колхозе рекомендации науки и передовой практики. И потому даже в этот засушливый год урожай радует — в среднем сорок центнеров с гектара. А на полях, где посеяли пшеницу селекции академика ВАСХНИЛ И. Г. Калиненко, урожайность в полтора раза выше.

Обязательства у хозяйства немалые: продать государству четыре тысячи тонн зерна сильных и ценных сортов пшеницы. Тридцать комбайнов убирают хлеб. Люди работают по-ударному, с желанием дать Родине как можно больше зерна, запасти отборные семена.

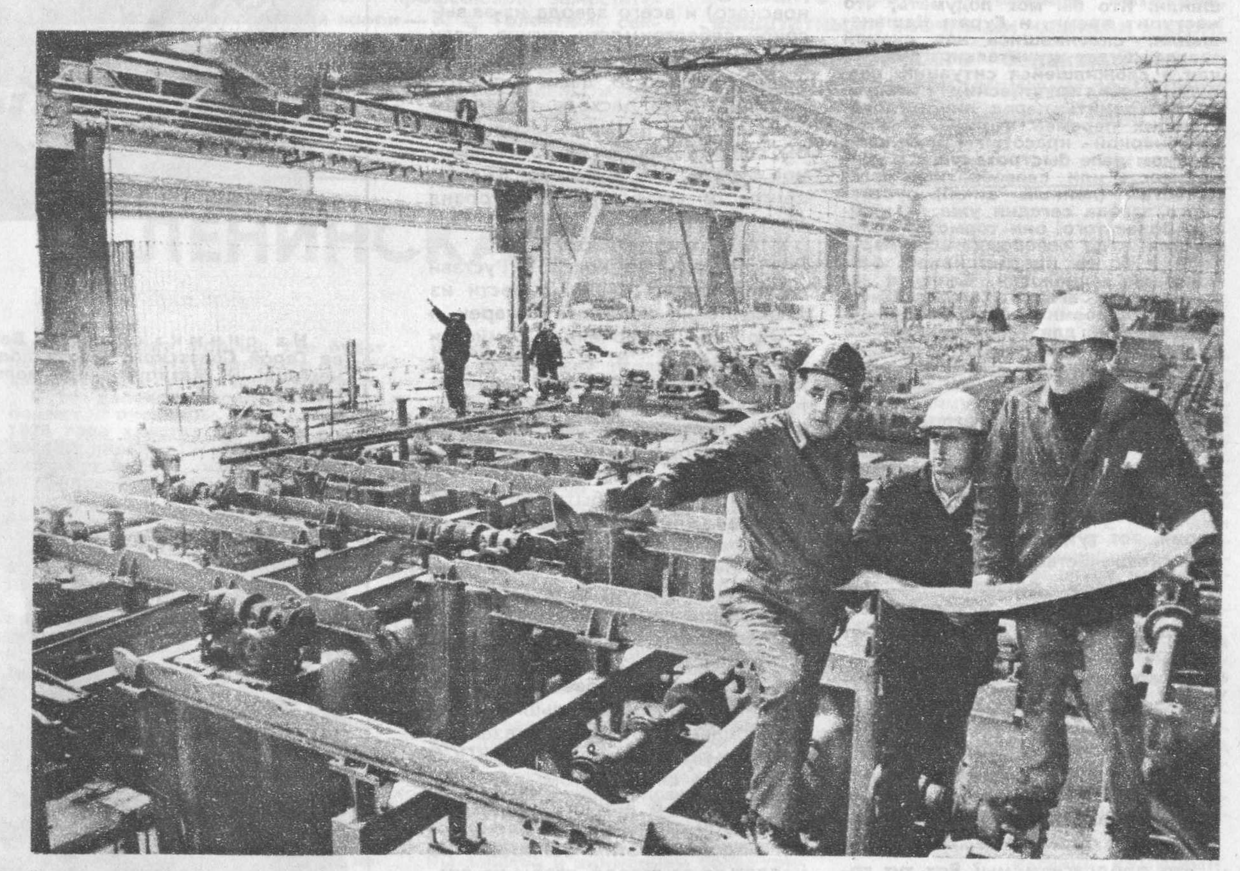

В валках озимая пшеница. Фото Е. Недери (ТАСС).

розов. Я вижу и участок цеха с автомат-линией для нарезки обсадных и насосно-компрессорных труб и муфт к ним, что исключает негерметичность соединений в трубах. Вижу и два оцинковочных отделения, пребывание в которых повышает надежность труб. Монтируются новые мощные гидравлические испытательные прессы-стенды, чтобы людям не заниматься этим на буровых. Словом, специальный штаб по реконструкции трубопрокатного делает все для максимального ускорения технического перевооружения.

— С претензиями сибиряков, которые сыпались на нашу голову еще совсем недавно, мы уже почти справились,— говорит секретарь парткома.— Расстаться с этими маленькими «почти» постараемся в этом году.

Теперь мы уже сидим в парткоме, где к совместной беседе приглашен заместитель директора завода по экономике Владимир Георгиевич Размадзе. Говорим о давнем, наболевшем, о чем уже рассказывалось на страницах нашего журнала несколько лет тому назад, однако и сегодня эти проблемы не решены. Нехваткой рабочей силы в республике никого не удивишь, но в Рустави это ощущается острей. Так, как в Рустави, не начинался ни один большой металлургический завод в нашей стране. Еще шла война, а в июле 1944 года Государственный Комитет Обороны принял решение возобновить начатое до войны строительство закавказского завода и призывной возраст по Грузии, 1926 года рождения, мобилизовать в металлургию. Пять тысяч

Реконструируется прокатный цех Руставского металлургического завода. На переднем плане (слева направо) начальник технического отдела завода Демури Харадзе, монтажник Теймураз Гогуадзе и заместитель начальника цеха Буду Кавтарадзе.

Фото А. Рухадзе

юношей вместо фронта были отправлены учиться на металлургические заводы России, Украины, промышленные предприятия республики.

— Какой у нас сейчас год? — спрашивает Тхелидзе.— Так вот, этим людям сегодня уже шестьдесят. И они уходят на пенсию один за другим. Образовалась брешь. Разумеется, мы много делаем для того, чтобы восполнить ее. Но уж слишком резкий отток кадров идет, и нам систематически не хватает не сотни-другой, не хватает пять-шесть сотен рабочих...

Как же при такой нехватке людей строить электросталеплавильный цех? Что ж, у директора завода есть на этот счет свои «дерзкие соображения»...

Мы старые знакомые. Гурам Бенедиктович Кашакашвили был раньше начальником мартеновского цеха. Потом его назначили руководителем другого металлургического завода. Вернулся в Рустави в качестве директора два с половиной года назад, когда завод находился в прорыве. Довольно энергично стал поправлять положение.

Смотрю, как разворачивает он на приставном столике графическую схему завода. Сколько раз ходила и ездила по этой территории и никогда не представляла, что все так компактно, так умно и красиво умещено на сравнительно небольшом (около четырехсот гектаров) квадрате земли. И всю эту гармонию продумал, выпестовал главный инженер строившегося тогда завода, известный в то время в стране ученый-металлург Николай Васильевич Кашакашвили. Выпускник Петербургского политехнического, он успел еще до революции поработать несколько лет на Урале, а с 1922 года в Харькове возглавил трест по восстановлению южных металлургических заводов страны. Когда же встал вопрос о строительстве металлургического завода в Закавказье, он, конечно, был тут как тут.

Именно он и привел к мартеновской печи на первую плавку руставской стали своего деревенского племянника, тогда еще школьника села Маяковски Гурама Кашакашвили. Кто бы мог подумать, что наступит время, и Гурам Кашакашвили, склонившись над схемой завода, будет мучительно думать, как в сложившейся ситуации разрубить узел руставских проблем, как сохранить перед лицом предстоящих перемен гармонию этой инженерной красоты. Время, оно в самом деле быстротекущее, и уникальность или своеобразная «всеядность» (полный цикл!) руставского завода сегодня уже не нужны. Более того, они тормозят дело, от них надо освобождаться, переходя к более прогрессивной, бескоксовой технологии. Благо в закавказском регионе с его множеством металлоемких промышленных предприятий для такой технологии полно вторчерметовского сырья.

Гурам Бенедиктович приглашает к схеме:

— Сегодня здесь все предельно забито и, кажется, яблоку негде упасть. Новый электросталеплавильный цех нам предлагают строить за околицей заводской территории, вот тут, придется потеснить сельскохозяйственные угодья. Предположим, сделаем так. Но посмотрите сюда: в заводском квадрате одно за другим начнут отмирать производства — коксохим, аглофабрика, домны, мартены. И на расстоянии в семь километров будет плавка от проката. И черные дыры по всей территории. Это же ненормально! Завод растянется, производственная наша жизнь усложнится. Я уже не говорю об эстетике...

Что предлагаем мы? Вот тут готовятся к перекладке батарей коксохима, расположенного вблизи прокатных цехов. Сломаем эти батареи, а перекладывать не будем. На этом месте построим первую электропечь. Приступим немедленно. Все коммуникации уже есть, и этим мы выигрываем время, рационально используем территорию, сокращаем транспортные перевозки. Наконец, решаем самую жгучую нашу проблему рабочей силы, потому что закрытый коксохим, а вслед за ним и другие цеха высвободят людей. Мы их займем на строительстве нового цеха, пошлем на переподготовку...

Правда, пока не погаснет последний мартен, руставцам будет нужен кокс. И Министерство черной металлургии СССР так и ставит вопрос: откуда завод собирается получать его, когда известно, что в стране «лишнего» кокса нет? Но Кашакашвили настаивает: «Заберите у нас те полсотни миллионов, что отпущены на перекладку, и вложите в тот коксохим, что перспективен. Наш же все равно не жилец...»

Действительно, местный коксующийся уголь истощается и обеспечивает лишь треть потребности в сырье. Остальные две трети завозят из Донецка и Караганды. Карагандинский уголь обходится в баснословные цены. Донецкий наполовину дешевле, но и он очень дорог. Ведь его же везут сначала в вагонах к берегам Черного моря, потом доставляют морем в порт Поти, а там снова поручают железной дороге. Поистине не черным, а «золотым золотом» оборачивается для руставского коксохима сырье. А отсюда убытки. Люди работают не покладая рук, а завод убыточный. Что это значит? Это значит, нет у него собственных оборотных средств, все время с протянутой рукой клянчит деньги у министерства. Это значит, не может завод существенно улучшить свой соцкультбыт, а отсюда новый дефицит рабочей силы. Вот такая карусель...

«Основные убытки цеха (мартеновского) и всего завода из-за высокой себестоимости чугуна. Если бы цех работал целиком на привозном чугуне, то, даже несмотря на увеличение расхода топлива и длительности плавки, завод смог бы снизить убытки на 25 миллионов рублей, что составляет 87 процентов от существующего уровня убытков РМЗ».

И еще одна выдержка:

«Производство кокса в Рустави нерентабельно. Надо вывести из эксплуатации коксовые батареи...»

Это из заключения комиссии (председатель В. А. Хмелик из ЦНИИчермета), которая занималась выяснением причин убыточности Руставского металлургического завода. Дата совсем свежая — апрель 1986 года.

Ну что такое убыточность? Не чугунная ли гиря на шее министерства? Директора завода да и весь руставский коллектив тоже унизительно душит она.

Руставцы получили в руки партийные документы. Руставцы сели и подсчитали, как выиграть время, как быстрее провести реконструкцию. Руставцы с большим удовлетворением прочитали сказанные на июньском Пленуме ЦК КПСС этого года слова о том, что «министерствам и ведомствам нужно с высокой степенью ответственности подойти к этим вопросам, не цепляться за старое, чтобы не оказаться банкротами перед народом».

Так за чем же дело стало?

НАД ПОЛЯРНЫМИ ЛЬДАМИ

Наш полк авиации дальнего действия в сорок третьем году базировался на одном из подмосковных аэродромов. Сюда же прилетали бомбардировщики «Бостоны», истребители «Эркобры» и другие самолеты, получаемые по ленд-лизу от Соединенных Штатов Америки. Перегонку их выполняла специальная авиадивизия. К летчикам-перегонщикам мы относились с большим уважением. Недальний путь с Аляски на советско-германский фронт проходил через Чукотку, Якутию, Сибирь, по местности, где до того не было и признаков человеческого жилья. Промежуточные аэродромы были построены на вечной мерзлоте, в тундре, тайге. И летали перегонщики часто в сложных метеорологических условиях — фронт торопил!

Однажды к нам прилетел и сам командир этой дивизии, крепкий, подтянутый, с неторопливыми, точными движениями Герой Советского Союза генерал-майор Илья Павлович Мазурук. Он был прославленный полярный летчик. В то время, когда спутники не передавали точный прогноз погоды по всему земному шару, когда не было совершенных аэронавигационных приборов, полеты в Арктике, над ледяными полями морей, над тайгой и горными хребтами, когда внезапно налетали снежные заряды или непроглядной пеленой опускался туман, требовали большого мужества и высокого мастерства.

Мазурук участвовал в первой воздушной экспедиции на Северный полюс в мае тридцать седьмого года. Вместе с Михаилом Водопьяновым, Василием Молоковым и Анатолием Алексеевым он доставил на дрейфующую льдину в районе полюса четверку отважных папанинцев и необходимое снаряжение. А потом начальник экспедиции Отто Юльевич Шмидт именно экипаж Мазурука, самого младшего из четырех командиров кораблей, оставил зимовать на острове Рудольфа, чтобы в случае необходимости оказать папанинцам помощь. Шмидт высоко оценил мужество и профессиональное мастерство молодого полярного летчика.

Эта годичная зимовка на архипелаге Земли Франца-Иосифа многому научила Мазурука и его экипаж. Илья Павлович получил большой опыт полетов в высоких широтах и вскоре был назначен руководителем полярной авиации Главсевморпути.

А тогда, в сорок третьем, Мазурук нашел время встретиться с летным составом нашего полка. Он пожелал нам успешных боевых вылетов, с улыбкой посоветовал после войны переходить в полярную авиацию, у которой большое будущее.

Мазурук не ошибся. В течение послевоенных десятилетий самолеты регулярных высокоширотных экспедиций высаживали на дрейфующие льды научные станции «СП». И многие годы в этих экспедициях вместе со своими учениками, молодыми летчиками участвовал Илья Павлович Мазурук. Полетал он и в небе Антарктиды. Водил самолет над ледниками шестого континента так же мастерски, как и над льдами арктических морей.

Илья Павлович Мазурук ныне отмечает свое восьмидесятилетие. Имя этого замечательного летчика золотыми буквами вписано в историю советской авиации.

А. ГОЛИКОВ

На снимках: депутат Верховного Совета СССР первого созыва Герой Советского Союза полковник И. П. Мазурук (1940 год); генерал И. П. Мазурук среди молодых пилотов и друзей (17 июля 1986 года).

Фото Д. Чернова (ТАСС) и А. Гостева

ВСЕСОЮЗНОЕ СОРЕВНОВАНИЕ ПРОФСОЮЗНЫХ ЗДРАВНИЦ СЕМЕЙНОГО ОТДЫХА.

Мама, папа и я · Мама, папа и я

ПРИГЛАШАЕМ УЧАСТВОВАТЬ В ОБСУЖДЕНИИ

Центральный совет по управлению курортами профсоюзов, ЦК профсоюза медицинских работников и редакция журнала «Огонек» начинают с 1986 года соревнование под девизом:

«МАМА, ПАПА И Я».

В соревновании участвуют все (около 400) коллективы домов и пансионатов профсоюзов, предназначенных для отдыха семейных и родителей с детьми.

КОМУ ПРИСУДИТЬ ПРИЗ «ОГОНЬКА»?

УСЛОВИЯ СОРЕВНОВАНИЯ

Победителями признаются те коллективы, которые наилучшим образом наладили:

1) бытовые условия,

2) медицинское обслуживание,

3) питание,

4) культурно-массовую работу,

5) физкультурно-оздоровительную работу,

6) разнообразные формы работы с детьми,

7) сумели внедрить новые оригинальные формы досуга,

8) расширили сферу услуг, предоставляемых отдыхающим.

И при этом успешно выполнили плановые задания и социалистические обязательства.

ПРЕМИИ ПОБЕДИТЕЛЯМ

Первая премия: переходящий приз «Огонька», два комплекта литературных приложений к «Огоньку» — один для библиотеки здравницы, другой — отличившемуся работнику по представлению коллектива этой здравницы.

Вторая премия: переходящий вымпел «Огонька» и один комплект литературных приложений к «Огоньку».

Три персональные премии: диплом и комплект литературных приложений к «Огоньку» (вне зависимости от призовых мест коллективов):

лучшему воспитателю по работе с детьми,

лучшему культорганизатору,

лучшему инструктору по физкультуре.

Итоги соревнования подводятся один раз в год, призы вручаются в начале следующего года.

УТВЕРЖДЕНО ЖЮРИ:

Председатель — **Н. А. Стороженко**, заместитель председателя Центрального совета по управлению курортами профсоюзов; заместители председателя жюри — **В. А. Головской**, секретарь ЦК профсоюза медицинских работников; **Б. А. Леонов**, первый заместитель главного редактора журнала «Огонек»; члены жюри **Л. Б. Григорьева**, начальник лечебно-профилактического управления совета; **Н. А. Федотова**, заведующая отделом соцсоревнования; **Г. В. Куликовская**, корреспондент журнала «Огонек»; **А. А. Дорошенко**, заведующий отделом культмассовой работы совета; **А. А. Соколюк**, заведующая отделом детских,профилактических учреждений совета; **Э. М. Анурова** — инструктор-врач отдела производственной работы и заработной платы ЦК профсоюза медицинских работников;**П. А. Кутузов**, директор пансионата «Лиелупе»; **В. Н. Мешков**, директор пансионата «Мисхор».

Редакция «Огонька» приглашает принять участие в обсуждении работы здравниц читателей журнала, всех, кому довелось побывать в пансионатах и домах отдыха профсоюзов. Пишите нам, рассказывайте о том, как вы отдыхали, сообщайте о добрых, заботливых людях и о недостатках, увиденных вами. Ваши советы, рекомендации и замечания будут учтены при подведении итогов соревнования, а некоторые из них будут опубликованы в журнале. Считайте себя, товарищи читатели, внештатными заочными членами жюри!

Для быстрейшего ознакомления с вашими корреспонденциями помечайте конверты девизом: «Мама, папа и я».

---

26 ИЮЛЯ — ДЕНЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОССТАНИЯ НА КУБЕ

ЛЕНИНСКАЯ ОЛИВА

Читатели рассказывают

В местечке Регла, пригороде кубинской столицы на юго-восточном берегу гаванской бухты, есть холм, названный в честь вождя мирового пролетариата. Испанское название этого места — Колина Ленин. Спросите любого жителя Гаваны, и он объяснит, как проехать к знаменитому месту.

Откуда появилось такое название? Что теперь на холме Ленина? Фотография из моего семейного альбома напоминает о визите в Реглу, на Колина Ленин.

...Одноэтажное светлое здание с зеленой крышей. У входа надпись: «Детский сад имени В. И. Ленина». В просторной комнате нам представляется миловидная молодая женщина: «Мерседес Альварес, директор детского сада». Просим ее рассказать о холме Ленина. Почему так названо это место? Когда был построен здесь дом для малышей?

...Январь 1924 года. До берегов Кубы дошла печальная весть о кончине Владимира Ильича Ленина. Алькальдом — мэром — Реглы в то время был прогрессивный общественный деятель Антонио Бош. Он призвал всех жителей городка в день похорон вождя пролетарской революции в России собраться на вершине холма Фортин, где будет посажено в честь Великого Гражданина планеты оливковое дерево.

В то далекое воскресенье, как помнят очевидцы, 27 января 1924 года хлестал сильный тропический ливень. Он, казалось, отделил Реглу от остального мира. К полудню дождь немного притих, но так и продолжал лить весь день. Нет, не остановила людей плохая погода. Склоны холма были скользкими, ноги вязли в грязи, а длинной процессии скорбящих не было видно конца.

В лунку, выкопанную мэром, опустили саженец оливкового дерева. Каждый из присутствующих бросил комок земли вокруг нежного ростка. С тех пор это место стало называться Колина Ленин — холм Ленина.

Сюда приходили отдохнуть после трудового дня, подышать свежим воздухом. Здесь часто собирались рабочие, ремесленники. Они устраивали вокруг набиравшего силу молодого деревца свои митинги, собрания, дискуссии.

Диктатор Херардо Мачадо ненавидел и боялся Колина Ленин, который стал как бы официальным местом сбора пролетариата Реглы, расположенного неподалеку от городка Гуанабако, да и самой Гаваны. По приказу тирана на холм однажды ворвались полицейские, разогнали собравшийся там народ и... срубили дерево.

Однако никакими репрессиями не удалось диктатору вытравить народную память о знаменательном событии январского дня 1924 года. Жители по-прежнему бывший холм Фортин называли Колина Ленин.

Через несколько лет, когда ненавистный правитель был свергнут, трудящиеся Реглы вновь посадили оливковое дерево на прежнем месте. Оно как бы приняло эстафету у погибшего. А после победы Кубинской революции на Колина Ленин построили детский сад...

Мерседес Альварес рассказала, что под ее опекой находятся сто семьдесят малышей — детей рабочих и служащих Реглы. У малышей прекрасная столовая, спальня, площадка для игр, множество игрушек и, конечно, книг с красочными картинками. Ребята окружены заботой и вниманием более тридцати воспитательниц и нянь, за их здоровьем следят врач и медсестра. Смех и веселые голоса врывались в окна кабинета директора, где шла наша беседа.

Когда мы еще только подходили к детскому саду, то искали глазами оливковое дерево. Однако пока не увидели его. Просим Мерседес показать «знаменитость». В патио, внутреннем дворике детского сада, мы увидели толстый ствол дерева, разветвленного у самого основания на два потоньше с мощными кронами, на которых в лучах солнца поблескивали серебристые листочки. Рядом высится на постаменте ленинский бюст.

— Здесь у нас происходят самые торжественные собрания, отмечаются знаменательные события в жизни коллектива. К оливковому дереву мы приходим каждый раз 22 апреля и кладем цветы к бюсту В. И. Ленина в день его рождения,— говорит директор.— Улыбнувшись, она добавила, что их сад часто посещают зарубежные делегации. У всех гостей одна обязательная просьба: показать им дерево, посаженное в память Владимира Ильича Ленина.

Евгений КУНИЦЫН,
пассажирский помощник капитана турбоэлектрохода «Балтика».

— Бросай свой план,
подумай о финале:
Мы так же, не подумав, начинали!..

Дм. ДЕМИН

ГИТЛЕР

ВИЛЬГЕЛЬМ

НАПОЛЕОН

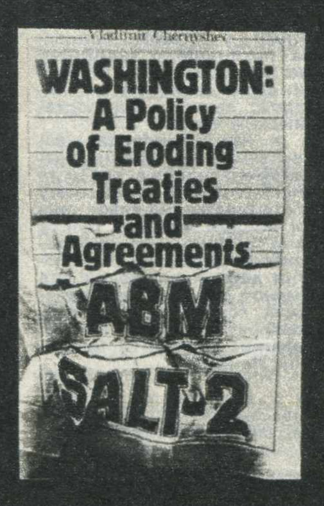
МУССОЛИНИ

ПЛАН ПОКОРЕНИЯ ВСЕГО МИРА

US

КУКРЫНИКСЫ-86

Рисунок КУКРЫНИКСОВ

откуда исходит опасность

«Если существующие договоры и соглашения мешают американской администрации свободно наращивать и модернизировать свои вооружения, то в Белом доме действуют по принципу — тем хуже для этих договоров и соглашений».

Такой вывод делает советский специалист в области контроля над вооружениями Владимир Чернышев, автор вышедшей недавно в Издательстве АПН иллюстрированной книги на английском языке «Вашингтон: линия на эрозию договоров и соглашений» [1].

В 70-е годы, вошедшие в историю как годы разрядки международной напряженности, по инициативе СССР и других социалистических стран и при наличии определенного реализма в позициях руководства США были достигнуты важные советско-американские соглашения по проблемам ограничения и сокращения ядерных вооружений, которые положительно сказались на международной обстановке в целом. Эти документы — Договор по ПРО и временное соглашение ОСВ-1, подписанные в 1972 году, а также Договор ОСВ-2 1979 года — доказали возможность достижения договоренностей по самым важным политическим и военным вопросам современности.

Однако в результате резкого поправения внешней политики США после прихода к власти администрации Р. Рейгана, замечает В. Чернышев, процессу ограничения и сокращения вооружений был нанесен тяжелый урон, он, по существу, был дезорганизован. Вашингтон стал высказывать свое откровенно-пренебрежительное отношение к ранее заключенным соглашениям, откровенно заявляя о своем намерении разрушить или отказаться от них.

Создается впечатление, что в Вашингтоне забыли о закрепленном в Уставе ООН и известном с древнейших времен принципе — «Договоры должны соблюдаться».

Все свои помыслы американская администрация сконцентрировала на стремлении любой ценой добиться военного превосходства над Советским Союзом. С этой целью в США была принята стратегическая программа «перевооружения Америки», а затем объявлена и полным ходом начала осуществляться программа «звездных войн» — пресловутая «стратегическая оборонная инициатива» (СОИ).

Этим-то программам и стало тесно в рамках существующих договоров.

«В результате, — констатирует автор книги,—администрация США начала, образно говоря, работать большой дубинкой, нанося удары то по одному, то по другому со-

---

[1] В течение многих лет полковник В. Чернышев занимал ответственные посты в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР, в 70-е годы он был советским военным представителем на международных форумах — сначала в военно-штабном комитете ООН, а затем на венских переговорах по взаимному сокращению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе.

глашению. Так нависла угроза над Договором по ПРО — основе всей действующей договорной системы, сдерживающей гонку вооружений. «Затрещал» Договор ОСВ-2, ставящий преграду количественному росту и качественному совершенствованию стратегических ядерных вооружений».

Разъясняя читателю, почему взаимосвязь между оборонительными и наступательными вооружениями носит непреходящий характер, автор книги напоминает: «Соединенные Штаты и Советский Союз согласились, что Договор по ПРО является эффективной мерой по уменьшению опасности возникновения ядерной войны, а затем дважды подтверждали его действенность и значимость как для советского и американского народов, так и для других народов мира».

Однако в последние годы в полном противоречии с логикой ядерного века, требующей от политических деятелей признания, что современное оружие не оставляет ни одному государству возможности защитить себя в случае возникновения ядерного конфликта даже с помощью самых «экзотических» технологий, в Вашингтоне стали утверждать, что СОИ может будто бы создать условия для ядерного разоружения.

Решение президента США отказаться от соблюдения договоров по ОСВ родилось не вдруг. Представители администрации Рейгана сразу после прихода к власти неоднократно называли Договор ОСВ-2 «абсолютно неприемлемым», «гибельно порочным». Что же так не понравилось им в этом договоре!

В первую очередь то, что в нем США и СССР признали наличие стратегического баланса и определили меры, способствующие поддержанию его в дальнейшем. «Разве может такой договор,— говорится в книге,— устраивать правительство, поставившее целью нарушить паритет и добиться военно-стратегического превосходства над Советским Союзом! Ратификация Договора ОСВ-2 поставила бы преграду дальнейшему количественному росту и качественному совершенствованию наиболее мощных вооружений сторон; выбила бы почву из-под утверждений о «стратегическом отставании» США».

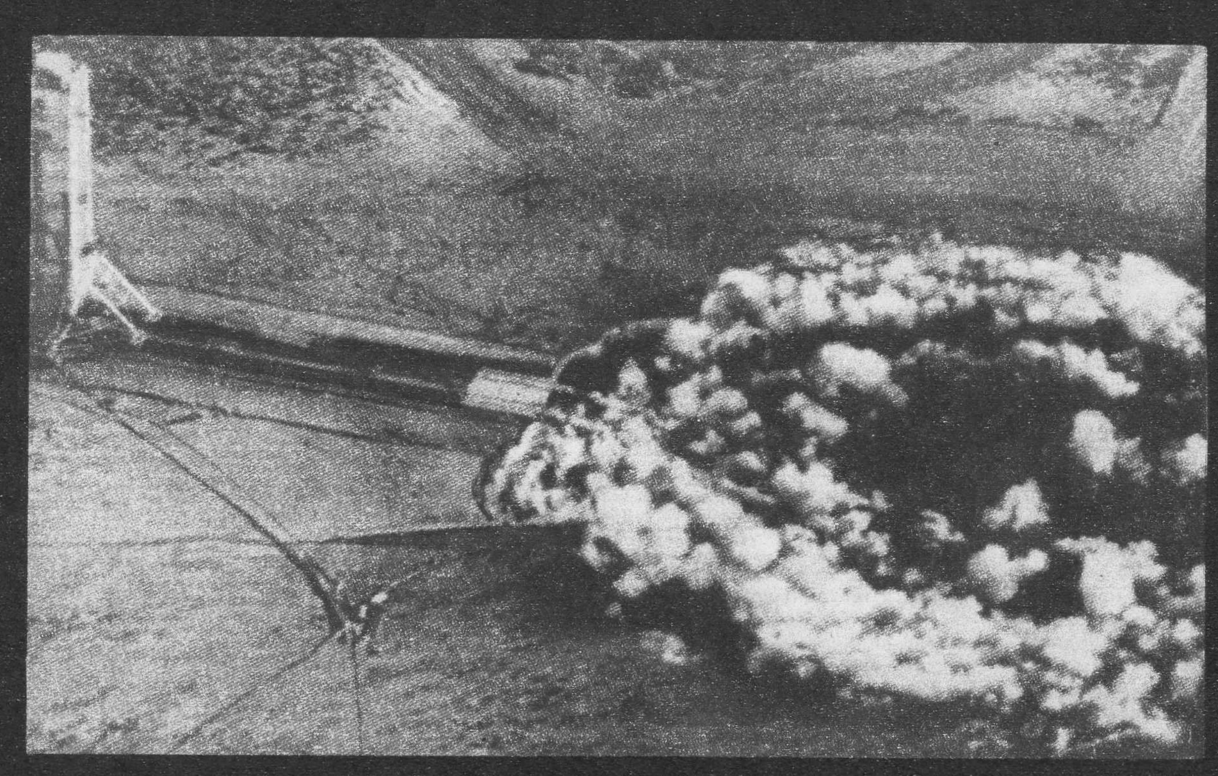
Уже в 1983 году вопреки заложенным в договоре обязательствам США начали размещать в ряде западноевропейских стран НАТО ракеты средней дальности «Першинг-2» и крылатые ракеты, которые являются по отношению к Советскому Союзу, по существу, стратегическим оружием. Утвердили в Вашингтоне и программу создания еще одной новой МБР — «Миджитмен», хотя договором создание второй новой МБР (первая — МХ) запрещено.

В. Чернышев разбирает и другие нарушения Соединенными Штатами положений договоров по ОСВ и приходит к выводу, что когда официальному Вашингтону удалось широким фронтом развернуть работы по созданию ударных космических вооружений, то у любителей военных авантюр появилась «надежда», прикрывшись «космическим щитом», получить возможность безнаказанно нанести первый ядерный удар. Стало быть, рассудили в Вашингтоне, необходимо еще более усиленными темпами ковать и «ядерный меч» для первого удара. Договор ОСВ-2 «затрещал», а вместе с ним и надежды народов на новые советско-американские соглашения в области контроля над вооружениями, надежды, которые пробудила встреча на высшем уровне в Женеве осенью 1985 года.

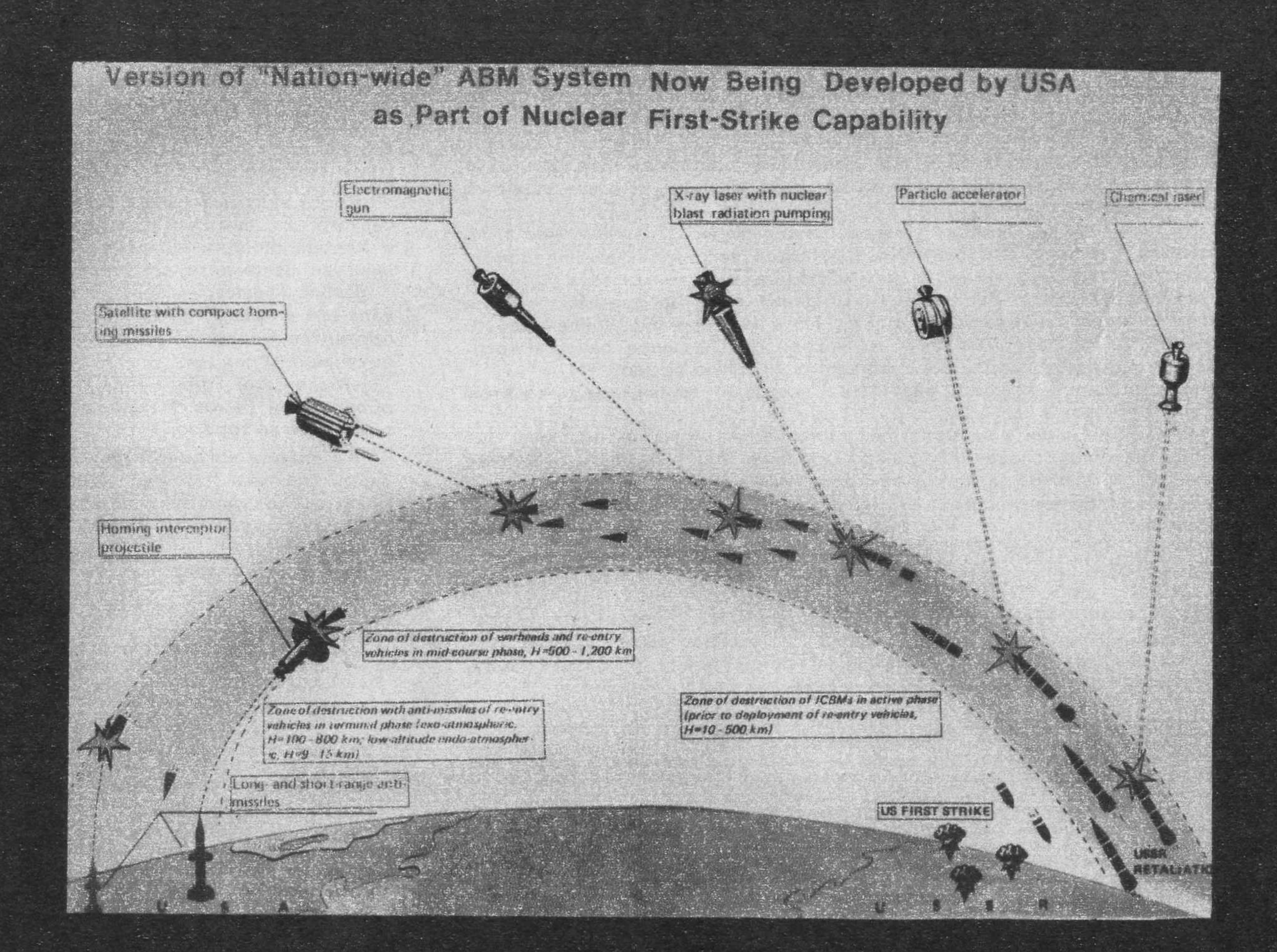
Примечательно, что руководящие деятели американской администрации, включая самого президента, уже не первый год пытаются оправдать свои противодоговорные действия, прикрываясь мощной пропагандистской кампанией, суть которой можно сформулировать так: «Обязательства и обещания русских ничего не стоят, так как даются они ради того, чтобы впоследствии их нарушать».

В книге детально разбираются все «нарушения» договоров и соглашений, приписываемые американской администрацией Советскому Союзу, и на конкретных примерах доказывается абсурдность подобных обвинений. Одновременно раскрываются их истинные мотивы, которые не имеют под собой сколь-нибудь серьезных оснований.

Владимир ГРИГОРЬЕВ

Очередной подземный ядерный взрыв на полигоне в штате Невада.

Так вашингтонские стратеги представляют себе действие пресловутого «космического щита».

ПАБЛО ПИКАССО

Игорь **ДОЛГОПОЛОВ**,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«Сказать вам, какими качествами определяется, по-моему, настоящее искусство? Оно должно быть неподражаемо. Произведение искусства должно охватить зрителя целиком и унести с собой. Через произведение искусства художник передает свою страсть, это ток, который он излучает и которым он притягивает зрителя в свою одержимость».

Огюст Ренуар

Маленькая картина Пикассо. Дата создания — 1905 год. Один из шедевров Вашингтонской Национальной галереи. В Москве в Государственном музее изобразительных искусств имени Пушкина «Девушка с веером» экспонировалась не в парадном белом зале, где представлялись импрессионисты, а в одном из боковых проходов. Однако у полотна Пабло Пикассо всегда было тесно. Так, из-за спин зрителей, я увидел «Девушку с веером». И долго не мог отойти.

Магическая тишина. Бледная, отрешенная, строгая девушка. В черных русалочьих волосах блеклая розоватая лента. Узкие, чуть прищуренные глаза устремлены вдаль. Что зрит она, эта почти безбровая, нищая Нефертити двадцатого века? Сжаты упрямые губы. Точеный подбородок. Тонкая, гибкая шея. Плотно облегает юное тело сине-голубая кофта с вырезом. Кушак. Скромная темная юбка. Все пуритански сурово. Загадочен жест правой руки. Девушка не то предостерегает, не то манит. В левой руке — сложенный веер. Ни тени кокетства.

Творение молодого Пикассо мгновенно охватывает своей нераскрытостью. Что-то от весталок, древнее, почти жречески ритуальное, исходит от этой застывшей в ожидании одинокой, отстраненной фигуры.

Невольно возникают строки Бодлера:

Блеск редкостных камней в разрезе этих глаз...
И в странном, неживом и баснословном мире,
Где сфинкс и серафим сливаются в эфире...

Томик стихов Бодлера в те годы не покидал изголовья убогой лежанки в нищей студии Пикассо на Монмартре.

...Сияет небывалой дивной прохладой бездонный сине-голубой цвет, словно сошедший с холстов великого Эль Греко. Приходит на память бирюза романских фресок старой Каталонии... Несказанная пустынность царит в картине. Серая, зеленоватая от сырости глухая стена. Не то комната, не то келья. Аскетическое безлюдье. Зато как в этом безмолвии властно ворожат удлиненные, плотно сложенные пальцы подъятой руки. Ни звука. Ни слова. Только неясные, призрачные тени бродят, то сгущаясь, то мерцая, по немой стене, по серьезному, напряженному девичьему лицу.

Она ждет...

Пикассо приехал в Париж в 1904 году. Это было второе свидание со столицей искусства. Но теперь навсегда. «Девушка с веером» написана через год после того, как Пабло Пикассо стал обитателем Монмартра. Прочтите записи поэта Аполлинера о посещении им своего друга Пикассо. Вы сразу поймете, в каком прозаически фантастическом мире голодной мечты жили и творили эти люди:

«В мастерской, похожей на конюшню, покоилось беспорядочно разбросанное стадо, это были усыпленные картины, а стерегущий их пастух улыбнулся своему другу.

На полке груды желтых книжек прикидывались комками масла. И, проникая в плохо пригнанные двери, ветер загонял сюда неведомые существа, которые с тихим плачем жаловались от имени всех горестей и печалей на свете. Все волчицы отчаяния выли за дверью, готовые пожрать стадо, пастуха и его друга... Но в мастерской царила радость всех цветов. С северной стороны находилось большое окно, в которое было видно только небо, похожее на женскую песню».

Мир поэзии, метафор, разбитых надежд и немыслимых взлетов. Пикассо позже скажет:

«Эти люди жили в невероятном одиночестве, которое, пожалуй, было для них благословением, даже если было для них несчастьем. Что может быть опаснее симпатизирующего понимания?»

Кстати, под этими строками могли бы подписаться все крупнейшие художники XIX века. От Жерико, Домье, Милле до Ренуара, Писсаро, Ван-Гога... Все они испытали нищету, одиночество, глумление невежд. Мирская слава обычно приходила поздно.

Совсем другая судьба ждала модных салонных, «сытых домашних котов». Они угождали своим буржуазным хозяевам... и преуспевали. Официальная пресса восхваляла их. Беда была только в том, что эти господа «не ловили мышей», а точнее говоря, не создавали талантливых картин о своем времени. Расплатой было забвение.

Монмартрское утро. Мастерская Пикассо. В ведре замерзла вода. В большом осколке зеркала, прикрепленном к стене загнутыми гвоздями, можно видеть, как художник пытается растопить печурку. В синем холщовом комбинезоне, веревочных туфлях, красной рубашке в белый горошек, в повязанном на шее черном мохнатом шарфе, Пикассо был зол, как бес, чертыхался. Камелек дымил. Ветер гулял по студии. Шевелил рисунки, эскизы, разложенные по полу. Хлопал дверьми.

На мольберте — начатая «Девушка с веером».

Нет, он должен согреть мастерскую. Фернанда пришла из булочной... Пока им еще верят в кредит. Хотя всему наступает конец. Кофе готов. Солнце растопило иней на окнах. Мир стал прекрасен. Парижская богема хорошо приняла молодого испанца. Правда, не все восторгались его искусством. Монмартр было трудно удивить.

Один из современников писал о Пикассо той поры:

«Нечто таинственное окутывало его личность, по крайней мере для нас, не привыкших к испанскому складу ума: поражал контраст между болезненной и тяжелой силой его искусства и его собственной жизнерадостной натурой, между его драматическим гением и его веселым нравом».

Никто, как Пабло Пикассо, не умел так танцевать фанданго, петь гортанные испанские мелодии. Не было улыбки более озорной и открытой, чем у Пабло. Но иногда, особенно когда не шла работа, он становился мрачен. В те минуты его боялась даже Фернанда Оливье, его подруга. Однажды Фернанда увидела, как он разрезал готовую картину. Взял наваху и крест-накрест рассек холст.

Фернанда заплакала. Тогда Пикассо подошел к ней и прошептал ей слова, от которых ей стало страшно: «Все зависит от любви. Дело всегда в этом. У художников нужно бы выкалывать глаза, как выкалывают щеглам, чтобы они лучше пели».

Такой парень был ее Пабло.

Но самое удивительное, что днем она нашла бумажку, на которой кистью были записаны эти безумные слова.

Второй год приезда в Париж был благодатен для Пикассо. Ведь именно в 1905 году он пишет ряд своих лучших картин: «Девочку на шаре», «Странствующих гимнастов», «Семейство комедиантов», «Мальчика с лошадью».

Райнер Мария Рильке посвятил «Семейству комедиантов» пятую элегию из цикла стихов «Дуинезские элегии». В московском ГМИИ имени Пушкина экспонируется «Испанка с острова Майорка». Этюд к крайней фигуре «Комедиантов». Он написан на картоне, артистично, почти виртуозно. В этой картине-этюде превалируют теплые, прозрачные тона.

Надо не забывать «Девушку с веером». Возможно, именно она предвосхитила романтический «розовый» период в творчестве Пикассо. Наиболее светлый и мажорный. Думается, что отнюдь не случайно «Девушка с веером» производит такое сложное, почти вещее, пророческое впечатление. Взгляните еще раз на полотно: как прощально, значительно звучит г о л у б о й цвет. Это дань пройденному «голубому» периоду. Хотя сам колорит холста вовсе другой. И в основе сине-голубого не берлинская лазурь, а скорее кобальт синий или цирилеум. Зато как волшебно мерцают теплые нюансы в чуть розоватых светах на лице и руках девушки. Правда, розоватые рефлексы еле брезжат. Но они обещают зарю «розового» периода. Как подтверждение этой догадки — ленточка в агатовых волосах...

Пикассо меняет обертоны своих новых холстов. Открывает еще неведомые в его творчестве созвучия. Сильнее возникают лейтмотив г у м а н и з м а, человеческого добра, какая-то мягкость и лиричность.

Мне представляется, что в этот 1905 год Пикассо создал свои редкостные шедевры. Ведь пройдет всего два года, и неуемный экспериментатор Пабло Пикассо напишет «Авиньонских женщин». Над Парижем, Европой взойдет умопомрачительная по охристой яркости звезда кубизма. Затмившая киноварный блеск звезды «фовиста» Анри Матисса.

Когда задумываешься об образе художника, о его психологическом силуэте, на память приходит молодой, наивный в своем мужестве и непреклонности матадор Педро Ромеро из «Фиесты» Эрнеста Хемингуэя. Вспомните, как он сражался. Как побеждал.

Пабло Пикассо — боец. В искусстве и в жизни. Пусть судьба разбивала его в кровь, но он поднимался. Эта черта его характера особенно проявится через десятилетия, в годы коричневой тьмы фашистской оккупации Франции.

«Маленький Гойя» — так прозвали Пабло Пикассо еще в Малаге — обожал бой быков. Много, много раз изображал корриду. В его душе тайно обитал тореро.

Вы видели когда-нибудь, как девушки глядят на корриду, этот кровавый спектакль? Их лица строги. Они отлично знают, что это не театр. Не актерское лицедейство. Ставка на арене — жизнь.

Судьба художника. Вечная схватка с собственным несовершенством. Если ты Мастер.

«Девушка с веером». Муза Пикассо. Она слыхала, как художник читал своей невесте Ольге Хохловой стихи друга:

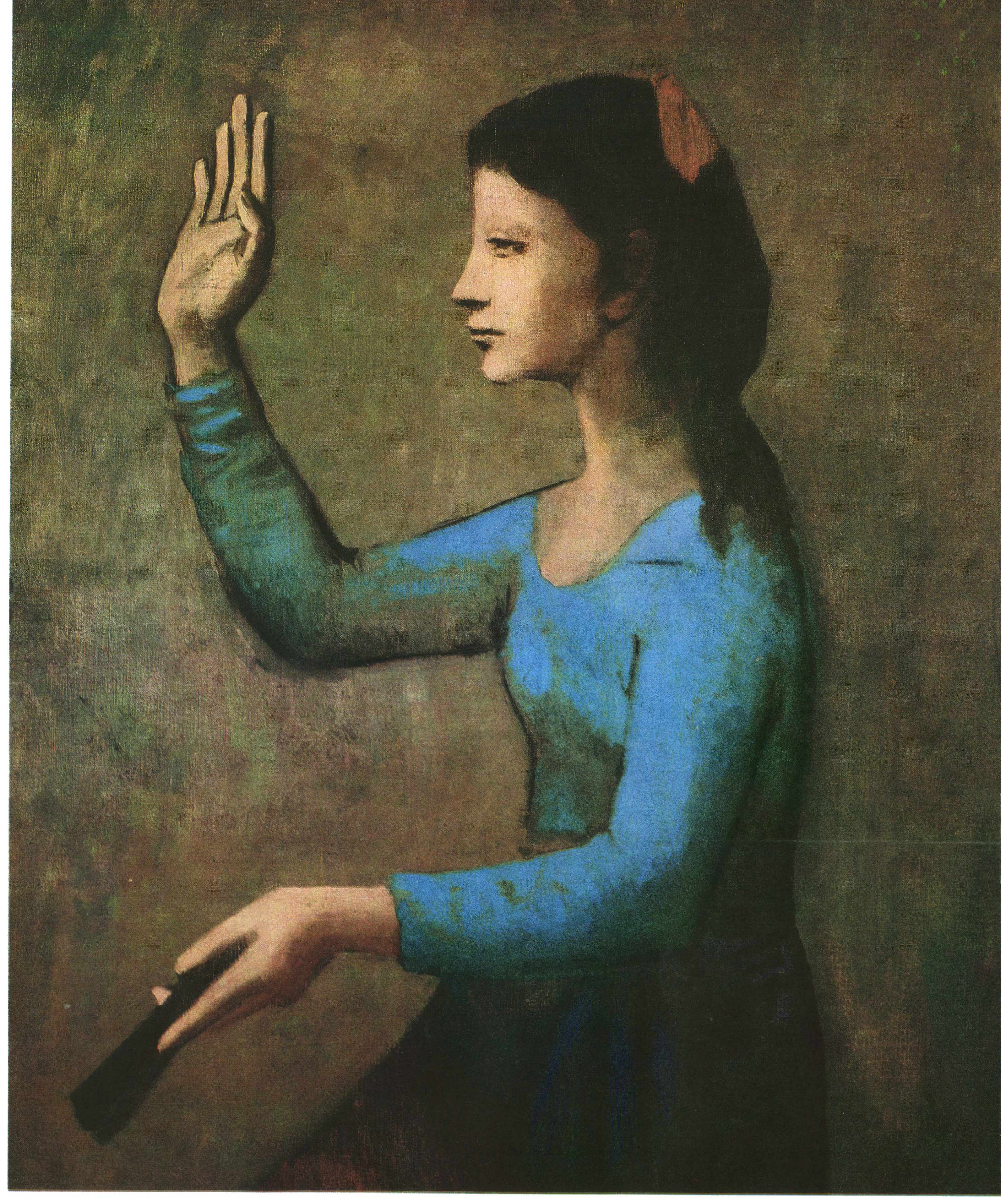
Сжальтесь над нами, сражающимися на рубеже,
Где сошлись беспредельность с грядущим.
Пожалейте за наши грехи и ошибки!
...Не смейтесь надо мной,
Вы дальние, вы ближние мои,
Ведь об одном сказать и сам я не решусь,
А о другом сказать вы мне не разрешите.
Так сжальтесь надо мной!

Поэт Аполлинер вскоре покинет бренный мир...

1975 год. Улица имени Алексея Толстого. Старый московский двухэтажный домик. Мастерская Николая Томского. Тихо. Прохладно. Где-то невидимо отсчитывает время негромкая капель. Пахнет сырой глиной.

— Бывают свидания неизгладимые. Они остаются в душе,— говорит Николай Васильевич.— Такой оказалась встреча сизым парижским вечером с художником Пабло Пикассо. Это был 1957 год.

Короткое энергичное пожатие горячей руки. Блеск острых черных глаз. Упругое, быстрое движение невысокой стройной фигуры... Знаменитый маэстро выделил для беседы пятнадцать минут. Таков был

П. Пикассо. 1881—1973. ДЕВУШКА С ВЕЕРОМ. 1905. Национальная галерея искусств. Вашингтон.

П. Пикассо. ПИОНЫ. 1901.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

регламент в отлаженном ритме его жизни. Но никто, а менее всех я, не предполагал, что наше рандеву продлится три часа. Тривиальное начало. Протокольные любезности. Улыбки. Вдруг Пикассо подошел к фундаментальному мольберту и одним махом сдернул холст, закрывавший портрет дамы с длинным пучком волос. Автор поднес к глазам сухую ладонь и взглянул на меня. Не забыть мне его пронзительного взора из-под козырька руки.

— Я сказал, что портрет решен оригинально. Хотя, по совести, мне он показался странным.

Маэстро улыбнулся. Он мигом постиг все.

— Понимаю,— произнес лукаво Пабло Пикассо.— Знаю, что вам понравится.

И сразу взлетел на стремянку. Снял со стеллажа рулон ватмана. На пол легли десятки листов.

Я ахнул. Поистине энгровские рисунки. Они были сделаны одной линией. Без тона. Но линия пела. Создавала ощущение пространства, объема, цвета.

Пикассо заметил мой восторг. Его смуглое, словно выточенное из какого-то древнего дерева лицо, старое и одновременно юное, словно озарилось. Он закурил. Незнакомый аромат. Синий дымок внес интимность в наш диалог.

— Мне известно,— хитро прищурился Пикассо,— что вы изволите ваять. А ведь я тоже занимаюсь скульптурой.

— Мосье Пикассо, во всем мире широко известна ваша работа «Человек с ягненком».

Твердая рука обняла меня за плечи и повлекла в соседний зал. Там в центре помещения высилась гипсовая модель «Человека с ягненком». Великолепно вылепленная скульптура. Верхний свет плафона мягко обозначил объемы, превосходно выполненную форму статуи.

Я с удовольствием сказал автору, что это замечательное произведение. Что оно понятно и близко мне, как его шедевр «Девочка на шаре» — пример пластики и высокой гармонии.

— Но позвольте вас спросить,— добавил я,— почему вы частенько отходите от этой гуманистической, проникающей в душу зрителя манеры, отличающей работы «голубого», «розового» периодов?

Глубокие морщины залегли на лбу Пикассо. Его живые, веселые глаза на миг, как мне показалось, стали злыми.

— Мне трудно переубедить своих маршанов. Они могущественны. Делают погоду на нашем «рынке искусства».

— Хотя я не так слаб,— усмехнулся Пикассо и, внезапно засучив рукав фуфайки, подставил мне рельефный бицепс, согнув в локте руку.

Мышцы оказались стальными. Надо помнить, что художнику в ту пору минуло семьдесят пять лет.

Пабло Пикассо вдруг стал серьезным:

— Я ведь не ищу, я нахожу. Поэтому, может быть, я еще не раз вернусь к моим ранним периодам, в том числе и «классическому». Если мне хотелось что-либо выразить, я так и поступал, не думая при этом ни о прошлом, ни о будущем. Если предметы, которые я хотел изобразить, как мне казалось, требовали иного способа выражения, то я принимал его без всяких колебаний. Мне кажется, смысл искусства нашего века в движении, а не в статике. Это спасает людей от равнодушия и апатии, вызываемых смогом, шумом и машинерией... Признаться,— и тут Пикассо поднес указательный палец правой руки к губам, и произнес нечто похожее на «тсссс», и подмигнул мне,— я влюблен в классику, в античность, в Эль Греко... Но на днях я увидел экспозицию детских рисунков и подумал: ведь в десять — двенадцать лет я умел рисовать, как Рафаэль,— и тут Пикассо вновь иронически подморгнул мне.— Но мне понадобилась вся моя некороткая жизнь, чтобы научиться рисовать, как малыши.

В этот миг сокровенного общения с Мастером я понял смысл его известного высказывания: «Надо потратить много времени, чтобы стать молодым...» Да, феноменально интересным, своеобычным был Пабло Пикассо — колдун, шутник, новатор. Самый популярный художник своего времени.

Я мысленно представил себе грандиозную анфиладу зал пока не существующего музея, наполненного тысячами его работ...

— Внезапно меня осенило...— продолжал Томский.— Ведь прошло ровно двадцать лет, как вы написали «Гернику».

— Да,— ответил Пикассо и поднял правую руку и сжал ее в кулак.— Тогда, в 1937 году, весь мир жил событиями в Испании. О, как я ненавижу гитлеровский фашизм и его итальянских прихвостней. «Но пассаран» повторяли все честные люди планеты. Республиканская Испания заказала мне панно для павильона Международной выставки еще в январе. Но работать я начал по-настоящему после зловещих событий в Гернике.

Пикассо преобразился. Маска шутника и колдуна словно слетела с его лица.

— В те страшные дни я писал «Гернику» словно на одном вздохе. Не знал ни дня, ни ночи покоя. Ведь картина была восемь метров в ширину и три по высоте.

Выслушав выдающегося антифашиста, я решился напомнить ему о тех далеких днях.

— А знаете ли вы,— спросил я у Пикассо,— что именно в том же январе 1937 года в заснеженной Москве наша Вера Мухина, плечом к плечу с вами, готовила к той же Международной выставке, только для Советского павильона, свою скульптурную группу «Рабочий и колхозница»?

Вдруг Пабло Пикассо молча крепко-крепко обнял меня и поцеловал.

— Ненавижу нацизм,— прошептал Пикассо...

В черной, туго обтягивающей моложавую, упругую фигуру фуфайке. Подвижный. Коротко остриженный. С сияющими глазами, то тревожными, то с веселыми задорными искрами, этот старик-мальчишка являл образ бессмертия человека-творца, рабочего, способного вылепить из керамической глины фигуру зверя, или блюдо, раскрасить и обжечь их в печи. Создать сюиту офортов. Написать портрет или картину, которая вольно или невольно останется у тебя в памяти, как всякое первичное искусство. Наконец, изваять серьезную скульптуру. Повторяю, несмотря на все свои блуждания, поиски, находки, новации и ошибки, это был — Мастер!

Мы вернулись в большую студию. Сфотографировались на память. Неспешно, в глубоком раздумье я спускался по узкой, прямой, крутой лесенке.

Интуитивно оглянулся. Увидел поистине магнетические, огненные глаза Пикассо. Заметил прощально поднятые, крепко сцепленные кисти рук.

Да, любое большое искусство, личность крупного художника далеко не однозначны. Мы многое еще не понимаем,— окончил рассказ Николай Васильевич.

«Я во многом не согласен с Пикассо, многое не приемлю, но вот неожиданность: я ходил по музею, мне хотелось получить отрицательное впечатление от этого художника, и я шел к «Гернике». И когда увидел это полотно, этот большой холст, прекрасную тональность, волевую, энергичную прорисовку деталей, меня это захватило. Я с сомнением приближался к «Гернике» — неожиданно картина произвела огромное впечатление. Но я смотрю как художник. И после того, что я увидел, я изменил к Пикассо отношение, он стал для меня большим мастером. Я почувствовал: он человек ищущий, мятущийся и мятежный. Я почувствовал: много мучений, много дум вкладывает он в искусство». Павел Корин.

Борис Сергеевич Угаров снял очки:

— Едва ли кто заподозрит Павла Дмитриевича Корина — художника русской реалистической школы, в пристрастии к «формализму»,— президент Академии художеств улыбнулся.— А потом, все ли живописцы, называвшиеся лет сорок тому назад «формалистами», так уж плохи? А ведь все импрессионисты, уже не говоря о Ван Гоге или Гогене, все на круг были чуть ли не крамолой... Но что ворошить былое?

Пикассо... По меньшей мере нелепо обсуждать сегодня роль мастера в художественном процессе искусства Запада XX века.

Помню, давно это было, как один художник сказал, вроде полушутя: «Подумаешь Пикассин, намалевал турмана, но ведь он за это получил миллион»... К счастью, пора такого ёрнического отношения к творчеству одного из заметнейших мастеров западноевропейского, да и, скажем, мирового, искусства канула в Лету. Его сложное и неоднородное искусство еще вовсе до конца не исследовано, и, очевидно, требуется время, чтобы осмыслить объемно и в какой-то степени достоверно все аспекты его феноменального по объему художественного наследия.

Но есть еще немаловажный фактор в изучении явления «Пикассо»,— это его личность. Человек. Борец. И если порою в своем поистине вулканическом самовыражении Пабло Пикассо далеко не одинаков и делится на периоды, а периоды, опять-таки не всегда равноценны, то л и ч н о с т ь Пикассо, его гражданственная целостность, особенно с годами, выявлялись все ярче и ярче. Это был антифашист, яростный и бескомпромиссный. Коммунист. Выдающийся деятель фронта мира. Создатель знаменитого «Голубя» — плаката к Всемирному конгрессу сторонников мира в Париже 1949 года.

Мне, как живописцу, не одинаково близки некоторые его эксперименты. Но Пикассо — глыба. Мастер. И говорить о нем как о предмете «нравится» или «не нравится» — несерьезно.

Ранние работы Пикассо, где он раскрывает трудную жизнь маленьких людей в пустынном прагматическом мире буржуазного Запада, волнуют меня как проявление высокого гуманизма. В душе иногда скорблю, что огромная энергия этого великого экспериментатора ушла на опыты не всегда убедительные...

Однако Пикассо есть Пикассо! И «анатомировать» его бесчисленные, порою полушутливые, иронически острые и талантливые холсты это значит не замечать главного.

«Герника». Пикассо нашел ф о р м у л у у ж а с а. Своего презрения, отвращения и проклятия к одному из самых мрачных и темных проявлений в человеческой истории — фашизму.

Прямым импульсом для создания «Герники» было чудовищное преступление гитлеровцев на его родной испанской земле. Немецкие пираты стерли с лица планеты беззащитный городок Гернику. Погибли дети, женщины, старики. Это был акт вандализма и варварства.

1937 год. Канун второй мировой войны. Не мешало бы вспомнить, что на Международной выставке в Париже судьбе было угодно противопоставить Советский павильон, увенчанный скульптурой «Рабочий и колхозница», и павильон гитлеровской Германии, на шпиле которого восседал хищный орел, державший в когтистых лапах паучью свастику. По сию пору знак человеконенавистничества. Тогда же на выставке в павильоне республиканской Испании была экспонирована «Герника» Пабло Пикассо.

Так волей времени искусство впрямую выражало битву идеологий. Было активным средством пропаганды сил добра, мира против сил мрака, зла, войны.

Об этом неплохо подумать нам, мастерам изобразительного фронта. Сейчас, накануне нового тысячелетия, когда так глобально определились свет и тени нашей эпохи, очень важно четко определить свое место художника в этой борьбе.

...Еще раз вспомним «Гернику». Это панно было ударом обличительной, невероятной мощи. Недаром гитлеровцы ненавидели и боялись Пикассо, который наотрез отказался уехать из столицы оккупированной Франции.

Помню, прочел:

«1940 год. Ночь. Огромные окна студии Пикассо глухо зашторены. Внезапно в дверь вломились нацисты. Обыск. В тишину ателье ворвался топот кованых сапог. В сумерках замелькали черные мундиры. Эсэсовцы. Зашныряли по стенам, стеллажам, полотнам юркие блики фонарей. Наконец, они выхватили из тьмы фигуру художника. Пикассо был бледен. Только резко сведенные скулы, пламенные черные глаза раскрывали всю меру негодования, немого протеста мастера. Он стоял у мольберта, на котором была установлена большая цветная репродукция «Герники».

Фашистский офицер с багровым лицом, сытый и наглый, показал стеком на «Гернику».

— Это сделали вы? — заорал нацист.

— Нет. Это сделали вы,— негромко произнес Пабло Пикассо.

И его тихий голос прозвучал страшнее набата.

Такова сила истинного искусства.

Пикассо в 1944 году всесветно заявляет: «Мое вступление в коммунистическую партию — логическое следствие всей моей жизни, всего моего творчества. Ибо, и я горд в этом признаться, я никогда не считал, что живопись доставляет только наслаждение и развлечение. Я хотел при помощи рисунка и краски, ибо это мое оружие, все более глубоко проникать в понимание людей и мира для того, чтобы это познание все более освобождало нас...»

К вам, молодые!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

СЕГОДНЯ РЕДАКЦИЯ ОБРАЩАЕТСЯ К СВОИМ МОЛОДЫМ ЧИТАТЕЛЯМ.

ЕСТЕСТВЕННО, ЧТО О ВАШИХ УСПЕХАХ, ТАК ЖЕ КАК О ВАШИХ ТРУДНОСТЯХ, ПРОБЛЕМАХ, ЛУЧШЕ ВСЕГО ЗНАЕТЕ ВЫ САМИ. ЧТОБЫ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ ВАС, МОЛОДЫЕ НАШИ ЧИТАТЕЛИ, ПРОСИМ ОТВЕТИТЬ НА ВОПРОСЫ ПРЕДЛАГАЕМОЙ АНКЕТЫ.

ЗАРАНЕЕ БЛАГОДАРИМ ЗА ОТВЕТЫ. ВСЕ ПРЕДЛОЖЕННЫЕ ВАМИ ТЕМЫ БУДУТ ВНИМАТЕЛЬНО ИЗУЧЕНЫ В ОТДЕЛАХ РЕДАКЦИИ И УЧТЕНЫ В НАШЕЙ РАБОТЕ.

1. Несколько слов о себе. Ваша профессия, если вы уже работаете. Где вы учитесь или предполагаете учиться после десятилетки?
2. Если бы у вас была снова возможность выбора профессии, то какую бы вы выбрали: свою профессию или новую, — и почему именно ее?
3. Какие качества в человеке вы цените выше всего?
4. Как в идеале должна жить молодая семья: отдельно или под родительским кровом?
5. Как вы проводите свободное время? Есть ли в вашем городе, поселке клубы по интересам?
6. Какие разделы «Огонька» вас особенно привлекают, интересуют?
7. К каким конкретным темам желательно обратиться нашему журналу?
8. Кого вы хотели бы видеть на фотографиях в нашем журнале, репродукции картин каких мастеров нужно опубликовать?
9. С кем из интересных людей вы хотели бы встретиться на наших страницах?

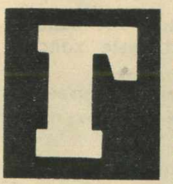
Если говорить, то бесстрашно и о главном

Наш журнал (№ 7, 1986 год) обратился к молодым читателям с анкетой, которая, судя по сотням полученных писем, вызвала широкий интерес.

Мы попросили прокомментировать эти письма-отклики кандидата философских наук А. П. МИДЛЕРА — специалиста в области социологии молодежи.

А. МИДЛЕР,
кандидат философских наук

География читателей, откликнувшихся на анкету «Огонька», простирается от Афганистана и Венгрии — откуда ответы на вопросы редакции прислали молодые наши военнослужащие — до Минска на западе и Владивостока на востоке. Заметим, что абсолютное большинство писем получено не из крупнейших, а из средних городов и небольших поселков нашей страны.

Возраст авторов писем чаще всего от 16 до 25 лет, хотя довольно много (десятки) писем пришло и от более молодых (14—15 лет) читателей. Письма развернули очень широкий спектр профессий молодежи, интересующейся «Огоньком». Нам написали рабочие, техники, служащие, инженеры, учителя, экономисты, бухгалтеры, медсестры, студенты...

Большинство предлагает расширить молодежную тематику. Называют рубрики: «Молодая семья», «Этика семейной жизни», «Проблемы семейных отношений», «Культура и молодежь», «Досуг молодежи». Предлагается устраивать на страницах «Огонька» встречи с молодыми людьми, достигшими высших результатов в различных сферах деятельности, начать тем самым поиск молодой гармонически развитой личности.

В письмах названы многочисленные имена тех, очерки о ком хотела бы сейчас видеть молодежь на страницах «Огонька». Среди них Т. Мальцев, С. Федоров, Ч. Чаплин, Е. Евтушенко и Тото Кутуньо, Т. и С. Никитины и М. Нелова, И. Глазунов и В. Высоцкий, Пеле, А. Пугачева и В. Леонтьев.

Редакция постарается учесть эти пожелания в своей работе. Вместе с тем важнее, думается, мнение большинства читателей о том, что никак нельзя ограничиться «развлекательными» темами. У молодежи есть серьезные жизненные проблемы, и их необходимо решать. Приведем пример одной из самых острых и наболевших.

Большинство, отвечая на вопрос анкеты о том, не сожалеют ли они о выборе своей специальности, профессии, ответили, что нет, не жалеют. Г. Иброева из Карагандинской области, ростовчанин Т. Игошин, В. Николаева из Благовещенска, Р. Алексанов из Подмосковья, читинцы М. Дьяконов и Р. Ахмеров и многие другие пишут, что, будь у них возможность выбора, они его повторили бы. Многие, большинство, но не все.

Однако у нас есть основания считать, что для значительного и очень значительного числа читателей дело обстоит далеко не так благополучно. Штамповщики, мечтающие быть искусствоведами, бурильщики, желающие стать летчиками, портнихи, которые видят себя во сне археологами,— это все из писем. Таких писем одно-два на каждую сотню «благополучных», но как раз в них-то скрыт клубок проблем жизненных путей молодежи. Здесь узел субъективных и объективных, сложнейших государственных и личных противоречий.

Мы призываем молодых людей менее благодушно относиться к тому, что их мечта не свершилась (если она не свершилась). Выйти без любви замуж — так же, как «сочетаться» с профессией, к которой «не тянет». Все это значит совершить поступок одновременно антиобщественный и «антиличный», ибо результаты нашего труда и плоды нашей семейной жизни хороши только тогда, когда мы их любим.

«Огонек» собирается с вашей помощью, читатели, рассмотреть узел противоречий, связанных с выбором современным молодым человеком «самого себя» в сферах образования и труда. Жизненные пути молодежи в рабочее и свободное время, среди товарищей и в семье — мы будем регулярно обращаться к этим проблемам. От вас же ждем писем об основных конфликтах и препятствиях на вашем пути поисков самого себя, «наилучшего» для себя, для близких, для окружающих и для страны.

Наибольший интерес у меня как у социолога вызвали ответы молодежи на вопрос анкеты: «Какие качества в человеке вы цените выше всего?»

Поразительным образом все ответы здесь тяготеют к одному из двух полюсов. Первый полюс — честность. Среди нескольких десятков человеческих качеств самым высокоценным большинство читателей признало честность. Во всяком случае, она возглавила список тех человеческих качеств, которые были отнесены к наилучшим. Сюда вошли: верность данному слову и друзьям, любовь к Родине, целеустремленность, воля, порядочность, добросовестность, скромность и нежность у девушек и женщин, смелость и мужество у юношей и мужчин, бескорыстие, тактичность, чуткость, отзывчивость, чувство юмора и искренность.

Честность — лидер этого списка, казалось бы, что пояснять. Но не будем торопиться с выводами — все не так просто.

Вот известный мне случай. 3 марта 1986 года в один из московских пунктов «Скорой помощи» привезли девушку, находившуюся в крайне тяжелом состоянии, обливающуюся кровью. Девушке восемнадцать лет.

...Ссорились с матерью редко. Убирали квартиру, по очереди готовили, питались на деньги матери (мать — инженер), одежду дочь покупала самостоятельно, на приработки в швейном ателье. Конфликты если и вспыхивали, то что говорить: дочери восемнадцать, матери тридцать пять, обе хотят замуж... После первого брака и рождения ребенка мать дважды выходила замуж, но оба раза неудачно и, честно говоря, была не чужда мысли, что дочь, так сказать, самим фактом своего существования подталкивает к расстройству семейной жизни, ибо молодая, красивая, в общем, соперница. Дочь же испытывала к матери двойственное чувство: любила и жалела ее и вместе с тем порой ощущала зависимость, раздражение и ненависть.

И это тоже может быть понятно. Дело в том, что за дочерью многие ухаживали. Она не отвергала ухаживаний, ибо в замужестве видела единственную возможность стать независимой и, наконец, совсем уехать от матери. Мать же обвиняла дочку в том, что у той «слишком много» «слишком тесных» знакомств.

В тот трагический день дочь угощала своего двадцатишестилетнего избранника. Когда мать вышла к столу, он объявил ей, что хотел бы жениться на ее дочери...

«Это, конечно, ваше дело,— пожала плечами мать,— но как честный человек я должна вам сказать, что она не девушка и, к более того, она посещала венерологический диспансер».

Дальнейшее произошло мгновенно: дочь бросилась к трельяжу. Лезвие — и вены.

И вот она истекает кровью на столе хирурга.

Так что же?

Как «честный» человек мать посчитала порядочным сказать о дочери, может быть, даже и правду? Никто этого не знает и не узнает. Никто у матери эту правду не спрашивал, не пытается узнать и сейчас. Но разве мать не могла решить так: зачем вводить в заблуждение молодого человека, жениха, ведь это же брак — святое! Надо быть честным! Не правда ли, читатель?!

Другим полюсом, к которому тяготели ответы, была доброта.

Интересно, что считает доброту самым лучшим и самым важным из человеческих качеств прежде всего и в основном рабочая молодежь и в поразительно точном совпадении с нею гуманитарии. На первое место доброту ставят те, кто каждодневно связан с тяжелым физическим трудом,— строители, металлурги, штамповщики, бурильщики и т. д., а также филологи, философы, учителя психологии, литературы, истории и эстетики, искусствоведы, музыканты, журналисты, актеры, молодежь, независимо от специальности, выросшая в многодетных семьях. 19-летняя бакинка Лена Анишева прямо пишет: «Самое главное, что во все времена ценилась в человеке доброта, так как добрый — это любящий. Любящий и себя, и ближнего, и землю, и детей, а значит, мир!» Тяга к доброте, к искреннему теплу, чувствительности по отношению к другим, внимательности, как показали исследования, является в конечном счете признаком «гуманитарной души» независимо от профессии.

Вместе с тем для другой, довольно большой группы читателей в ряду наиболее ценимых качеств доброта заслоняется установками на высокий профессионализм, трудолюбие, целеустремленность, умение управлять собой, установками на все те ценности, которые мы выше уже описали, плюс исполнительность, дисциплинированность, добросовестность, порядочность и честность, честность, честность: «говорить правду в глаза», прямолинейность.

Впрочем, не всегда честность воспринимается как прямолинейность. 16-летняя Таня Зинчук из Целинограда, мечтающая стать учительницей в начальных классах, определила честность как самокритичность и как трезвую, «честную» оценку происходящего.

В связи с этим хотелось бы обратить внимание читателей на то, что, какие бы человеческие качества ни считать наиболее ценными, они должны быть в первую очередь хороши для тех, близких или далеких, за кого мы ответственны, а уже во вторую очередь хороши лично для каждого из нас.

Не так ли?

Другое дело, что вопросы, за кого и в какой мере мы ответственны,— сами по себе тонкие вопросы. Как мы пытаемся их решить, это очень хорошо проявляется в нашем отношении к родителям.

Абсолютно подавляющее большинство молодежи в ответ на вопрос анкеты «Огонька»: «Как в иде-

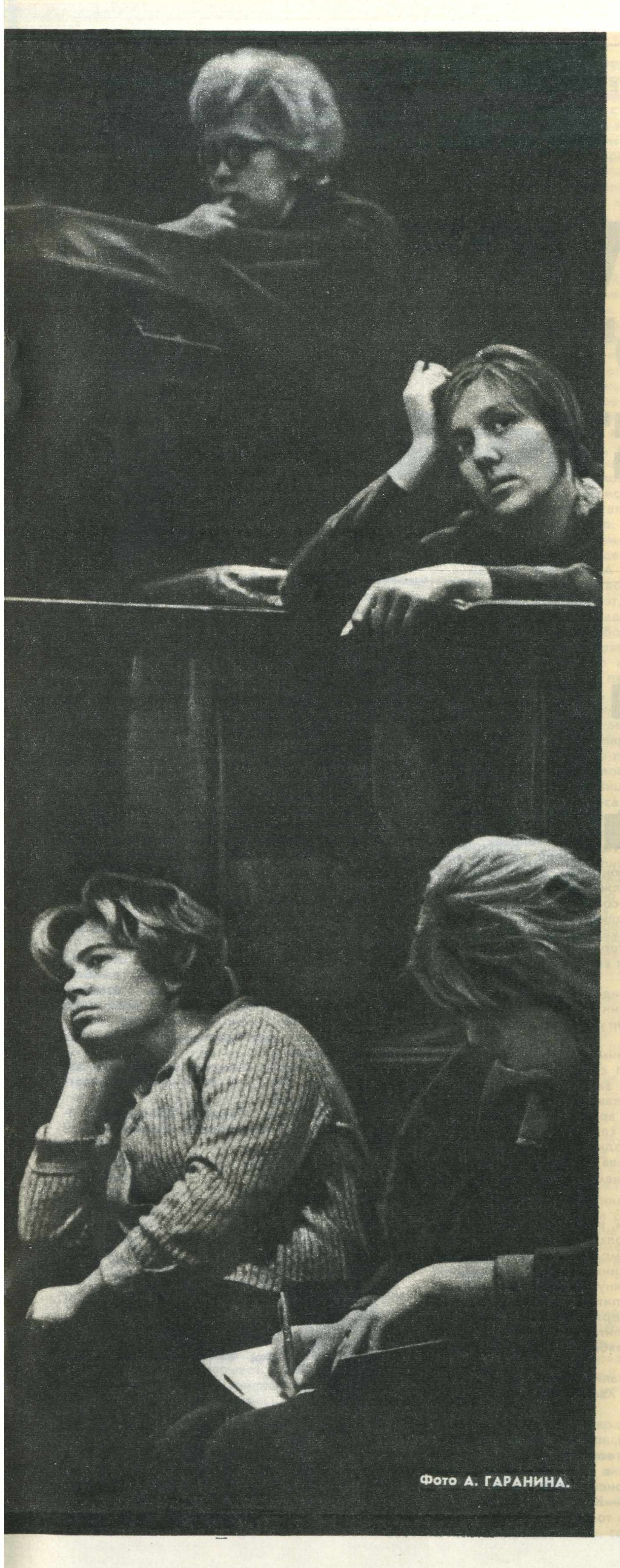

Фото А. ГАРАНИНА.

але должна жить молодая семья: отдельно или под родительским кровом?»— ответило совершенно безоговорочно: «Только отдельно!» Мотивировки приводятся такие: не сидеть на шее у родителей, приучаться к самостоятельности, не искушать судьбу семьи «двоевластием» (две хозяйки в одном доме), «у молодых должно быть право выбора своей судьбы», «старики уже насиделись с нами, имеют право на отдых и развлечения, как мы можем «загружать» их внуками» и т. д.

При этом молодежь из республик Средней Азии в своем большинстве высказывается за совместную жизнь с родителями, тому способствуют распространенные здесь по сей день семейные традиции. Мотивировка — взаимопомощь. Молодежь центральных, западных, северных, восточных крупных городов — за отделение от родителей. Мотивировка — взаимопомехи.

Но не правильнее ли, что при решении вопроса, жить с родителями вместе или нет, мы должны и по-честному, и по-доброму исходить прежде всего из того, что подходит им, нашим родителям, и независимо от того, насколько их решение удобно для наших жизненных планов?

Можно жить географически вместе с родителями и жить ужасно. Можно по отдельности — и при этом в полной гармонии, взаимной заботе и любви. Не в том дело, вместе или раздельно. Точнее, далеко не всегда в этом дело. Вопрос может быть в том, какое из человеческих чувств мы считаем для себя самым важным проявлять по отношению к родителям.

Честность? В чем она выражается — вот вопрос вопросов.

Доброта? В чем она?

Разве не известны ситуации, когда заболевшего дедушку, исходя из добрых побуждений, «освобождали» от ухаживания за внучкой («Дедушке тяжело!»), а у него и без того возникло и развилось ощущение, что он не нужен? В итоге — полное одиночество. Или когда мы укоряем бабушку тем, что ей «нельзя болеть», когда мы «шутим»: «Вот вырастишь Алешу, тогда и...». Удивляться ли нам тому, что, вырастив внука, бабушка умирает?

А ведь нами вроде бы руководили добрые побуждения!

В большинстве случаев мы хотим, чтобы одновременно было хорошо и нам, и нашим близким. А если одновременно не получается, зачастую начинаем взвешивать доброту и выдавать ее порциями.

82-летняя женщина прежде, чем выброситься из окна восьмого этажа, написала записку: «Устала сама мучиться и вас мучить». Невестка впоследствии здраво осознала ситуацию: «Наверное, мне надо было с ней побольше разговаривать. Ей иногда неделями не с кем было слова сказать. Я ее только кормила и ухаживала за ней, а слушать ее мне было некогда».

Жестокое признание. И точное.

«К нам часто обращаются,— рассказывал работник московской службы доверия,— одинокие пожилые люди. Старше 55 лет — это одна из самых больших «групп риска». Но, что поразительно, обращаются не те, у кого действительно никого нет, а старики, которые живут в семье, обеспечены, имеют взрослых детей, но мучимы одиночеством, ощущением обиды на детей, чувствуют себя обузой, раздражены, и раздражают близких, и ощущают свою жизнь неудачной и никчемной. В своих попытках самоубийства они идут до конца. Здесь пик завершенных самоубийств».

Это результат необычайно остро выраженных потребительских отношений в семье. Здесь господствует «принцип весов» — рыночные взаимосвязи между родителями и детьми, и этот тип отношений, в том числе и супружеских, передается из поколения в поколение. Здесь каждый готов выполнить что-то — в рамках точно отмеренной «справедливости», «честности» и «доброты»,— однако лишь при условии, что другие также не минуют своих «обязанностей». Наконец, здесь, если по каким-либо причинам вы не можете со всеми «тянуть» семейную «бечеву», вас ограничивают в духовной и душевной (а бывает, и в физической) пище.

Умирающим в этой атмосфере зачастую стыдно во всем этом признаться. Я читал их предсмертные записки, они имеют характер мучительных полупризнаний: «Родной, любимый, сладкий сынок. Прости меня. Больше терпеть я не могла», «Больше некого будет ругать»...

Не дай судьба нам получить такую записку!

Почему, дорогой читатель, я оперирую такими устрашающими рассуждениями и примерами?

Да потому, что чаще всего «доброта», «честность» перестают быть просто словами именно на пороге жизни и смерти. На этом пороге становится особенно ясно, какова наша доброта и честность и сколько в нас той и другой.

Здесь мы выходим на проблемный разговор, требующий откровенности и доверительности. Как в нашей сложной жизни, полной конфликтов, вырастить лучшего самого себя для себя и для окружающих? Как стать наилучшим вариантом собственного многоликого «я»?

Ответить на эти вопросы невозможно без вашей помощи, без помощи «коллективного разума». Вот почему я от лица редакции хочу предложить вам.

Дорогие друзья!

Пишите нам письма о самом сокровенном, о самом тревожащем вас, о том, что вас поразило, глубочайшим образом взволновало или возмутило, о самой счастливой минуте вашей жизни и о самой трагической, о ситуации, потрясшей вас до самых ваших глубин, о любви и ненависти, о несчастье и одиночестве, о том, о чем «не принято» писать, и о том, что «не напишешь».

Понятно, что имена, фамилии, даже и ситуации можно изменить; но в ваших письмах должно быть самое важное — написано бесстрашно и о главном. Тогда каждый, кто берет в руки этот человеческий документ, чувствует, что автор письма **оказался перед решающими вопросами смысла своей жизни.**

Только тогда возможна подлинная дискуссия, если она основана на искренности раскрытия самых сокровенных, жизненно важных духовных и душевных проблем.

Такой путь к их решению можно назвать «беседа с незнакомцем». Дело в том, что применительно к решению глубинных личных проблем существует так называемый закон Сервантеса. Великий автор «Дон Кихота» Мигель Сервантес де Сааведра когда-то тонко заметил, что совершенно незнакомому человеку можно доверить, сказать то, о чем не вымолвишь и самому близкому, именно потому, что шанс встретить потом этого чужого человека ничтожно мал.

Ваши письма о личных проблемах, порой болезненных и «тупиковых», и размышления над ними «незнакомцев»: психологов, философов, писателей, которые будут привлечены к этой дискуссии, станут представлять собой наши с вами совместные попытки, нет, не решить ваши личные проблемы, но в чем-то приблизиться к их пониманию и приблизить, если хотите, наши духовные миры друг к другу. Разумеется, в случае необходимости, которая выявится в

ходе нашей переписки, редакция пошлет корреспондента, чтобы помочь решению проблемы делом.

А теперь еще конкретней, совсем конкретно: вряд ли существует в мире хотя бы один человек, в жизни которого не было бы драм. Самые острые из них — личные трагедии, уход близкого человека, отсутствие тепла, любви, ощущение, что ты не нужен или не нужна, одиночество, смерть и, наоборот, антитрагедии — интимное состояние счастья, творческий, духовный и душевный взлет... Собственно, в одном из писем к нам (из села Тамга Приморского края) читатель 22-летний Ю. Семенов как раз и замечает — на мой взгляд, совершенно справедливо,— что «прежде всего качества человека хорошо проявляются после какого-то сильного жизненного толчка». Именно так! Обсуждение этих-то следствий личных наших потрясений можно было бы сделать предметом внимания журнала. Это, как вы понимаете, совсем не то, что расширить рубрику «После суда», и это совсем не то, что предложила в неподписанном, анонимном письме некая 19-летняя наша читательница из Одессы: «Рассказывайте подробнее о моральном падении преступников, чтобы человек по прочтении статьи подумал: «Лучше я его или хуже?»

Быть «лучше» преступника в нравственном, в моральном плане нетрудно. Мы же предлагаем оборотиться, так сказать, на самих себя. Это куда глубже и куда плодотворней. Это и будет та самая «Этика жизни», которую, судя по письмам, хотят видеть в журнале в буквальном смысле сотни читателей — рубрика, под которой из номера в номер последовательно обсуждались бы самые наболевшие проблемы человеческих взаимоотношений, семейных и личных глубинных потрясений и т. д. Разумеется, есть случаи, состояния, ситуации — и зачастую весьма важные,— которые не вынесешь «на народ», на «позорище», как говорили встарь. Разумеется, свои дела надо пытаться решить самому. Но давайте будем честны сами перед собой. Невежество, лень и трусость есть три качества, из-за которых мы не можем решить едва ли не самые серьезные из наших проблем. Ибо или нам не хватает знаний, чтобы решить их, не хватает информации, либо недостает трудолюбия, упорной последовательности и терпения в их решении, либо, наконец, мы трусим, фактически увиливаем от стоящей перед нами нашей жизненно важнейшей проблемы. Оглянитесь на свою жизнь, и вы почувствуете, что это так.

Но ведь когда-то нам надо начать решать наши проблемы смело, последовательно и со знанием дела. Так почему бы нам не начать прямо сейчас, с ваших писем?

Вот вам три вопроса:

— Какова самая острая проблема вашей жизни?

— Что является наибольшим вашим счастьем?

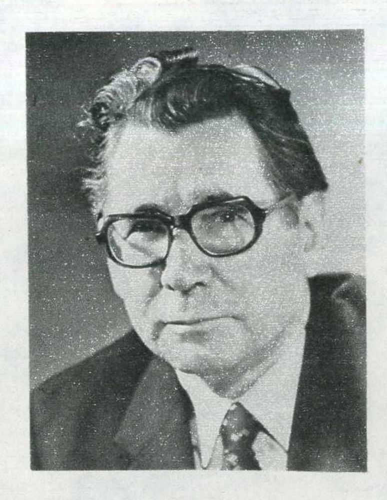
— Что является самым большим несчастьем вашей жизни?

Когда-то же надо заглянуть в глубины собственного «я». А дальше остается только последовать мудрому совету, который в одной из лучших своих песен предложил Булат Окуджава:

«ДАВАЙТЕ ГОВОРИТЬ ДРУГ С ДРУГОМ ОТКРОВЕННО...»

Павло ЗАГРЕБЕЛЬНЫЙ

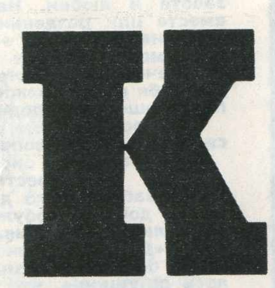
КЛЮЧ ОТ СЕЙФА

ИЗ КНИГИ «НЕВЕРОЯТНЫЕ РАССКАЗЫ».

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Платону Воронько.

апитан был высокий, худой и весь какой-то несобранный: шинель топорщилась, пуговицы на ней застегнуты и не застегнуты, ремни перекошены, кобура с пистолетом съехала куда-то аж за спину. По всему видать: человек гражданский, не будь войны, не стал бы ни капитаном, ни начальником этих курсов и не должен был бы устраивать этот смотр «личного состава» на морозе, среди снегов, под дрожащими белыми березками, души которых, пожалуй, замерзли так же, как души этих людей, которые отныне должны называться слушателями военных курсов подрывников-диверсантов.

Какое-то время, придирчиво щурясь, изучал с правого фланга длинную, далекую от желанной стройности шеренгу, потом неохотно махнул рукой:

— Слушать меня внимательно!— небрежно и раздраженно бросил своим подчиненным.— Всем слышно? Так и запишем! Фамилия моя Ермошкин. Капитан, как вы уже успели рассмотреть. Человек я вредный, ехидный и немилосердный. Всем слышно? Запишем. Требовать буду беспощадно! За три месяца из вас надо сделать гениев подрывного дела. Может быть, не дадут нам и трех месяцев. Вопросы есть?

Вопросов не было.

— Теперь поглядим, каких нам прислали орлов,— насмешливо молвил капитан и шагнул к правофланговому, самому высокому из всех, с белым, как у женщины, лицом.— Фамилия?

— Дерябкин!— гаркнул правофланговый.

— Под своего капитана подстраиваешься? Я Ермошкин, а ты Дерябкин? Так и запишем. Но я для всех вас капитан и начальник курсов, а ты — рядовой Дерябкин. Подрывное дело знаешь?

— Так точно!— выпалил Дерябкин.

— Вид геройский. Хвалю. Кем был у подрывников?

— Поваром!

Хохот грянул такой, что между берез заметались перепуганные вороны, которые до сих пор прятались где-то в ветвях и присматривались к тому, что происходит внизу.

— Отставить смех!— Капитан скривился, потому что смеялись не только над этим вчерашним подрывниковым поваром, но и над ним, капитаном, также. Смех не разбирается, не признает ни званий, ни должностей. Тут получилось и совсем некстати: только-только капитан объявил, что он человек ехидный, как его подчиненные сразу же отплатили ехидством ему самому.

Капитан отвернулся от Дерябкина и шагнул к Осенице, стоявшему в шеренге вторым. Осеница не мог похвастаться ростом, но на эти курсы кто-то подбирал людей вообще низкорослых, как будто считал, что первым признаком подрывника должна быть незаметность, потому и втолкнули Осеницу вторым с фланга, теперь он должен был принять на себя весь гнев капитана Ермошкина.

— Профессия?— сквозь зубы процедил капитан.

Осеница растерялся. Должен бы ответить: «Подрывник. Два года рвал скалы на Вахше», а потом, перефразируя Лесю Украинку, еще и стихами: «Я той, що греблі рвав, я не сидів у скелі». Но сказал совсем не то.

— Я поэт,— с беззащитным простодушием ответил Осеница.

— Что, что, что?— выпустил из себя все запасы ехидства капитан.— Всем слышно? Поэт? А что это такое?

— Это писатель,— попытался объяснить Осеница, но капитан не требовал объяснений, он требовал жертв.

— Ага. Поэт, то есть писатель. А я вот стою и думаю: где мне взять писаря для курсов? А тут — писатель. Фамилия?

— Осеница.

— Будешь писарем. Все ясно?

Осеница молчал.

— Слышали, что я сказал?

— Так точно!

— Повторите приказ!

— Есть быть писарем!

Он не мог постичь, как можно начинать службу с неприязни. Но полюбить капитана Ермошкина? За что? Однако служба есть служба, и еще не окончился этот день, а Осеница уже сидел в «штабе» курсов: просторная пустая комната с двумя окнами на промерзшие березки в глубоком снегу, казенный сосновый стол, сосновый к нему стул, хмурый сейф сургучного цвета в углу, коробка полевого телефона, который не звонил и не «говорил» ни туда, ни сюда. Может, загадочно молчал до времени?

Они прибывали в этот подмосковный городок П. на курсы подрывников группами и поодиночке в течение ночи, утра, дня, находили среди берез два кирпичных корпуса довоенного горного техникума, а там уже их ждали, уже действовал дражайший сердцу каждого солдата пищеблок с главным поваром, неподкупным узбеком Усмановым, уже был старшина с традиционной украинской фамилией на «ко», а возле него — четыре сержанта, как пчелы возле матки,— верные, кусючие: «Выходи на строевые занятия! Смирно! Кругом!.. Бегом! По-пластунски!..» Откуда все это взялось? Неужели их собрал встрепанный капитан? Шершавый, как наждак, но какой же, оказывается, организатор!

Капитан возник перед Осеницей после завтрака. Одна нога тут, другая уже где-то там. На дворе, изнемогая от мороза, всхлипывала ломанная-переломанная полуторка.

Осеница не ждал столь раннего визита начальства, сидел за столом и пахал носом свежий номер «Правды» со статьей Эренбурга. Капитан все увидел, понял, ехидно бросил с порога:

— Очки надо носить!

Осеница вскочил, хотел рапортовать (о чем, о чем?!). Капитан остановил его взмахом руки:

— Отставить рапорт! Я сказал: очки надо.

— В очках не взяли бы,— простодушно пояснил Осеница.

— В подрывники?

— В армию.

Мог бы рассказать, как рвался в лыжный отряд, сформированный из студентов Литинститута, и как его из-за плохого зрения деликатно отстранили. Мог бы и о том, как потерял зрение на Памире. Туда ехал по комсомольской путевке с глазами, как у степного орла, хлопец с Роменщины, чуб — вороным крылом, на груди яркий цветок, а в душе — громы и надежды. Ничего не умел, научился рвать скалы, а потом неудачный взрыв — и вот с глазами. Тряхнуло тогда ему не одни только глаза, но и душу — всего тряхнуло. Может, с того и стихи начал... Хотя о Таджикистане так ничего и не сложилось, а все о родном крае, о Сумщине, Роменщине, золотых полях, загадочных курганах и еще более загадочных людях.

— Доброволец?— то ли спросил, то ли утвердил капитан.

— Доброволец.

— Все мы добровольцы. Значит, так. Будут спрашивать — я в Москве. Вернусь вечером. Все ясно?

— Так точно!

— Так и запишем.

Осеница не мог еще тогда знать, что капитан Ермошкин начинал с учетчика на каменном карьере, потому и привык повторять: «Так и запишем». Хотя было то давно, во времена чуть ли не доисторические. Впоследствии он бурил шпуры для взрывов, потом стал директором каменоломни, учился в институте, возглавлял еще что-то довольно значительное и важное. А теперь не было для него ничего важнее, чем эта школа подрывников.

Чтобы курсанты не разленились, сержантам было приказано взяться за строевую подготовку, а к вечеру следующего дня капитан привез не то из Москвы, не то уж и не знать откуда, майора, который должен был читать лекции о взрывчатых веществах. Майор Поляков, еще вчера доцент университета, хоть и носил уже военную форму, продолжал оставаться глубоко штатским человеком, о чем свидетельствовали его очки с толстыми стеклами, почти детское удивление и растерянность, когда перед ним «печатали шаг», приветствуя его, а особенно же портфель с конспектами лекций, который вчерашний доцент никак не хотел заменить полевой командирской сумкой. Курсанты сразу же незлобиво прозвали майора «фигурным зарядом», наверное, имея в виду комичность его фигуры и некоторое несоответствие их будущему суровому предназначению, однако вскоре убедились, что Поляков предмет свой знает в совершенстве и знания извлекает не так из портфеля, как из собственной головы.

Осеница, хотя и должен был сидеть безотлучно в штабе, тоже бегал на занятия, которые вел майор Поляков, и тоже торопливо записывал каждое его слово о всех тех тротилах, тетрилах, гексогенах, ксилолах — такое все далекое, чуждое и даже враждебное поэзии, которая хоть и оставила Осеницу в эти страшные месяцы, но отходила от него медленно и незаметно, как ранние летние ягоды, наведываясь изредка то словом, то строкой, то неожиданной краской, ощущением, настроем, но все это не записывалось, а только становилось на горизонтах памяти несмелыми ожиданиями грядущего. Вот закончится война — и тогда!.. Разгромим проклятого фашиста — и уже тогда!.. Все будет, когда победим! Все тогда, все, все, все! А сейчас — «идет война народная, священная война...»

О том, что он поэт, никто не вспоминал. Забыли или не слышали? Писарь тут был выше поэта. Писарь под боком у капитана, их повелителя и бога, а поэты — кто они и где? Если бы кто и вспомнил о том неосторожном сообщении Осеницы перед строем и попросил его почитать стихи, то он не стал бы читать свои, а читал бы им Тычину, Рыльского, Малышка и своих друзей по Литинституту — Симонова, Луконина, Наровчатова.

Но он был только писарь, и этим очерчивался круг его существования. Уже в первые дни узнал, что, кроме пищеблока с невозмутимым Усмановым, на курсах уже есть склады боепитания, оборудованы учебные классы, полигоны для практических занятий за городом в карьерах цементных заводов и даже клуб, в котором жена капитана Ермошкина, маленькая, точно кубик, женщинка, уже организовывала художественную самодеятельность.

Осеница испугался, что все это так или иначе придется ему переписывать, но никто ничего не требовал, вся его служба сводилась лишь к дежурству в «штабе»— это требовало терпения, коим селянского сына не удивишь,— только и всего.

Жена капитана оказалась еще лучшим организатором, чем ее муж. Уже на третий день она устроила концерт в их клубе, на концерт были приведены все курсанты. Капитан Ермошкин, майор Поляков, старшина, сержанты, повар Усманов, Осеница, старший сержант — начальник боепитания — сидели в первом ряду. В зале, ясное дело, никто не топил, но на первый ряд и на сцену дышали все курсы, и казалось, что там чуточку теплее.

Концерт открывала жена капитана Ермошкина. Вышла на сцену в черном бархатном платье, в лакированных туфельках, бледная, четырехугольная и вдохновенная, как прославленная Валерия Барсова, свела руки на груди, расставила ноги, чтобы крепче упираться в шершавые доски сцены, чуть заметно кивнула пианисту — курсанту из интеллигентной семьи,— закрыла глаза, вскинула лицо — и залилась: «Соловей мой, со-о-оловей!..»

— Сведи ноги вместе!— грубо ворвался в сладостные звуки Алябьева голос капитана Ермошкина, и Осеница готов был убить его за это грубиянство. «Варвар!— подумал он возмущенно и несчастно.— Какой варвар! И от этого человека зависит моя судьба и судьба нас всех...»

Еще словно бы вчера был Осеница на Тверском бульваре, слышал голоса прославленных, благородных, утонченных, а сегодня с высот поэзии должен был низвергнуться в пропасть жестокой повседневности, на дне которой ждал его капитан Ермошкин. И не было спасения.

Разве что распевать со своими хлопцами-курсантами песенку, сочиненную словно бы об их городке: «Помнишь городок провинциальный, тихий, захолустный и печальный?..»

Утешение малое.

Чем-то родным повеяло, когда узнал, что капитан привез преподавателя стрелкового дела младшего лейтенанта Сницаренка. Не земляк ли?.. Возле села Осеницы был хутор Сницаренков, там испокон веков жили загадочные люди, которые странствовали по всей Украине, украшали резьбой крылечки и оконные наличники в богатых домах, мастерили редкостную мебель, иконостасы в церквах. Может, этот младший лейтенант из тех Сницаренков, земляк, родная душа?..

Двенадцать часов занятий и четыре часа самоподготовки ежедневно — не очень разгонишься, чтобы найти свободную минуту. Осеница все же улучил момент, когда младший лейтенант был свободен от занятий, с простодушной доверчивостью полез ему на глаза.

— Товарищ младший лейтенант, мы с вами не земляки? Я из-под Ромен... Осеница...

Сницаренко был как ржавый дым в стихах известного поэта. Хилая фигура, тонкая шея, шапка до ушей, шинель хомутом. Наверное, прополз на животе от рядового до младшего лейтенанта, без образования, без знаний, без царя в голове, но верный богу службистского

усердия, рвения, который вывезет, вынесет каждого, кто будет предан. Услышав неуместный лепет про «земляка» и какие-то Ромны, младший лейтенант встрепенулся, наежился, напетушился, вытянул тонкую шейку, впился в Осеницу острым, как штык русской трехлинейки, взглядом.

— Как вы стоите перед командиром? Что за безобразие! Смирно! Почему я не видел вас на занятиях по стрелковому делу?

Я... Я — писарь,— сник Осеница.

— Писарь? А кто освобождал вас от занятий по стрелковому делу?

Осеница молчал. В самом деле — кто? Сам себя избавил и освободил.

— Или, может, вы забыли, что идет война с фашистом?— допытывался младший лейтенант.— И что каждый, кому народ доверил оружие, обязан... Вы обязаны уметь разобрать и собрать любой из видов существующего стрелкового оружия, днем и ночью, с завязанными глазами и во сне, с руками и без рук, на земле и под землей, на воде и под водой, в атмосфере и в стратосфере! Вам ясно?..

— Так точно!

— Повторите! И чтобы завтра были у меня на занятиях!

Вот тебе и землячок.

А чтобы Осеница не слишком скучал, перед обедом прибыл из Москвы на новенькой трехтонке одетый с иголочки молоденький майор, проскрипел хромовыми сапожками по пустой комнате их «штаба», выметнул из роскошной (желтая кожа, сверкающие, как солнце, замки) полевой сумки большой синий конверт, весело спросил:

— Кто тут принимает пакеты?

— Наверное, я,— сказал Осеница, вставая. Майор без особого восторга скользнул взглядом по его ватному кавалерийскому бушлату, по «кирзякам», которые не поддаются чистке, по далекой от изысканности шапке (а она к тому же была еще и слишком тесной для большеголового писаря), с видимым сожалением повертел в руках конверт, но все же вынужден был с ним расстаться, шмякнул перед Осеницей пакетом о стол, велел-попросил полуулыбчиво-полунасмешливо:

— Распишитесь и вручите начальнику курсов!

Осеница расписался, откозырял кукольному майору, отпер сейф (ключ торчал в замке, потому что в сейфе еще нечего было запирать), положил туда пакет (большой синий конверт, четыре сургучные печати по краям, пятая — посередине, а в самом конверте словно бы ничего и нет, такой он тонкий), закрыл тяжелую дверцу, щелкнул замком и бросил ключ в глубокий, как торба, карман своего кавалерийского бушлата.

Горнист подал сигнал на обед, и Осеница вздохнул, сожалея, что протратил с майором время и не успел к Усманову «на пробу», проще говоря, пообедать перед обедом, потому что все те, кому удается отвертеться от общего строя, обедают если не трижды (до, во время и после), то непременно дважды: до обеда и во время обеда, вместе со всеми. А если учесть то, что для солдата самое дорогое — это сон и обед, то можно понять Осеницу и его вздох.

Он решил пойти сегодня на обед после всех. Правда, рисковал, что ничего на кухне не останется, но мог и выиграть, если предусмотрительный повар прибережет для начальства каши пожирнее. А где начальство, там и писарь. И властью будто бы не облечен, и значение не весьма, а может, когда-нибудь и пригодится. С Усмановым, однако, тут другое. Только с Осеницей мог поговорить повар о самом дорогом сердцу.

— В Маргелане был?— спрашивал он Осеницу.

— Ну!

— А в Янгиюле?

— И в Янгиюле!

— А в Намангане?

Был или не был, а мог отвечать утвердительно. Потому что везде журчит вода в арыках, от старых карагачей ложится густая тень на землю, и в чайханах сине и зелено разрисованные пиалы с тысячеградусным кок-чаем в них, и целые столбцы свежих лепешек на дастарханах.

Осеницу Усманов ждал больше, чем самого начальника курсов, и сегодня встретил встревоженным:

— Почему опаздываешь, товарищ писарь?

— Служба,— развел руками Осеница.

Он повесил свой бушлат на привычное место у двери, поеживаясь с мороза, разминал плечи в блаженном тепле, прошел к столу, где всегда сидел, спросил Усманова:

— Чем кормишь сегодня, земляк?

— Борщ со свининой и бухарский плов.

— Бухарский? Что-то я не помню, едал ли такой.

— У таджиков нет. Таджики не знают. Бухарский — это у нас. Рис, баранье сало и кишмиш. Райская еда!

— Ну, ну, отведаем твоей райской еды, Усманов.

— Добавки попросишь!

— Коли дашь, то и попрошу.

— Ты отведай, отведай!..

Так, обедая, можно было полететь воспоминаниями и на Украину, и на Вахш, и на Ферганский канал... Можно бы всё, да вишь, война.

Осеница сидел, ел, близорукими глазами пас бушлат, Усманов даже удивился: «Ты так сторожишь свой бушлат, точно в нем твоя невеста!» «Военная тайна»,— важно усмехнулся Осеница.

Он пообедал, поблагодарил Усманова, надел бушлат, свернул толстенную цигарку с махрой, закурил и пошел в «штаб» ждать своего капитана.

Капитан прибыл уже в полночь, замерзший, еще более встрепанный, чем обычно, ощетинился на Осеницу, когда тот подскочил к нему, чтобы доложить, рвал на себе ремни, рвал пуговицы шинели, бегал по комнате, бросал то в один угол, то в другой:

— Печенье и варенье дают! Барышню нашли! Пиши — не пиши... А где инструктор по взрывному делу? Кто мне научит людей?! Сидят, морды наедают! Что? Я спрашиваю — где? А вы мне что?

Осеница стоял молча, капитан налетел на него, удивился и вспылил:

— А вы чего? Что вам нужно? Чего стоите?

— Товарищ капитан, вам пакет!

— Пакет? Что за пакет?

— Из Москвы.

— Что же вы стоите? Давайте пакет!

Осеница шугнул в карман бушлата, засунул правую руку чуть не по локоть, но, видимо, не туда попал. Мигом шугнул левой рукой в другой карман, но пальцы и там не нащупали ничего железного. Он лихорадочно шарил в обоих карманах, склоняясь то на один, то на другой бок, ничего не находил, а капитан смотрел на Осеницу все пристальнее и пристальнее, подошел к нему ближе, впритык, разглядывал своего писаря уже с любопытством, с открытой издевкой в глазах, потом крикнул:

— Что вы мне тут насосы раскачиваете? Где пакет?

— Ключ...— пробормотал Осеница.— Ключ никак не...

— Какой ключ?

— От сейфа. Он был тут... В этом кармане... Я запер сейф и... А теперь...

Капитан молча просчитал до десяти (в обратном порядке, как все подрывники), спесиво вскинул голову и процедил:

— Ваш ключ меня не интересует. Вам ясно?

— Так точно!

— Можете записать. И еще — можете зарубить себе на носу. Даю вам двадцать четыре часа. Это много, но я добрый. Если через двадцать четыре часа пакет не будет лежать вот здесь на столе, я отдам вас под трибунал. Ясно?

— Так точно.

— К вашему сведению, тут уже были курсы подрывников.

— Когда?— удивился Осеница.

— Перед нами. Койки еще теплые от тех, кто на них спал. И не такие, как вы. Ясно? Где они? Пошли сражаться за Москву. И никто не вернулся. Ясно? Можете записать. Никто не вернулся. А теперь тут мы. И я не потерплю раззяв, нерях и головотяпов!

Он грохнул дверью и исчез. Осеница еще поискал в своих карманах, позаглядывал в углы, под стол, стул, под сейф, за маскировочные шторы на окнах, ничего не нашел, вздохнул, погасил свет, вышел из помещения, удивил часового, не отозвавшись на его приветствие, пошагал по снегу, натолкнулся на березу, стал возле нее, оперся плечом о холодный ствол.

Стал вспоминать, где был и что делал после того, как положил пакет в сейф, запер сейф и опустил ключ в карман. Не был нигде, кроме столовой и штаба. Ни с кем не встречался, не разговаривал, кроме Усманова. Бушлат снимал только в столовой, но все время держал его перед глазами. Не спал. Не ловил ворон. Не поддавался на вражеские происки. Не, не, не...

А ключа все-таки нет.

Осеница пошел к Усманову.

— Слушай, Усманов, я у тебя обедал?

— Обедал? У меня? А у кого бы ты еще пообедал?

— Ты отвечай, когда я спрашиваю. Обедал?

— Обедал.

— У тебя?

— У меня.

— Бушлат этот на мне был?

— Бушлат.

— Я его снимал?

— Его.

— Он висел вон там?

— Висел.

— Никто его не брал?

— Не брал.

— Та-ак,— грустно протянул Осеница.— Теперь все понятно.

— Что тебе понятно, товарищ Осеница?

— А я и сам не знаю. Ты же видел мой бушлат?

— Видел.

— Но не видел, что в кармане был ключ. Большой ключ от сейфа.

— Не видел.

— Ну вот. Ключ пропал. И никто не может мне сказать, куда он мог деваться. Ты уже всех здесь знаешь, Усманов. Так вот скажи: фокусников тут нет?

— Из цирка? Нет.

— Нечистой силы тоже нет?

— Какая нечистая сила? Война, товарищ Осеница! Но шайтан мог быть. Знаешь шайтан?

— Нечистую силу нашу ты не признаешь, а своего шайтана мне подсовываешь? Ты бы еще про магнетизм, флюиды или еще что... Ладно. Улететь ключ не мог, потому что без крыльев. На голове я не стоял — не мог он из кармана выпасть. Что же могло с ним произойти? Ключ можно потерять, продать, подарить, отдать так или променять, спрятать, забросить. Ничего этого я не делал. У меня могли ключ выпросить, выдурить, выкрасть, отнять. Не было и этого! Тогда что же?

— Вон идет ужинать майор Поляков, спроси у него,— посоветовал Усманов.

Майор вошел, деликатно прикрыл за собою дверь, поставил на пол толстый портфель, принялся протирать запотевшие с мороза очки.

— Товарищ майор, разрешите обратиться.— Осеница вытянулся перед ним.

— Минуточку. Кто это тут? А, это вы, товарищ писарь? Что вы хотели? Я к вашим услугам.

Осеница начал про ключ, майор ничего не мог понять.

— Ключ? От сейфа? Но... простите... я тут... как бы сказать...

— Я к вам, как к представителю точных наук. Вот был ключ и исчез. Таинственно и неразгаданно. Был — и нет. Словно испарился, как роса на солнце. Не утонул, не зарыт в землю или в снег, исчез — и все.

— Сублимация,— надевая очки, спокойно пояснил вчерашний доцент.

— Субли... Как вы сказали, товарищ майор?

— Сублимация. Переход твердого тела сразу в газовое состояние, минуя жидкостное.

— И сталь может — вот так?

— И сталь. От взрыва. Целые острова становятся облаками газов от внезапных вулканических взрывов. Вам следует знать, что от взрыва тротиловой шашки развивается мощность большая, чем от Днепрогэса. Правда, в микромиллионные доли секунды, но развивается.

— Товарищ майор, никакого взрыва не было!

— Я и не требую от вас взрыва. Вы спросили — я пояснил.

Осеница поблагодарил и тихонько выскользнул из столовой.

Ночь он не спал, но это не помогло. Ключ не находился, хоть спи, хоть не спи.

Утром он всячески изловчался, чтобы не попасть на глаза капитану, дождался, пока тот прогремел своей полуторкой в далекие штабы, и мигом подался к своему знакомому сержанту — начальнику склада боеприпасов.

— Выручай!— попросил сержанта Осеница.

Сержант, в валенках, в новеньком кожушке, хитро поглядел на писаря, прищурил глаз, подумал, прикинул, пригодится ли когда-нибудь тот, потом благодушно сказал:

— Взаимовыручка в бою — главное дело! Что нужно?

Осеница стал загибать пальцы: две толовые шашки, десяток взрывателей, метра два дистанционного шнура, моток бикфордова.

— Пиши расписку!

Осеница мог написать не только сержанту, но и самому дьяволу!

По дороге завернул к Усманову, выпросил нож. Принес свои сокровища в штаб, разложил на столе, стал ворожить над взрывчаткой. Опыт имел немалый. Мог рассчитать величину заряда и по формуле Борескова [1] (вот бы подивился капитан Ермошкин!), и просто на глаз, руководствуясь интуицией.

Подошел к сейфу, осмотрел его дверцу, стенки, вернулся к столу, стал колдовать над толовыми шашками. Затем присоединил бикфордов шнур, вывел его за дверь.

После этого открыл окна, чтобы ослабить действие взрывной волны, дверь тоже распахнул настежь, часовому возле штаба спокойно сказал:

— Ты мог бы сбегать в пищеблок? Отнести Усманову этот нож.

— А пост?

— Считай, я постою за тебя.

Часовой знал: пост оставлять нельзя. Но знал он и то, что если принесет нож Усманову, то повар отблагодарит если не кашей, то хоть супом. А что солдату надо?

— Не обманешь?— настороженно озираясь, спросил часовой.

— Слово!

— Ну, держи винтовку, а я побежал.

Осеница не стал ждать, пока затихнет топот сапог, нагнулся над концом бикфордова шнура и зажег спичку.

Осеница предусмотрительно встал за толстую березу, медленно считал: «Десять, девять, восемь, семь...» Рвануло так, как он и предполагал, не слишком гулко, но с достаточной силой. По крайней мере вороны и сороки в березах озадаченно всполошились, а часовой, так и не успев полакомиться усмановским супом, прилетел в штаб, запыхавшийся и перепуганный.

— Что еще?— издали закричал он.— Ты что тут? Кто это? Диверсанты? Бомбежка?!

— Держи винтарь, сейчас пойдем смотреть, что оно там и как,— спокойно встретил его Осеница и повел за собой в полную дыма комнату.

Сейф сургучно темнел в грязном дыму, толстая дверца, как отрезанная бритвой, лежала на полу. Осеница отважно шагнул ближе, засунул руку в нутро стального тайника и достал оттуда целехонький пакет с пятью нетронутыми красными печатями.

— Видел?— спросил у часового.

Тот молча попятился, как от нечистой силы, но этот маневр его был вызван не испугом или чрезмерным восторгом от волшебства Осеницы, а тем, что со двора послышались сердитые шаги, которые могли принадлежать здесь лишь одному человеку: капитану Ермошкину.

Капитан вошел, взглянул на погром, все понял без объяснения. Осеницу, который бросился к нему с пакетом, молча отвел рукой, подошел к сейфу, долго склонял голову то на один, то на другой бок. Потом резко бросил:

— Кто?

— Товарищ капитан, разрешите вручить пакет! — выпалил Осеница.

— Я спрашиваю: кто готовил взрыв?

— Я, товарищ капитан!

— Рассчитывал кто?

— Я, товарищ капитан!

— Вы??!

— Я, товарищ капитан!

— Давайте пакет!

Осеница вручил пакет, и в душе у него зазвенело нечто такое радостное, как поэзия. Забыв обо всем на свете, он нахально попросил:

— Разрешите закурить, товарищ капитан?

— Курите,— пробормотал тот, разрывая плотную обертку пакета и подходя к окну, где было светлее.

Осеница опустил руку в карман, но махорки не нашел. Не было ее и в другом кармане. А он ведь помнил, что с утра еще была. Курил перед тем, как пойти за взрывчаткой. И курил свою махорку, не просил ни у кого. Ну, потом некогда было, забыл обо всем на свете, но ведь перед тем...

Осеница вывернул один карман, другой. В углу правого шов разошелся, образовалась дыра. Дыра и дыра. Найдем махорку там, куда она просыпалась. Осеница разорвал шов так, чтобы в дыру пролезла рука, стал шарить в поле бушлата. Добрался до махорки, и тут пальцы его наткнулись на что-то холодное и твердое.

Осеница глянул на капитана. Тот уже прочитал бумагу из пакета, сложил ее небрежно. Надо было подождать, пока капитан уйдет, а уже потом... Но какая-то темная сила толкала Осеницу к действиям неосторожным и опасным, его пальцы схватили то холодное и твердое, рука как бы сама выдернулась из кармана, на ладони блеснул стальной ключ от сейфа...

— Товарищ капитан,—растерянно прошептал Осеница.— Ключ! В кармане дырка, провалился в пóлу, а я...

От Ермошкина можно было ждать чего угодно: разжалования из писарей, гауптвахты, трибунала. От такого ни спасения, ни пощады.

Он и впрямь двинулся на Осеницу, весь перекривленный от презрения, гнева и немилосердности!

— Вы! — выдавил сквозь зубы.— Морочили мне голову! Тычина, Маяковский, Вера Инбер! Назначаю вас старшим инструктором подрывного дела! Ясно? Повторите приказ!

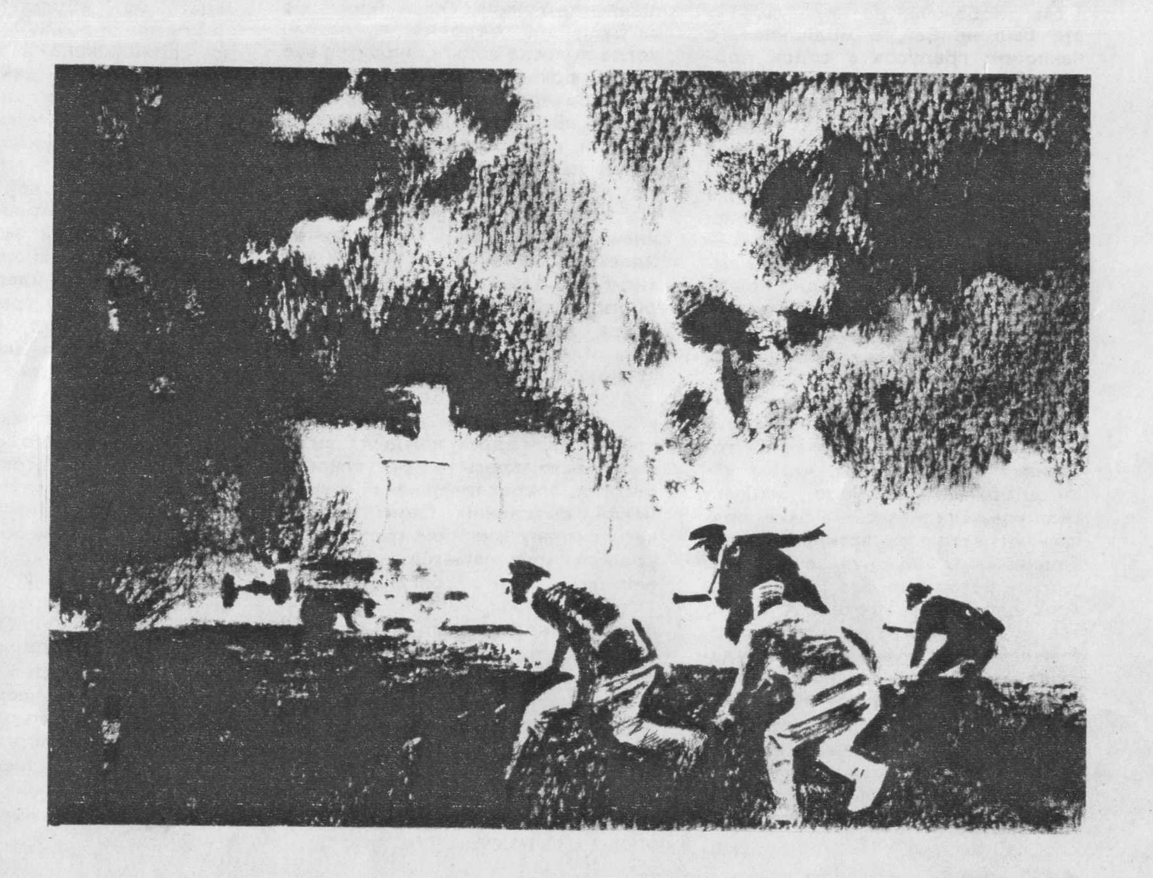
— Есть быть старшим инструктором подрывного дела!— щелкнул каблуками Осеница.

Не мог только сообразить, к чему тут Вера Инбер. Может, она любимая поэтесса капитана Ермошкина?..

В энциклопедии «Великая Отечественная война», в статье «Рельсовая война», говорится, что с 3 августа по 15 сентября 1943 года советские партизаны на оккупированной территории РСФСР, БССР и УССР для оказания помощи Советской Армии в завершении разгрома немецко-фашистских войск в Курской битве 1943 и развитии общего наступления провели большую операцию... За первую ночь операции было взорвано 42 тысячи рельсов. В действиях, развернувшихся на огромном пространстве — тысяча километров вдоль и 750 километров в глубину фронта,— принимало участие около ста тысяч партизан. На протяжении всей операции подорвано около 215 тысяч рельсов, пущено под откос много эшелонов (только белорусскими партизанами — 836 эшелонов и 3 бронепоезда), взорваны мосты, станционные сооружения. На некоторых железных дорогах движение было задержано на 3—15 суток, а магистрали Могилев — Кричев, Полоцк — Двинск, Могилев — Жлобин не действовали весь август.

Где ты, Осеница? — хотелось крикнуть через фронты, бои и расстояния. Да разве только тогда?

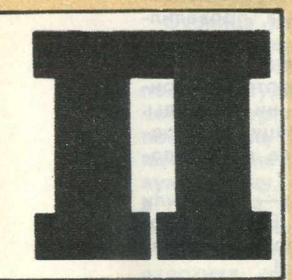
Авторизованный перевод с украинского Изиды НОВОСЕЛЬЦЕВОЙ.

[1] Бoресков — русский военный инженер XIX века, формулой которого для расчета величины зарядов в подрывных работах пользуются и доныне. **(Прим. автора.)**

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

оздний вечер. Североморск готовился ко сну. Замирала жизнь и на кораблях. Большой противолодочный корабль «Маршал Василевский», влитый в свинцовые воды залива, горделиво покачивался у причала. Ему не спалось. Корабль был радостно возбужден и в то же время грустен. Думаете, корабли не умеют чувствовать?.. И я так думал. А вот теперь, пройдя на «Василевском» — буду для краткости называть его так — десять морей и один океан, уверен, что корабль — это живой организм. Он может не только чувствовать, но и предчувствовать. Доказательства? Пожалуйста...

В тот вечер североморские друзья, остающиеся на берегу, пригласили меня в бассейн.

— Самая большая проблема в море — это вода, разумеется, пресная. Так что как следует помыться — желанная мечта. Поэтому давай напоследок поплещемся, не думая, что через две минуты душ может быть перекрыт,— сказал один из бывалых моряков.

И мы пошли в бассейн. Желающих поплавать оказалось немало. Североморск вообще город спортивный. Ранним утром в кромешной тьме мелькают яркие тренировочные костюмы, на катках, склонах гор и лыжных трассах всегда людно. Поплавали мы тогда прекрасно. Но выйти из бассейна оказалось непросто: налетел сильнейший шторм. Скорость ветра достигала тридцати метров в секунду. Корабль наваливало на пирсы.

Мы побежали на корабль. Но это был не бег, а медленное, с наклоном градусов в сорок продирание сквозь снежную круговерть. И вдруг меня дернули за рукав.

— Смотри,— крикнул товарищ в самое ухо.— Самолет сломало!

Я поднял голову и ахнул! Уже давно на вершине одной из сопок установлен бомбардировщик — это памятник морским летчикам-фронтовикам. Так вот, одно крыло большущего самолета оторвало ветром и зашвырнуло в овраг.

— И часто бывает такая погодка?

— В это время года часто.

Обледеневший, весь в торосах и сугробах, «Василевский» готовился отдать концы, чтобы уйти штормовать в море. Боцманская команда жалась на баке, прячась от ветра за артиллерийской башней. А я нырнул в теплое, уютное нутро корабля. Здесь в самом деле очень уютно. А где-то все время что-то урчит, шумит, булькает, постукивает, снуют туда-сюда предупредительные матросы, степенно следуют по своим делам мичманы и, как правило, бегом летают по трапам офицеры. Трап, кстати, серьезное испытание для новичка. Бывалый моряк никогда и ни при каких обстоятельствах, будь трап даже перпендикулярным к палубе, не станет спускаться по нему спиной вперед. Нет! Обязательно с лету, да еще на одних руках — вж-жик!

Есть и еще одно испытание: комингс, по-сухопутному порог. Комингсы, как правило, довольно высокие, сантиметров тридцать, а то и больше. Так вот новички забывают об этом и расшибают о комингсы ноги. Существует даже такое понятие — «комингсовая болезнь», ею обычно страдают матросы-первогодки, их голени в синяках и ссадинах. Тут уж никуда не денешься, пока не привыкнешь.

А вот и моя каюта № 11. Четыре шага в длину, полтора — в ширину. Небольшая в общем-то комнатенка. Но когда привыкнешь, оказывается, что больше человеку и не надо. Койка мгновенно убирается, и превращается в удобный диван. Письменный стол, стул. Протянул руку и, не вставая, достал, что надо с книжной полки или из шкафа. Сделал шаг — рядом умывальник. Протянул другую руку, открыл иллюминатор — и дыши настоящим морским воздухом, не тем, за которым ездим в Сочи или Ялту.

И все же мы дождались рассвета. Очень не хотелось уходить... без музыки. Есть на флоте хорошая традиция: когда корабль уходит в дальний поход, на причале организуется короткий митинг. А когда убран трап, отданы швартовы и корабль уже ничто не связывает с берегом, на причале, а то и на соседних кораблях выстраиваются оркестры. Как бы ни был свиреп ветер, какой бы ни трещал мороз, трубачи играют «Прощание славянки». Ох, и берет же за душу эта мелодия! А потом, когда полоска воды становится все шире, оркестр бежит на самый край причала и ликующе-призывно играет «Варяга». «Наверх вы, товарищи, все по местам, последний парад наступает». Слова-то какие! Их понять надо, прочувствовать. На корабле ведь все товарищи, иначе просто быть не может. Здесь жизнь экипажа иногда зависит от одного человека, и наоборот — вся команда, как говорится, живот положит, чтобы не дать в обиду или спасти своего товарища.

А как много глубокого смысла в словах команды. «Все по местам!» Да, здесь каждый знает свое место, здесь нет бестолковой беготни, переспрашиваний, уточнений, выяснений. Стоит прозвучать сигналу учебной тревоги — и корабль превращается в муравейник: все куда-то бегут. Но вот задраены люки, на иллюминаторы накинуты «броняшки» — и ни души, все на своих местах, а точнее, постах.

На выходе из залива волнение шесть баллов. Такая волна и в Черном море не подарок, а в Баренцевом, где вода ледяная, а дующий с Северного полюса ветер пробирается в самую тоненькую щель и каким-то неведомым способом тащит за собой снежную пыль и соленую росу, начинаешь понимать, что такое настоящий шторм.

И вдруг жуткий рев пронесся над головой! Начались облеты натовской авиацией. Это американский Ф-16А, но опознавательные знаки норвежские. С этого момента у нас не было ни одного дня, чтобы чьи-нибудь самолеты или вертолеты не проносились над кораблем, не «атаковали» с разных направлений или не зависали почти что над палубой.

А в это время... Пока мы шли своим маршрутом, спешно готовился к выходу авианосец США «Америка». В Средиземном море его уже поджидали авианосцы «Саратога» и «Корал Си». Если учесть, что авианосец сопровождает несколько крейсеров, эсминцев и фрегатов, что под водой две-три атомные лодки, что на каждом авианосце 85—100 самолетов и вертолетов, нетрудно вообразить, какой кулак представляет из себя 6-й флот, который стремится превратить Средиземное море в некое подобие своего внутреннего озера.

Но есть еще один аспект, который не может не беспокоить Советский Союз. Корабль и части 6-го флота ежегодно участвуют в десятках крупных учений. Их оперативным фоном является «отражение агрессии с Востока», противник именуется «русскими», «красными», «Советами», отработка боевых упражнений максимально приближена к «реальностям будущих боевых действий с русскими». Моряков стремятся приучить к мысли о «неизбежности войны против мирового коммунизма», готовиться к нанесению упреждающего удара по коммунистическому противнику, который якобы «в любой момент может первым нажать кнопку».

Американские идеологи вложили немало сил и средств в оболванивание личного состава 6-го флота и добились вполне определенных результатов: в ходе опроса, проведенного социологами США среди летчиков палубной авиации, девяносто семь процентов заявили о «готовности применить ядерное оружие против коммунистов». Одна из причин такой ковбойской смелости — уверенность в полной, как они считают, безнаказанности. И чтобы любой агрессор чувствовал неотвратимость возмездия, Советский Военно-Морской Флот вынужден держать в Средиземном море определенное количество кораблей.

Нетрудно понять, какая огромная ответственность ложится в этой ситуации на экипажи плавающих здесь кораблей, и прежде всего на плечи командиров. Капитан первого ранга Ю. Н. Шальнов на флоте уже двадцать лет. Человек он осанистый, кряжистый и, что самое главное, с реакцией боксера-легковеса.

— Какой там боксер?! — засмеялся он, когда я сказал об этом.— Я горнолыжник. А на слаломной трассе спать тоже некогда.

— Горнолыжник? Вы же по нескольку месяцев в море.

— Ну и что? Зато остальные — в порту. Вы же видели нашу сопку с подъемником и даже освещенной трассой. Кто это сделал? В основном экипаж «Василевского». Это же очень здорово — в полярную ночь, когда кругом ни зги, нестись на лыжах в луче прожектора!

— Могу представить... Юрий Николаевич, а как вы стали моряком?

— Книжек начитался, причем хороших. Родился и вырос я в Бурятии, в далеком-далеком селе. Кинопередвижка приезжала редко, телевизора не было, зато библиотека, как мы говорим, на пять баллов. Вот я и читал Станюковича, Новикова-Прибоя, Гончарова, Джека Лондона. Окончил школу — и махнул в Ленинград, в знаменитую «дзержинку». Увы, не прошел по конкурсу. Возвращаться в тайгу не хотелось, и я поступил в электротехнический институт. Хожу на лекции и семинары, учиться вроде бы интересно, но каждый вечер — на Неву, к кораблям, к воде и ветру. Два года маялся, а потом не выдержал, бросил институт и ушел во «фрунзевку». Суровый курсантский быт, уставная жизнь — все было по мне, и вообще все шло прекрасно... до первого выхода в море. Укачивало меня, так укачивало, что подняться не мог. А ведь надо не только ходить, но и вахту нести. Так и мучился до окончания училища, а практика-то каждое лето. Надеялся, что, когда надену лейтенантские погоны, хотя бы из-за гордости преодолею эту болезнь. Но я страдал еще целый год. А потом как отрубило! Теперь меня не берет ни бортовая, ни килевая качка, ни зыбь, ни крутая волна. А вы, кстати, как, прикачались?

— Настолько прикачался, что все время хочется есть.

— Отличный признак! Раз хороший аппетит и, не за столом будь сказано, еда не просится наружу, значит, море вас приняло.

— Юрий Николаевич, а как давно вы командуете «Василевским»?

— С первого дня. Корабль еще был на стапелях, а я уже комплектовал экипаж. Брал далеко не всех. Дело прошлое, но были мичманы и офицеры, от которых я отказывался.

— Из-за плохой профессиональной подготовки?

— Нет, дело не в этом. На корабле очень важен хороший психологический климат. Человек сварливый, тщеславный, с раздутым самомнением или непомерной гордыней сразу же проявится, извините за сравнение, как гвоздь в ботинке. Красивый, добротный ботинок, а надеть нельзя, пока не вытащишь гвоздь. В море же, когда вся жизнь на виду, когда хочешь не хочешь, а вынужден общаться с людьми приятными и не совсем приятными, очень важна терпимость по отношению друг к другу. С одной стороны, терпимость, а с другой — высочайшая требовательность. В прошлом году наш корабль удостоился звания «Отличный». И для корабля, и для экипажа это очень высокая честь, значит, труды не пропали даром.

— Это звание на всю оставшуюся жизнь?

— Что вы?! Его надо подтвер-

См. стр. 18

К поиску подводного «противника» готовятся экипажи винтокрылых машин * После успешно выполненной работы в небе морские летчики возвращаются на палубу авианесущего крейсера.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Не сбавляя хода, боевые корабли заправляются с морского танкера «Иван Бубнов». Сложная это работа, требующая большого мастерства всех экипажей.
Фото Л. ЯКУТИНА (журнал «Советский воин»)

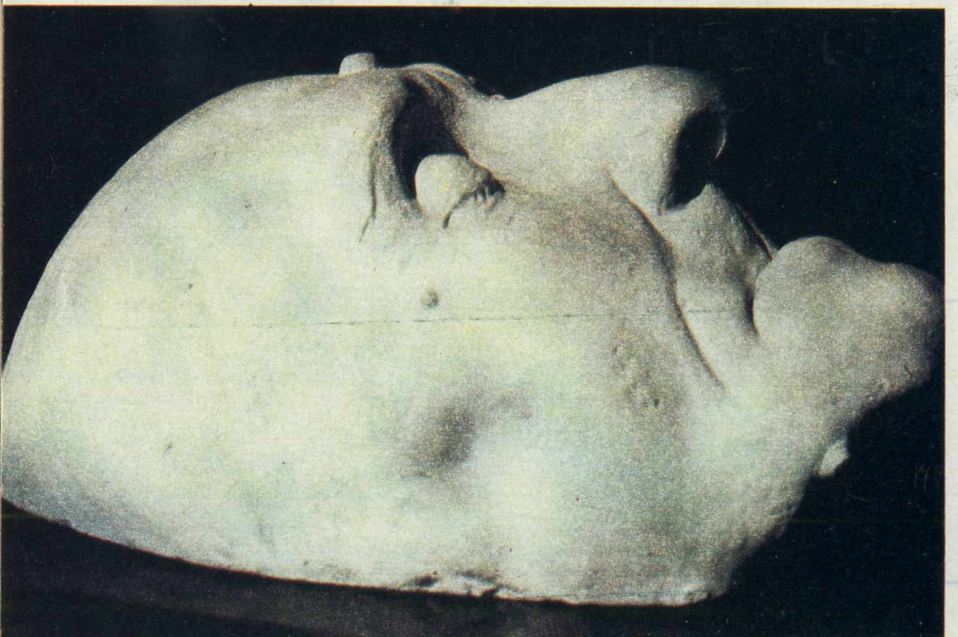
ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

LISZT

Chickering & Sons
à F. Liszt.

«...Я венгр, и... для меня нет большего счастья, как с глубокой преданностью и благодарностью преподнести моей дорогой родине эти первые плоды моего воспитания и образования... Быть может, когда-нибудь и мне выпадет счастливейший удел стать одной из веточек в лавровом венке моей дорогой родины».

(Из афиши концерта юного Листа в Пеште — 1 мая 1823 г.)

В этом году исполняется 175 лет со дня рождения и сто лет со дня смерти великого венгерского композитора, гениального пианиста Ференца Листа. Он прожил необыкновенно яркую жизнь, полную встреч с самыми блистательными представителями мировой культуры прошлого века. Его триумфальные поездки охватили всю Европу — от Лиссабона до Москвы, от Гетеборга до Афин.

Лист общался с Шопеном и Делакруа, Вагнером и Гюго, Берлиозом и Бальзаком.

Великие современники великого музыканта оставили множество интереснейших документальных свидетельств о разносторонней деятельности Листа. Они отражают ту активность, то непрерывное «горение» его натуры, которые проявлялись до последних дней жизни музыканта.

С некоторыми из этих свидетельств вас знакомит профессор Московской государственной консерватории доктор искусствоведения Г. В. КРАУКЛИС.

В 1820 году, покинув родное местечко Доборьян, девятилетний Ференц Лист впервые участвует в публичном концерте в соседнем городе Шопроне. Он исполняет в сопровождении небольшого оркестра до-мажорный концерт Риса (ученика Бетховена), а затем импровизирует на заданные темы. Успех огромный. Еще больший успех сопровождает в конце того же года выступление Ференца в Пожони (ныне Братислава). Местная газета отмечает его «исключительно искусную и свободную игру», пророчит ему «стать в будущем явлением незаурядным». Слишком осторожное пророчество! Никто еще не догадывается, какую великую славу родной стране принесет Ференц Лист.

Преодолев немалые трудности, семье Листов удается в 1821 году переехать в Вену — город Бетховена, где великий музыкант в это время работает над своей Девятой симфонией. Его ученик Карл Черни становится учителем Ференца, престарелый учитель Бетховена Антонио Сальери также соглашается заниматься с ним.

Биографы расходятся во мнениях относительно обстоятельств и места встречи Бетховена с Листом. Художники же поспешили, каждый посвоему, изобразить на своих картинах и рисунках это знаменательное событие. Достоверно известно лишь, что сам Лист неоднократно рассказывал о нем:

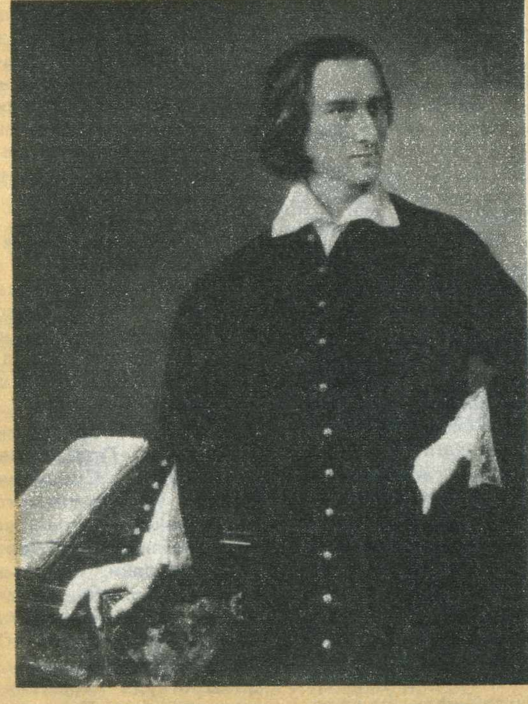
«...Как только я кончил (играть), он поцеловал меня и, заключив в свои объятия, воскликнул: «Ну! ты счастливец! Потому что сможешь доставлять радость и счастье многим людям! Нет ничего лучшего на земле, нет ничего прекраснее!»

Как пианист и композитор Лист окончательно сформировался в Париже в 30-х годах, в этот же период благотворное влияние на его художественное развитие оказали путешествия в Швейцарию и Италию.

Когда Лист впервые услыхал Паганини, он твердо решил сделаться «вторым Паганини» в сфере фортепиано.

«Мой ум и пальцы уже в течение пятнадцати дней работают, как двое каторжников. Гомер, Библия, Платон, Локк, Байрон, Гюго, Ламартин, Шатобриан, Бетховен, Бах, Гуммель, Моцарт, Вебер — все вокруг меня. Я изучаю их, я думаю о них, я проглатываю их с пламенным рвением; сверх этого я по 4—5 часов упражняюсь (терции, сексты, октавы, тремоло, репетиции, каденции и т. д. и т. д.)...»

Лист — Петеру Вольфу, 1831 год.

Ференц Лист. Художник Миклош Барабаш. 1846 год.

Год 1831-й. В Париж приезжает Шопен.

«Хорошо помню его первое выступление в зале Плейель. Горячие аплодисменты, которыми его наградили, показались мне недостаточной данью признания этому самобытному таланту, который принес нам столько чудесных поэтических откровений, а искусство повел по путям, дотоле никому не известным»,— вспоминал Лист в своей книге «Шопен», написанной после смерти польского композитора. В 30-е годы искренняя дружба и творческое содружество связывали двух музыкантов. В концертах они неоднократно выступали вместе. Вот строки из письма Шопена:

«...Я пишу, не зная, что марает мое перо, потому что в это время Лист играет мои Этюды и отвлекает меня от моих благих намерений. Я хотел бы похитить у него манеру исполнения моих собственных Этюдов...»

В Париже Лист входил в «Сенакль» — кружок передовых романтиков, возглавляемый Виктором Гюго. В годы творческого расцвета (Веймарский период, 1848—1861) Лист написал две симфонические поэмы, в основу которых легли стихотворения Гюго «Что слышно на горе» и «Мазепа». Дружеские отношения связывали Листа с Бальзаком, который попросил Листа об очень важной для себя услуге: передать привет Эвелине Ганской (когда Лист в 1847 году отправлялся на Украину). Дружественные отношения и переписка связывали Листа с Жорж Санд, которая даже придумала лирическую сказку, вдохновленную исполненным Листом фортепианным рондо.

«Этот человек на деле один из замечательнейших представителей музыкального движения. Я говорю о Франце Листе, о гениальном пианисте... Когда играет Лист, то о преодолении трудностей уже не думаешь, а слышишь откровение музыки».

Генрих Гейне

«...Вас удивляет... что я занят исключительно фортепиано и не пытаюсь двигаться дальше на обширном поприще сочинения театральной и симфонической музыки... Так знайте, что мой рояль для меня то же, что моряку его фрегат, арабу его конь, больше того — до сих пор он был моим я, моим языком, моей жизнью».

Ф. Лист — писателю Адольфу Пикте, 1837 год

Для нас особо примечательны посещения Листом России в 1842-м, 43-м и 47-м годах. Грандиозны были его успехи в Петербурге весной 1842 года — в особенности в среде истинных ценителей музыки. В 1843 году Лист наряду с Петербургом посетил с концертами также и Москву. Здесь, между прочим, он познакомился с пением московских цыган, что произвело на него волнующее впечатление.

«На прошлой неделе слушал несколько раз Листа. Поразительный талант.

Вчера дикий концерт цыган. Для Листа это было ново, и он увлекся...»

А. И. Герцен. Дневник, май 1843 года.

В первый свой приезд в Петербург Лист познакомился и подружился с Глинкой. Его новую оперу «Руслан и Людмила» он проиграл по партитуре, прямо с листа, чем вызвал изумление всех присутствующих. Когда Лист приехал в Петербург вторично, опера уже шла в Мариинском театре. Демонстративные аплодисменты знаменитого музыканта во время спектакля оказали большую моральную поддержку Глинке и подействовали на аристократическую публику, которая не склонна была оценить глинкинский шедевр.

«Лист слышал мою оперу, он верно чувствовал все замечательные места. Несмотря на многие недостатки Руслана, он успокоил меня насчет успеха...»

М. И. Глинка

Лист прожил долгую жизнь. Он умер, когда ему было 75 лет.

«Трудно представить себе, насколько этот маститый старик молод духом, глубоко и широко смотрит на искусство, насколько в оценке художественных требований он опередил не только большую часть своих сверстников, но и людей молодого поколения...»

А. П. Бородин — из воспоминаний о встречах с Листом в 1877 году.

«...Величайший поэт мира музыкальных звучаний, приобщивший музыку к глубоким жизненно-философским идеям европейской мысли XIX века в эпоху ее пышного расцвета, Франц Лист и сейчас стоит перед нами как непостижимо прекрасная личность...»

Б. В. Асафьев

Скульптура Ференца Листа на фасаде здания музыкальной академии в Будапеште. Автор — Алайош Штробль * Музыка Листа и его слушатель одинаково молоды * Посмертная маска Ф. Листа * Фортепиано, принадлежавшее композитору * В музее великого музыканта.

Фото Имре ДИОШИ (МТИ)

СЛУШАЯ ЛИСТА

ШТОРМОВОЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ См. стр. 16

ждать и оправдывать каждый день, каждый час, а то в конце года возьмут и звание снимут. А это позор на весь флот. Так что хлопот стало гораздо больше: если раньше какой-нибудь пустяк можно было не заметить, теперь мы на это не имеем права.

— Как думаете, что ждет нас в этом походе?

— Работа. Ответственнейшая повседневная боевая учеба. А тут еще натовские самолеты не оставляют нас ни на минуту, чуть позже подойдут и корабли. Я уже не первый раз в дальнем учебном плавании, бывал и в Средиземном море в том числе, так что могу сказать заранее: спокойного плавания не будет ни днем, ни ночью.

Командир, простите за каламбур, как в воду глядел. «Нимроды», «Корсары», «Викинги» попрежнему «вели» нас, передавая друг другу. Но через неделю мы так к ним привыкли, что перестали обращать внимание. Волновало другое: мы вошли в теплый Гольфстрим, и корабль начал оттаивать. Стекали глыбы льда, освобождались от серовато-серебристой корки мачты и антенны, появились первые стаи дельфинов и касаток. А когда вышли в Атлантический океан, стало как-то просторнее.

Атлантика... Сколько о ней написано и рассказано, сколько моряков обрели здесь бессмертную славу или бездонную могилу, сколько о ней легенд и сказаний, монографий, лоций и многотомных трудов! Встреча с Атлантикой всегда волнует. Для меня это второе свидание после долгого перерыва. Однажды я штормовал здесь полтора месяца с рыбаками.

* * *

Океанская зыбь выматывает основательно, но зато здесь нет резкого бокового ветра. Командир приказал готовить вертолет. Надо было видеть, как обрадовались летчики! К первому вылету готовились довольно долго. Техники придирчиво осматривали машину, летчики — друг друга. Я не сразу понял, почему они так тщательно ощупывают манжеты ярко-оранжевого комбинезона, смотрят, насколько плотно прилегает он к шее, надежно ли закреплен на сапогах. А когда спросил, мне охотно объяснили, что от этого зависит жизнь летчиков в случае аварии. В ледяной воде долго не продержишься, а на спине комбинезона есть специальная подушка, которая быстро надувается и держит человека на поверхности. Имеется на борту и резиновая лодка, а в ней — радиостанция. Если же несчастье случится на большой высоте, можно прыгать с парашютом. Короче говоря, о безопасности экипажа конструкторы подумали.

Наконец, техники докладывают о готовности вертолета, и экипаж майора В. Н. Кучерова занимает свои места. Оглушительный свист лопастей — и вертолет отрывается от палубы. Повисел, клюнул носом вправо и с крутым виражом ушел в небо... Потом летали еще и еще, и так — дотемна.

На следующий день были ночные полеты. «Открылась бездна звезд полна; звездам числа нет, бездне — дна». Эти строки невольно приходят на ум, когда стоишь на палубе корабля, плывущего в непроглядной ночи где-то посреди океана. Качка изрядная, поэтому, когда смотришь вверх, кажется, что раскачивается небесный купол, а звезды затеяли веселый хоровод. Но даже среди этого хоровода есть светящиеся точки, следующие четким маршрутом. Это спутники. Их так много, и видны они так хорошо, что порой берет некая оторопь: неужели человеку под силу сделать такой немыслимый аппарат, который может годами летать на такой невероятной высоте?!

А вот наш вертолет пропал. На локаторе его, конечно, видно, да и радиосвязь устойчивая, но красного мигающего огонька в этом скоплении звезд заметить невозможно. Я вспомнил, что майор Кучеров рассказывал о своих первых ночных полетах: небо зеркально отражается от моря, обе стихии сливаются в одну, горизонт пропадает напрочь, возникает обманчивое чувство потери высоты, так что лучше не глазеть по сторонам, а лететь по приборам — они не подведут. Найти корабль в ночном море — тоже непростое дело. А не промахнуться мимо крохотной посадочной площадки — вообще снайперская работа.

Экипаж В. Н. Кучерова (крайний справа) готовится к вылету.

Фото автора

Первыми заметили красный огонек сигнальщики. У этих матросов глаза так натренированы, что, помоему, они видят даже то, что творится за горизонтом. Огонек был слаб, во сто крат слабее любой звезды, но он призывно мигал и упрямо двигался в нашу сторону. Ей-богу, на душе отлегло, когда я видел сверкающий диск лопастей.

Когда В. Н. Кучерова поздравили с возвращением, майор с улыбкой заметил:

— А я везучий! Хотя воздушных ям было предостаточно. Представляете, будучи уверенным, что подал документы в училище истребительной авиации, приезжаю в Сызрань, а там готовят вертолетчиков. Только успел полюбить эти машины, только сдал экзамены — бац! Грубейшее нарушение режима. Само собой в назидание другим отчисляют... Отслужил два года в армии, из принципа снова сдаю экзамены в то же училище — и снова провал. Была не была, иду на прием к начальнику. Посмотрел он на меня, послушал, сказал, что настырные ребята в авиации нужны, и отдал приказ о зачислении. С тех пор большую часть жизни провожу либо у вертолета, либо в вертолете, вот и набил глаз: ведь на Севере мы в сплошном тумане находим попавший в беду рыболовный траулер!

...Пройдя Гибралтарский пролив и миновав Геркулесовы столбы, мы вышли в Средиземное море. После Атлантического океана здесь как-то уютнее: все-таки берега поближе да и бортов, как говорят моряки, побольше. Бортов разных. Только зашли в залив, только пришвартовалось к нам транспортное судно «Онда», чтобы передать продукты, как неведомо откуда набежали рыболовные сейнеры. Примчались в наш район, выбросили буи (сетями утруждать себя не стали) и замерли. Мы-то знаем, что это за рыбаки, но ничего не можем поделать — нейтральные воды, здесь каждый волен делать все, что ему вздумается.

Потом прилетел английский вертолет «Си Кинг», завис почти над палубой и начал делать наши фотопортреты. Улетел вертолет, пришел итальянский буксир-спасатель «Протео», он довольно бесцеремонно подошел почти к самому борту «Василевского» и стал кружить вокруг нас в каких-то сорока метрах. Команда высыпала на палубу и деловито нас фотографировала, кто-то что-то записывал, наносил какие-то значки на схему. Ну, ладно, тут, как говорится, ничего не поделаешь: соответствующие службы заняты своим делом. Но когда итальянцы подошли еще ближе и включили на полную мощность динамики, мы были ошарашены: из динамиков неслась такая похабщина и матерщина, что стало стыдно и за цивилизованную страну, и за ее моряков.

* * *

В один из дней похода на корабле состоялось партийное собрание. В члены КПСС принимали мичманов О. Радкевича и В. Костенчука, а кандидатом в члены КПСС — старшего матроса С. Лепиха. Обсуждение было таким активным, серьезным и в хорошем смысле слова придирчивым, что ребята то краснели, то бледнели, то вообще готовы были сквозь палубу провалиться.

В те дни печать и радио сообщали, что кулак в этом районе американцы собрали мощный. Три авианосца—«Саратога», «Америка» и «Корал Си», вертолетоносец «Гвадалканал», несколько крейсеров, эсминцев, фрегатов и десантных кораблей, под водой, само собой, тоже не пусто. Двести сорок самолетов палубной авиации — основная ударная сила этой эскадры.

Утром мы услышали сообщение, что над Ливией сбито три самолета США, что американская авиация бомбит ливийские города и атакует гражданские суда, находящиеся в заливе Сидра.

Да, так начинаются войны. Достаточно вспомнить провокацию в Тонкинском заливе, за которой последовала многолетняя война во Вьетнаме... К тому, что над нами висели вертолеты и беспрерывно «атаковали» «Хорнеты», «Корсары» и «Интрудеры», мы уже привыкли. Поражала нас, мягко говоря, неаккуратность американцев. Каждый вечер, часов в шесть, с авианосца выбрасывали мусор, упакованный в огромные черные или белые пластиковые мешки. Этих мешков было не два или три, а сорок — пятьдесят. Мусор легкий, мешки плотные, так что эта пакость никогда не утонет, и будут носить ее сапфировые воды Средиземного моря от Италии к Испании, от Алжира к Греции и т. д. Надо было видеть, как брезгливо перекладывал штурвал вахтенный матрос, чтобы обойти эту грязь.

А вскоре обстановка в Ливии вновь обострилась. 16 апреля было передано чрезвычайное сообщение ливийского правительства: американская авиация бомбила жилые кварталы, больницы и школы в Триполи, Тархуна, Бенгази, а также резиденцию лидера ливийской революции Каддафи; пострадали члены его семьи. В тот же день американское командование сообщило, что удары нанесли восемнадцать бомбардировщиков Ф-111, базирующихся в Англии, и пятнадцать самолетов «Интрудер» и «Корсар» с авианосцев «Америка» и «Корал Си».

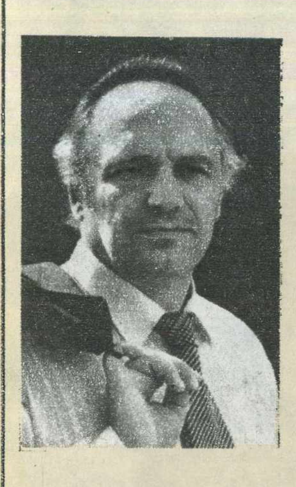
«Василевский» продолжал свое плавание. А я пересел на транспортное судно «Вилюй».

Никогда не думал, что так трудно расставаться с кораблем. За время плавания я так к нему привык, так дорога стала каждая заклепка, каждый трап, каждый уголок. Но корабль это, конечно же, и люди. Надо ли говорить, что все они стали самыми близкими друзьями.

Потом были пересадки еще на три судна, были Дарданеллы и Мраморное море, был Босфор и радостная встреча с Черным морем.

В Севастополь мы пришли в разгар весны. А потом я еще долго ждал, когда вернется в родной порт «Маршал Василевский». Сейчас он уже дома. Поседевший, с ободранными бортами и облупленными надстройками, он покачивается у причала, вспоминает теплые моря, трущихся о борта дельфинов и с нетерпением ждет часа, когда оркестры вновь грянут «Варяга», будут отданы швартовы и форштевень вновь врежется в океанские волны.

Североморск — Севастополь — Москва.

Валентин
СОРОКИН

ИМЯ ТВОЕ

25 июля известному русскому советскому поэту Валентину Сорокину исполняется 50 лет. Редакция «Огонька» поздравляет поэта с юбилеем и печатает его новые стихи.

●

Синь приречья
сверкнула стрижами,
И за хором весенних берез
В небе встретились и побежали
Табуны черногривые гроз.

Все проснулось
во вздохе мятежном.
Речка волнами чувствует дно.
В мире сделалось мудро и нежно,
И высóко, аж сердцу теснó.

Птичьи звоны и рокоты в дали,—
Чудо вечное ливни спасли.
Даже недруги вдумчивей стали,
Но до слез моих не доросли.

Жизнь прекрасна, хотя и капризна.
Но сегодня услышал я сам —
Материнской ладонью Отчизна
Провела по моим волосам.

Пусть они поседели до срока,
Это — честная плата судьбы.
Не уйдут,
не спасутся от рока
Ни властители и ни рабы!

Завтра к солнцу поднимется колос.
Торжествуй и шуми, крутовьё.
Слышу в молниях юности голос,
В травах шепчущих — имя твое.

КАК В ЮНОСТИ

Пусты поля,
Над ними желтый свет,
Чуть золотой,
И реет и струится.
И никакой тоски
В березе нет,—
Она с холма
Взлетает, точно птица.

И я иду,
Как в юности, легко.
И все мои пути
Еще в начале.
Люблю тебя.
Хоть ты и далеко,
Превозмогу разлуку
И печали.

Мне радостно:
Ты на земле одна,
Ты в мире есть.
От моего порога
К тебе спешит
Седой совой луна,
И через ночь
Трудна ее дорога.

Проснись и глянь,
И, нежная, вздохни,
Мне пожелай
И ей удачи скорой.
В сознанье
Перелистанные дни
Ни нас, ни время
Не поранят ссорой.

Мы не возьмем
Порывом перевал,
Остер гранит
И величавы скалы.
Но я тебя
Упрямо целовал,
И ты меня
Из рук не выпускала.

Так хочется
Коснуться высоты,
Наполнить грудь
Безумием и светом,
Когда ветра,
Неся огонь звезды,
Родным лугам
Опять кричат об этом.

ГЛАЗАСТАЯ

Заревые медленные муки,
Умная тоска твоей души —
Это вздохи, это ветра звуки,
Это просто плачут камыши.
Если где-то умирает песня
Человека или журавлей,
Очень трудно солнцу в поднебесье,
Ну, а мне намного тяжелей.
Вещий голос, говорю я снова,
Не отдам ни другу, ни врагу,
Ведь необъяснимым светом слова
Я себя от смерти берегу.
Был я грубым или был я нежным,
Незаметно или шумно жил,—
Только словом
пламенно-мятежным
Я тебя к себе приворожил.
Слово — полдень,
слово — дождь по крыше,
Слово — материнская рука.
Даже ты, глазастая, не выше
Слова, что летит через века.

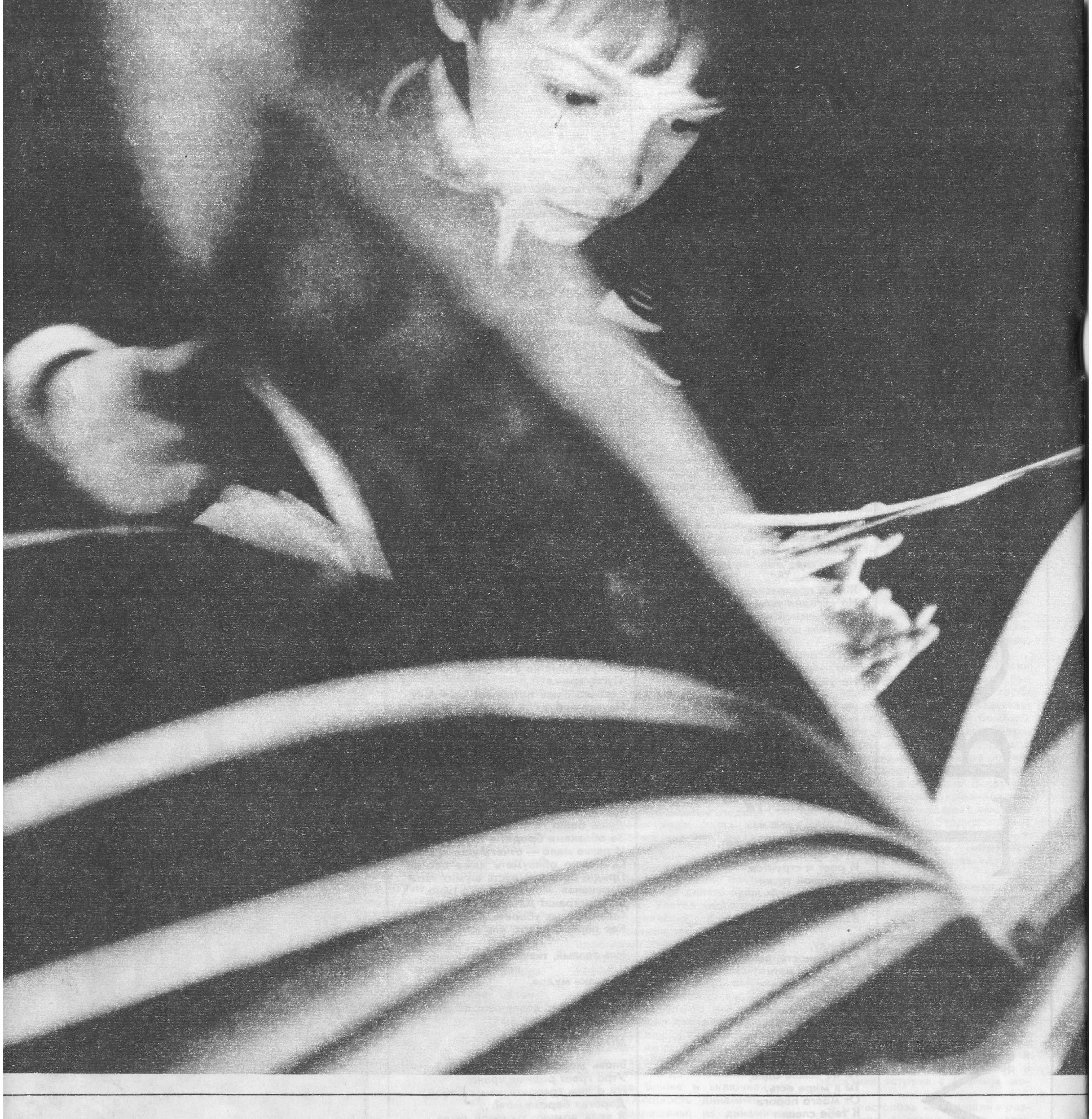
ПРИДИ

Хочу любви и юности хочу,
Ее лучи пока не отсверкали.
Пусть время
нас потреплет по плечу
Не где-нибудь, а на моем Урале.
Пусть синевой озера впереди
Колышатся, знакомо зазывая.
Красивая и нежная, приди,
Того меня всем сердцем узнавая.
Я смысл искал, я истину искал,
Но мир везде различен и не вечен.
И потому седой тоскою скал
До звездной думы я очеловечен.
Душа болит, и годы не догнать,—
За облаками бродят в поднебесье.
И разве мало — отчего устать,
О, можно обезуметь даже песне!
Приди, приди, и пусть шумит твоя
Нераненая молодость отважно.
Есть в странах материнские края,
Галактике не уберечь их страшно:
Как первый вздох, иль за рекой
гармонь,
Иль теплый, тихий дождь
перед рассветом.
И жизнь мудра,
когда твоя ладонь
Мне говорит доверчиво об этом.

МОЯ

Вновь мороз отступил голубой.
Утро греет родные края.
Ну о чем говорить нам с тобой,
Дорогая береза моя?
Я ведь помню, ты юной была,
Трепетала, легка и стройна.
Но гремучая мгла проплыла,
И промчалась беда не одна.
Тихий шелест и вздох твой ловлю,
Потому что за множество лет
Я тебя, как живую, люблю,—
Ничего, кроме нежности, нет.
Только-только пурга улеглась,
И меня в белокорой толпе
Постоянства прекрасная власть
Привела поклониться тебе.
Меж сугробов плутает мороз.
Столько вспыхнуло звезд на пути.
Невозможно средь тысяч берез
Вот такую другую найти.

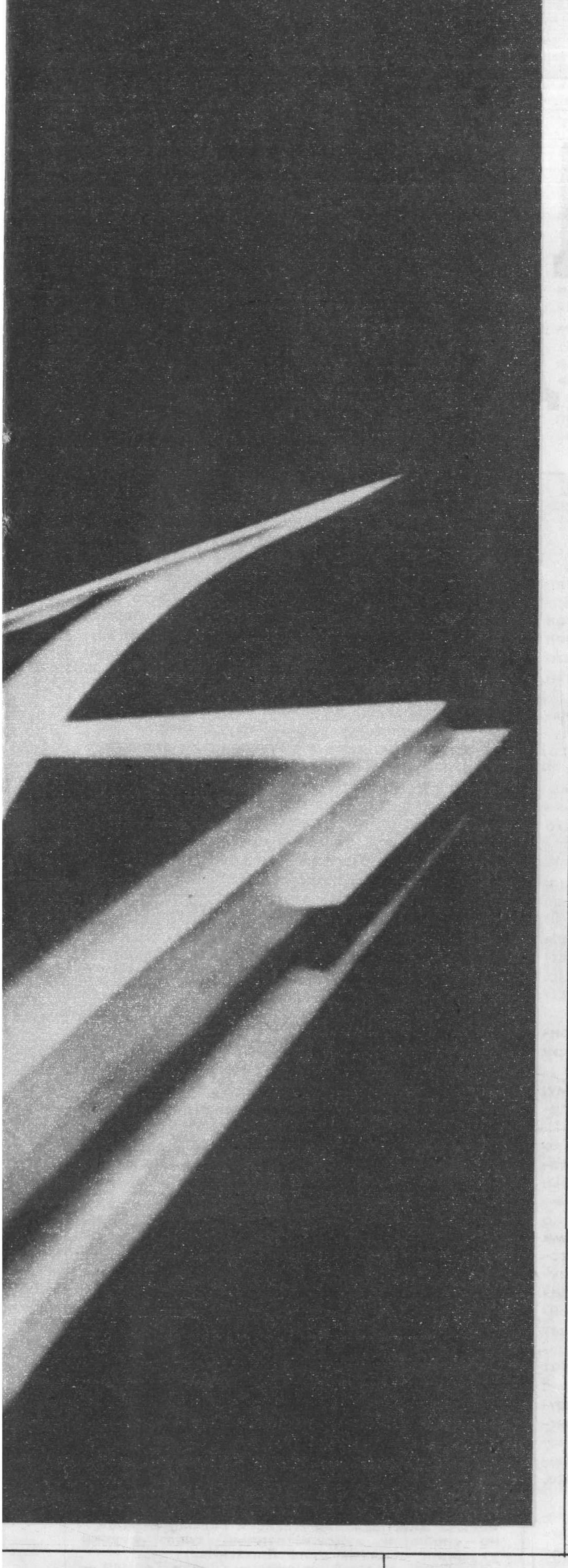

Фото М. Савина

Москвичи читают везде. В метро и парках, на скучных собраниях и даже во время свиданий. Конечно, в библиотеках и дома. Читают газеты, брошюры, объявления, вывески, программы футбольных матчей и, разумеется, книги. Самый большой читальный зал — это Москва. Мы живем в ней, любим ее, не забываем заходить в книжные магазины и рады, когда происходит чудо,— находим в них то, о чем мечтали.

Фоторепортаж А. ВИКТОРОВА и И. ФЛИСА.

самый боль
читальный

ПЕРЕХОД на станцию БАРРИКАДНАЯ
УЛИЦА 1905 ГОДА БЕГОВАЯ ПОЛЕЖАЕВСКАЯ
ОКТЯБРЬСКОЕ ПОЛЕ ЩУКИНСКАЯ ТУШИНСКАЯ
СХОДНЕНСКАЯ ПЛАНЕРНАЯ ПУШКИНСКАЯ КУЗНЕЦКИЙ МОСТ
ПЛОЩАДЬ НОГИНА ТАГАНСКАЯ ПРОЛЕТАРСКАЯ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ПРОСПЕКТ ТЕКСТИЛЬЩИКИ
КУЗЬМИНКИ РЯЗАНСКИЙ ПРОСПЕКТ ЖДАНОВСКАЯ

шой зал

ОДИН ГОД И «ДВАДЦАТЬ ДНЕЙ...»

Юрий НИКУЛИН,
народный артист СССР

Как нуждается искусство в дистанции времени! Для оценки, для самоанализа. Помню, заканчивая книгу «Почти серьезно...», которую помогал мне писать мой друг, журналист Владимир Шахиджанян (труд это был, как определил один мой знакомый, «инфернальный» — а я и слова такого тогда не знал!), обсуждали мы с ним очередную главу про кино, и я сказал:

— Давай не будем писать про «Двадцать дней без войны». Съемки прошли тяжело. Картина еще не вышла, да и получилась ли она? — высказал я сомнение.

На том и порешили. В книге нет рассказа об этой работе. А недавно включил телевизор и с интересом смотрел «Двадцать дней без войны». Снова вспомнил те трудные месяцы, когда в Ташкенте, Ленинграде, Калининграде мы работали над фильмом.

У меня часто спрашивают:

— Есть ли у вас положительные роли?

— Да,— отвечаю я,— роль Глазычева в картине «Ко мне, Мухтар» и роль майора Лопатина в фильме «Двадцать дней без войны» по сценарию Константина Симонова.

Началось, как и большинство приглашений в кино, с телефонного звонка. Звонил писатель И. Меттер.

— Слушай, старик,— начал он энергично,— Алексей Герман, сын покойного писателя Юрия Германа, собирается снимать на «Ленфильме» симоновские «Двадцать дней без войны». По моим сведениям, на роль Лопатина хочет попробовать тебя.

Я не поверил. По моим представлениям, я не имел ничего общего с этим удивительно точно выписанным образом, который несет к тому же автобиографические черты.

— Я тебя умоляю,— продолжал Меттер,— не отказывайся от роли сразу, как ты иногда необдуманно поступаешь. Алексей — способный режиссер, своеобразный. Мне кажется, тебе с ним будет интересно работать. Самое главное — ты в кино такой роли еще не играл. Послушайся совета и хорошенько подумай, прежде чем говорить нет.

Через несколько дней позвонил Алексей Герман. (После разговора с Меттером долго думал о Лопатине, еще раз прочел Симонова и пришел к выводу — роль не для меня.)

— Ну какой я Лопатин! — решительно начал я.— И стар, и по темпераменту другой. Да и вообще мне хочется сниматься в комедийной картине. Лопатин не моя роль. Сниматься не буду.

Алексей Юрьевич Герман сделал вид, будто он не расслышал моих слов, и сообщил мне, что вечером выезжает в Москву и хотел бы со мной встретиться — посидеть просто так час-другой. Об этой же встрече просил и Меттер, и я решил для себя, как бы разговор ни повернулся, все равно от роли откажусь. Но поговорить с интересным человеком, о котором мне рассказывали Ролан Быков и другие актеры, было любопытно. В день приезда Германа у нас в цирке шел генеральный прогон новой программы. К сожалению, я не успел встретить ленинградского гостя, но знал, что Алексей Герман вместе с женой Светланой пришел на прогон.

Уже позже, где-то в середине съемок фильма, жена Германа, которая работала на картине ассистентом режиссера, рассказала мне, что, когда они пришли, заняли места в зале и увидели меня в одной из первых реприз, вымаливающего игрой на дудочке из-под дивана тараканов, она толкнула мужа в бок и тихо заметила:

— И это твой Лопатин?

Мой вид на манеже, в кургузом пиджачке, приплюснутой шляпке, Светлану разочаровал.

После прогона мы с Германом поехали ко мне домой. Пили чай и говорили о будущем фильме. Говорил в основном Герман. Страстно, взволнованно, убежденно, эмоционально. Его черные, большие, умные и немного грустные глаза в тот вечер меня подкупили.

Алексей Герман рассказывал, что и сам Константин Симонов одобряет мою кандидатуру на роль Лопатина.

Как это произошло, до сих пор не пойму, но к половине второго ночи мое сопротивление было сломлено.

Усталый, чуть раздраженный, мечтая только об одном — как бы скорее лечь спать, я согласился приехать в Ленинград на кинопробы.

В конце концов, думал я, если кинопробы не получатся, то я это переживу спокойно, но зато повстречаюсь с фронтовыми друзьями (я воевал в Ленинграде). Как человек, который себя считает обязательным, я в пути готовился к кинопробе. Конечно, образ интересный — писатель, военный корреспондент, умный и мужественный человек, имеет боевые награды, русский интеллигент по духу... Получится ли такой человек у меня? Вот Лопатин идет по городу, вот едет в поезде с летчиком, в основном слушает, потом смотрит в окно... Приезжает в Ташкент, встречается с женщиной. Вроде и любит ее, и не любит... Говорит со своей бывшей женой, просит, чтобы не было истерик. Все расплывчато, вроде и играть нечего.

Выступает на митинге, произносит речь, какую-то спокойную, ровную. Вроде никаких событий, переживаний. В режиссерском сценарии много крупных планов: лицо, глаза, лоб, нос,— но ведь эти планы должны что-то выражать... Как это играть?

На «Ленфильм» приехал к девяти утра. А возвращался с кинопробы в час ночи. Опаздывал на поезд и не успел снять грим. Наивный человек, я думал повидаться с фронтовыми друзьями! Какие там друзья... Разве я представлял себе, с каким режиссером встречусь? Алексей Герман поразил меня своей дотошностью. Такого въедливого режиссера я больше не встречал. Методично, спокойно (хотя бывали случаи, что он и выходил из себя), как глыба, он стоял в кинопавильоне и требовал от всех, чтобы его указания выполнялись до мельчайших подробностей. Только подборка костюма заняла полдня. Он осматривал каждую складку, воротничок, сапоги, ремень, брюки... Ну, казалось бы, костюм Лопатина, военная форма. Взять военную форму моего размера, и все. Нет! Он заставил меня примерить более десяти гимнастерок, около двадцати шинелей. Одна коротка, другая чуть широка, третья — не тот воротник, и так до бесконечности. В костюмерной лежали навалом шинели с петлицами, фуражки, шапки-ушанки, вещевые мешки, на столе — груда очков. Долго подбирали очки. Я остановился на очках в металлической оправе, надел их, подошел к зеркалу и вдруг, пожалуй, впервые в жизни увидел свое сходство с отцом. Точно такие очки носил в войну отец...

Перед самой съемкой мне надели на руку большие часы Первого московского часового завода. Именно такие часы носили в годы войны.

Вымотался за тот день я страшно. Еле добрался до поезда. Думал — лягу и сразу засну, а не вышло. Думал о Лопатине, вспоминал разговоры с Алексеем Германом. И потом ведь это моя первая роль на «Ленфильме»... Сняться хотелось. Это всегда так. Вначале отказываешься, не веришь в свои силы, но, преодолев сопротивление материала, вживаясь в роль, уже хочешь, мечтаешь ее делать.

Через несколько дней мне сообщили, что пробы получились неплохими. Но режиссеру нужно снять какой-нибудь эпизод на натуре. В картине предполагалось много натурных съемок, и, насколько я понимаю, Алексею Герману хотелось посмотреть меня в других условиях.

Снова в выходной день цирка еду в Ленинград. Появилась даже некоторая уверенность, что могу сыграть этого человека — Лопатина. Но сомнения продолжали одолевать. Ведь действительно у меня таких ролей не было. Мне уже за пятьдесят. Наверное, пора искать другое амплуа, другие характеры, чем играл прежде. К тому же смущали некоторые сцены. До сих пор я ни разу не играл в кино влюбленного человека. Как объясниться в любви, как это сыграть — зарождение чувства, увлечение, грусть при расставании?

Съемки на натуре заняли два дня. Со студии мне прислали снимки — я в гриме и в костюме. Фотографии понравились всем в нашей семье. Жена сказала:

— Я бы очень хотела, чтобы тебя утвердили на эту роль.

К советам жены я всегда прислушиваюсь. Татьяна очень помогла мне в жизни да и сейчас, когда мы уже не работаем на манеже, остается первым, пожалуй, самым авторитетным советчиком во всех моих делах...

А потом все затихло. Мне никто не звонил со студии. Я же интересоваться стеснялся — в этом есть что-то неловкое, когда актер интересуется, как прошли кинопробы, хотя что неловкого, я лично понять не могу. Только через полтора месяца мне позвонил Алексей Герман и радостно сообщил: художественный совет студии утвердил меня на роль Лопатина.

— Были разные мнения,— сказал Герман.— Некоторые не одобряют моего выбора. На худсовете спорили. Но большинство было «за». Завтра мы привозим пробы в Москву показывать Константину Симонову. Посмотрите их вместе с ним. Кстати, он хотел бы с вами познакомиться и поговорить.

В маленьком просмотровом зале на студии документальных фильмов я встретился с Симоновым — он заканчивал тогда работу над фильмом «Шел солдат».

Высокий, прямой, короткая стрижка седых волос, неизменная трубка во рту, Симонов улыбнулся мне и спросил:

— Ну как, сыграем Лопатина?

— Постараюсь,— скорее про себя, чем вслух, произнес я.

Начался просмотр. И вдруг я почувствовал

страшное волнение, даже руки вспотели. Думаю, что так подействовало присутствие Симонова. Ведь он писал о себе, а на экране я, будет ли убедительно?

Пожалуй, первый раз в жизни меня очень интересовало, каким я получился на экране. Признаюсь, хотелось быть статным, красивым, молодым. Тут же вспоминались слова Алексея Германа, который во время кинопроб прикрикивал на меня: «Держитесь прямее. Не опускайте голову, а то у вас видны морщины. Не горбитесь».

В конце просмотра показывали пробы актрис на главную роль. Больше всех понравилась Людмила Гурченко. Некрасивая на экране, нервная, странная, привлекающая и удивляющая одновременно. В ней чувствовался характер — да, такую Лопатин может полюбить. Она не походила на ту Гурченко, которую я помнил со времен «Карнавальной ночи» и фильма «Девушка с гитарой», где я впервые снялся в кино. (Она тогда уже знаменитая «звезда экрана», а я начинающий эпизодник.)

После просмотра возникла пауза. Я беспокоился, понравилась ли Гурченко. Именно этот просмотр решал, кто будет играть Нину. Последнее слово оставалось за Симоновым.

— Ну, кто из женщин вам больше по душе? — спросил как-то лично меня Константин Михайлович, будто от меня что-то зависело.

— Гурченко,— ответил я не задумываясь.

— Я тоже такого мнения. Она интересна. У нее выйдет,— сказал Константин Михайлович.

Симонов предложил вечером после моей работы в цирке заехать к нему домой, поговорить более подробно.

После представления мы с Таней поехали к Константину Михайловичу Симонову. Долго сидели в его уютном кабинете, в доме недалеко от станции метро «Аэропорт», и говорили о будущем фильме.

— Тот ли я Лопатин? — задал впрямую вопрос Константину Михайловичу.

— А что вас волнует? — спросил Симонов, раскуривая трубку.

— Да возраст меня смущает. Не очень ли я старый? И потом какой-то немужественный получаюсь.

— Пусть вас это не тревожит,— успокаивал меня Константин Михайлович.— Мне лично кажется, что вы правильно подошли к роли. Ваш возраст соответствует возрасту Лопатина. Понимаете, ведь все, что произошло с Лопатиным, произошло и со мной, когда я приезжал в Ташкент в командировку. Мне тогда было около тридцати лет. Но Лопатина в повести я делать молодым не могу. Дело в том, что отношение Лопатина к окружающим людям, событиям, его мнение, ощущение — это ведь точка зрения сегодняшнего человека. Я в свои тридцать лет по-другому воспринимал события. И поэтому умышленно написал его старше. Так и должны воспринимать Лопатина читающие повесть и будущие зрители.

Симонов долго рассказывал мне о Лопатине. Говорил четкими фразами, вспоминал подробности быта в Ташкенте, людей, окружающих Лопатина, и чем больше он говорил, тем больше мне нравился Лопатин, и я понимал, что этот человек мне близок, интересен, его взгляды совпадают с моими личными. Уезжал от Симонова успокоенный. Единственное, что волновало — отпустят ли меня в цирке на съемки. Чтобы сняться в фильме, нужен отпуск минимум полгода.

— А вы не волнуйтесь,— сказал мне Симонов.— Если нужно, я поговорю с вашим начальством.

И верно. Когда возникли сложности с отпуском, Константин Симонов приехал к начальнику нашего главка и так убедительно сказал о важности создания фильма на военную тему, так авторитетно выглядел, что начальник тут же подписал мое заявление.

В середине января я вылетел в Ташкент, чтобы принять участие в натурных съемках. В первый же день меня коротко постригли, и режиссер попросил, чтобы я носил шинель, сапоги и гимнастерку все время.

— Вы, Юрий Владимирович, костюм свой почаще носите. Поприввыкнуть надо, пообноситься костюм должен, да и вам легче на съемке будет.

Съемки начались со сцены в вагоне поезда, в котором Лопатин едет в Ташкент. Там происходит его разговор с летчиком, первая встреча с Ниной. По метражу это занимает минут 12—13 в фильме, а снимали мы более месяца. Стояла зима, дул сильный ветер. Алексей Герман решил снимать в настоящем поезде. Отыскали спальный вагон военного времени, прицепили его к поезду, в котором мы жили, и в ста километрах от Ташкента начались съемки. Вагон не топили. Когда мы говорили, изо рта шел пар.

«Ну что за блажь! — думал я о режиссере.— Зачем снимать эти сцены в вагоне, в холоде, в страшной тесноте? Когда стоит камера, нельзя пройти по коридору. Негде поставить осветительные приборы. Нормальные режиссеры снимают подобные сцены в павильоне. Есть специальные разборные вагоны. Там можно хорошо осветить лицо, писать звук синхронно, никакие шумы не мешают. А здесь шум, лязг, поезд качает». Иногда, так как наш эшелон шел вне графика, его останавливали посреди степи и мы по нескольку часов ждали разрешения двинуться дальше. День и ночь нас таскали на отрезке дороги между Ташкентом и Джамбулом.

Спустя год я понял, что обижался на Алексея Германа зря. Увидев на экране эпизоды в поезде, с естественными тенями, бликами, с настоящим паром изо рта, с подлинным качанием вагона, я понял, что именно эта атмосфера помогла и нам, актерам, играть достоверно и правдиво.

Режиссер долго настаивал на том, чтобы фильм снимался на черно-белой пленке.

— Юрий Владимирович,— объяснял он мне.— Ведь если мы будем снимать на цветной пленке, то от красок на экран фальшь полезет. А я хочу, чтобы было все как в жизни, все подлинно. Пусть наш фильм напоминает хроникальный, он от этого только выиграет.

И в этом отношении Алексей Герман тоже оказался прав.

Юрий Никулин и Константин Симонов. Фото Л. Шерстенникова

Бывали случаи, когда на Германа сердились буквально все, а он как ни в чем не бывало приходил на съемку и снимал.

Ни о чем, кроме фильма, с ним говорить было нельзя. Он не читал книг, не смотрел телевизор, наспех обедал, ходил в джинсовых брюках и черном свитере, иногда появлялся небритый, смотрел на всех своими черными умными и добрыми глазами (доброта была только в глазах) и упорно требовал выполнения его решений. Спал он мало. Позже всех ложился и раньше всех вставал. Актеров доводил до отчаяния.

— Юрий Владимирович,— говорила мне с посиневшими от холода губами Людмила Гурченко, пока мы сидели и ожидали установки очередного кадра,— ну что Герман от меня хочет? Я делаю все правильно. А он психует, нервничает и всем недоволен. Я не могу так сниматься. В тридцати картинах снялась, но такого еще не было. Хоть вы скажите что-нибудь ему.

А я пытался все обратить в шутку. Не хотелось мне ссориться с Алексеем Германом, хотя внутренне я поддерживал Гурченко и считал, что так долго продолжаться не может. Но так продолжалось. Продолжалось до последнего съемочного дня. Хотя несколько раз я говорил с Германом и однажды даже на повышенных тонах.

Помню, после шести-семи дублей я возвращался в теплое купе. Людмила Гурченко смотрела на меня с жалостью и говорила:

— Боже мой, какой вы несчастный. Ну что же вы молчите. Вы что, постоять за себя не можете?

А я постоять за себя могу, но для этого мне необходима убежденность, а тут я все время сомневался, вдруг Герман прав. И он оказался правым. Правда, от съемок я не испытывал никакого удовольствия и радости. Возвращался после каждой съемки опустошенным и не очень-то понимал, что получится на экране. В первые же недели съемок я сильно похудел, и мне ушили гимнастерку и шинель.

Помню, Алексей Герман накануне съемок крупных планов говорил мне:

— Юрий Владимирович, поменьше ешьте, у вас крупный план.

В столовой со мной всегда садилась Светлана — ассистент режиссера, жена Германа, и следила, чтобы я много не ел, а мне есть хотелось.

Особое внимание Алексей Герман уделял так называемому второму плану. Прохожие на улицах, участники митинга, массовка на перроне, танцующие девочки во дворе дома, пассажиры в вагоне поезда — это все второй план. Герои фильма на первом плане, а на втором плане идет своя жизнь. И Герман работал с каждым участником массовки. К великому нашему неудовольствию и обиде, он лучшие дубли переснимал только потому, что кто-то из массовки на третьем-четвертом плане не так себя вел, не так шел.

К концу съемочного периода я почувствовал себя совсем без сил. Работа в цирке мне показалась отдыхом. Я не представлял, какой будет картина. Разные были мнения. Одни говорили, что получается, другие утверждали, что «Двадцать дней без войны» — это «великая картина второго режиссера», и только. (Второй режиссер в кино отвечает за массовку и реквизит.)

Картина прошла по экранам как-то незаметно, в маленьких кинотеатрах. Но истинные любители кино, критики фильм заметили. Было много рецензий. Было много поздравлений. Был, чего там скрывать, приятный каждому актерскому сердцу успех.

И быстро забылись сложности, трудности. Очень быстро забылись.

И вот как нужна искусству дистанция времени. Режиссер Алексей Герман,— признанный всеми мастер, автор фильмов «Проверка на дорогах», «Мой друг Иван Лапшин». Его имя часто произносится в ряду действительно ведущих наших кинематографистов. Я смотрел «Двадцать дней без войны» по телевидению и думал: вот успех режиссера, успех нашего кино. Как жаль, что он не дожил до этого дня Константин Михайлович Симонов, сделавший для молодого режиссера Алексея Германа так много своим авторитетом, своей верой в его талант. Как жаль...

Два матча в борьбе за шахматный престол сыграли непримиримые партнеры—Карпов и Каспаров; многие месяцы провели они друг против друга за шахматной доской. 75 их партий, насыщенных богатым содержанием, стали предметом изучения миллионов поклонников шахматного искусства.

Казалось бы, шахматный мир, избалованный обилием впечатлений, мог уже пресытиться этими перманентными дуэлями, потерять к ним вкус, живой интерес. Но вот наступает очередной раунд единоборства непокорных героев, и волнения вспыхивают с новой силой.

Какой же удивительно неистощимый запал творческого и спортивного соперничества заложен в привычном словосочетании «матч Карпов — Каспаров»!

Впрочем, на этот раз в знакомой формуле произойдут изменения, и нынешнее состязание великих шахматистов будет официально называться «матч-реванш Каспаров — Карпов». И разница эта весьма значительна. Она отражает новый статус соперников, определяет специфику задач, возникших перед ними. Роли на этот раз радикально поменялись.

Теперь уже не Каспаров, а Карпов должен стремиться только к победе, и не Карпов, а Каспаров отстаивает высший шахматный титул, что обеспечивает ему привилегии при ничейном счете.

Правда, недавно экс-чемпион мира М. Таль усомнился в справедливости применения слова «реванш» к поединку, перед которым общий счет сыгранных партнерами партий равный. «По-моему, будет не матч-реванш, а просто третий, как бы контровой матч»,— сказал Таль. Но позволю себе не согласиться с такой оценкой высокоавторитетного коллеги. Думаю, что грядущий матч не может быть просто продолжением традиционного единоборства, тем более развитием сложившегося знакомого сюжета, он знаменует новую веху взаимоотношений выдающихся гроссмейстеров, а потому будет иметь принципиально иную психологическую подоплеку, неизведанный еще характер соперничества.

Вспомним, как вопреки расхожей логике Карпов рвался к этому поединку еще в феврале, что называется, не залечив ран. И, напротив, как противился матчу-реваншу чемпион мира, доказывавший свое право на почетную передышку. Уже тогда стало ясно, что перемена ролей изменила и взгляды партнеров на задачи, стоящие перед ними накануне грядущих сражений.

Каспарову предстояло «обжиться» на завоеванном троне, ощутить все радости и трудности, выпадающие на долю шахматного короля, выдержать испытание «медными трубами» и найти в себе достаточно сил, мудрости и объективности для поддержания и творческой формы, и вкуса к борьбе, и жажды дальнейшего совершенствования.

Задачи, возникшие перед А. Карповым, были, пожалуй, еще сложнее. После стольких славных лет внеконкурентного лидерства в шахматном мире, после столь счастливо начавшегося единоборства со своим главным оппонентом (вспомним счет 5 : 0 на заре их соперничества!) ему пришлось испытать жестокое разочарование и, расставшись с гордым титулом чемпиона, оказаться в непривычной роли соискателя. Ведь элегантная приставка «экс», что ни говори, обозначает «бывший», а А. Карпову при его характере просто невозможно примириться с таким положением. И памятуя, что победа показывает, что человек может, а поражение — чего он стоит, ему нужно было принять все меры для ликвидации последствий пережитого потрясения. Судя по насыщенному графику его выступлений, он поставил себе целью достичь пика формы в первую очередь путем интенсивной тренировки в бескомпромиссных турнирных испытаниях.

За прошедшие семь месяцев А. Карпов принял участие в четырех крупных турнирах, сыграв в общей сложности 41 партию, причем большинство из них с сильнейшими гроссмейстерами. Итог превосходен — семнадцать побед, двадцать три ничьих и лишь одно поражение.

«Игра мускулами» удалась на славу. Казалось, такой результат призовет Карпова к сдержанности, экономии сил, отказу от дальнейших турнирных выступлений, но центробежная сила интенсивной тренировки завлекла экс-чемпиона на еще одно труднейшее испытание. Неожиданно для многих Карпов дал согласие участвовать в «турнире звезд» в Бугойно, где, кроме него, играли и оба претендента на первенство мира — А. Соколов и А. Юсупов, и экс-чемпион мира Б. Спасский, и «чемпион западного мира» Я. Тимман, и такие асы мировых шахмат, как Л. Любоевич, Э. Майлс, Л. Портиш. Решение Карпова играть было поистине мужественным. В таком составе гарантий на успех нет ни у кого, а неудача, пусть даже относительная, накануне матча могла обернуться для Карпова чувствительной психологической травмой.

И все же смелый эксперимент увенчался успехом. Экс-чемпион мира выдержал и этот жесткий экзамен. Хотя он и проиграл одну партию, это не помешало ему убедительно завоевать первое место, лишний раз доказав, что на сегодняшний день второй шахматист в мире один, а третьих много...

«Конечно, приятно победить на столь представительном соревновании,— сказал Карпов журналистам,— однако занять первое место не было для меня самоцелью: я хотел еще и сохранить некоторые секреты своей подготовки к предстоящему матчу-реваншу».

И в этой фразе ключ к пониманию глобального направления стратегии А. Карпова — все подчинено единой цели, которая может быть сформулирована словами «Сейчас или никогда!».

Этот боевой девиз не звучит так категорично для чемпиона мира — он еще очень молод, и горизонты его пока беспредельны, но значение грядущего поединка для Г. Каспарова не менее существенно: слишком дорого далось ему высокое звание, чтобы позволить себе им рисковать. А потому подготовка Г. Каспарова к матчу-реваншу была тоже продумана всесторонне. Правда, приступить к ее выполнению Каспарову пришлось с небольшой задержкой. Во всяком случае, заметно позже, чем начал свою программу соперник. Но объяснение этому найти легко — сам факт, что Гарри Каспаров впервые стал чемпионом мира, да еще в 22 года, определяет многое. И то, что ему хотя бы на некоторое время хотелось позабыть об испытаниях, выпавших на его долю в течение последних 14 месяцев, и то, что новый почетный статус требовал внутренней психологической перестройки.

Казалось, Гарри хотел тогда обнять весь мир, который завоевал. Он источал душевный подъем, радость, жизнелюбие. Стремился расширить круг контактов. Ездил по стране, за рубеж. Щедро встречался с шахматистами в сеансах одновременной игры, увлекался проблемой компьютеров и... футболом, охотно выступал с лекциями на пресс-конференциях.

Первой пробой сил в новом статусе был поединок с голландцем Яном Тимманом. По-видимому, этот мини-матч был обговорен еще до того, как Каспаров стал чемпионом мира, и поначалу не вписывался в программу его подготовки к матчу-реваншу с Карповым. Для Каспарова это была просто возможность в свое удовольствие поиграть с одним из сильнейших гроссмейстеров мира — других повидать и себя показать.

И матч, не скованный формальными задачами, удался на славу. По мнению английского гроссмейстера Дж. Нанна, он был по творческому содержанию вообще одним из лучших за последние годы. Партнеры играли в открытые шахматы — смело, увлеченно, ярко. Чемпион мира убедительно победил со счетом 4 : 2. Но к планомерной и углубленной тренировке Г. Каспаров приступил позже — только после того, как определились точные сроки матча-реванша.

И вновь, как и обычно, Г. Каспаров в отличие от своего соперника львиную долю времени отвел исследовательско-аналитической работе. Лишь однажды чемпион мира решился проверить свою форму в практической игре. Это было в мае в Базеле, где он на редкость легко и эффектно победил английского гроссмейстера Энтони Майлса со счетом 5,5 : 0,5. Потрясающим подтверждением возможностей советского шахматиста сочла такой итог английская пресса. Любопытно подметить, что это был уже четвертый мини-матч, сыгранный Каспаровым в паузах между официальными поединками с Карповым, и на их финише заветная цифра 13, счастливая для чемпиона мира, вновь всплыла на поверхность, ибо именно столько партий ему удалось выиграть в этих состязаниях. Проиграл же он всего одну.

И все же Каспаров разочаровался в такого рода тренировочных поединках. Хотя он попрежнему убежден, что к матчам на первенство мира нужно готовиться только в матчах (того требует специфика), и с 1983 года вообще не сыграл ни в одном турнире (а матчевых партий за это время 124!), Каспаров недавно высказал мнение, что режим подобных дуэлей должен быть более суров и следовало бы играть не по 6 партий, а выражаясь боксерским языком, проводить 8- или 10-раундовые поединки.

Что же касается теоретической подготовки, то, как известно, здесь Г. Каспаров не имеет себе равных в мире и каждый раз вступает в состязание, оснащенный самыми разнообразными и глубоко исследованными новыми дебютными идеями.

Чемпион мира понимает сложность стоящих перед ним задач. Он многому научился в поединках с Карповым, и в частности объективности. «Почивать на лаврах не собираюсь,— сказал он недавно.— Матч-реванш будет нелегким, и я уверен, что Карпов сделает все возможное, чтобы вернуть себе звание сильнейшего».

Речь не мальчика, но мужа. За ней серьезность и ответственность чемпиона. И это мнение живо перекликается со словами его соперника — Анатолия Карпова: «Наша третья встреча с Гарри Каспаровым будет интересной. Что касается прогнозов, то, поскольку я по натуре оптимист, надеюсь вернуть себе звание чемпиона».

А что говорит объективный анализ исходных данных накануне матча-реванша?

Прежде всего что силы соперников примерно равны. 75 партий, сыгранные между ними, не определили перевеса — каждый из них выиграл по 8 партий, а 59 — подавляющее большинство поединков — завершились миром. Но, продолжая анализ, можно сделать вывод, что динамика единоборства складывается в пользу Г. Каспарова. В первой половине этих встреч он проигрывал по результативным партиям 1 : 5, а во второй заметно перехватил инициативу, добившись соотношения 7 : 3! Это важный повод для оптимизма чемпиона мира.

Но свой козырь имеют и сторонники экс-чемпиона. Если углубиться в историю борьбы, то можно вспомнить, что из всех состоявшихся за 100 лет королевской шахматной династии матчей-реваншей лишь в одном—самом первом—чемпиону мира Э. Ласкеру удалось удержать свое звание, победив уже сходящего с арены экс-чемпиона мира В. Стейница. Во всех же остальных матчах-реваншах М. Эйве — А. Алехин (1937), Смыслов — Ботвинник (1958) и Таль — Ботвинник (1961) — экс-чемпионы мира убедительно достигали цели — возвращения утраченного титула. Так что этот психологический фактор на стороне А. Карпова.

Какой же прогноз предложить читателям? Да и нужен ли он? Ведь как бы ни сложилось единоборство наших замечательных гроссмейстеров, оно при всех обстоятельствах, несомненно, будет увлекательным, ярким, волнующим. И не последним...

Реванш?

**М. ТАЙМАНОВ,
международный гроссмейстер,
шахматный обозреватель
«Огонька»**

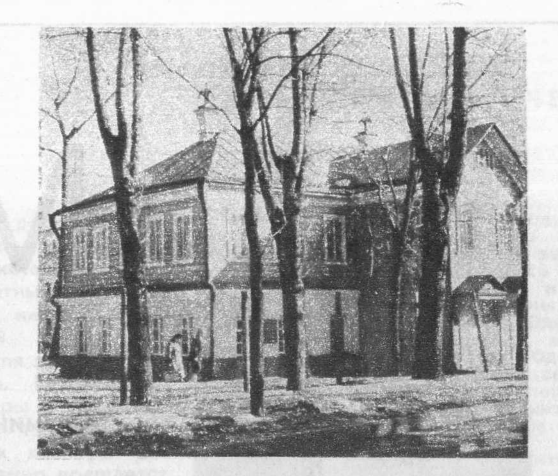
А. Тулуз-Лотрек. 1864—1901. ДАМА С СОБАЧКОЙ. 1891.

Национальная галерея искусств. Вашингтон.

Э. Вюйар. 1868—1940. ДАМА В ПОЛОСАТОМ ПЛАТЬЕ. 1895. Национальная галерея искусств. Вашингтон.

В ЗАМОСКВОРЕЧЬЕ К ОСТРОВСКОМУ

Замоскворечье... Сколько литературных имен оно вызывает в памяти: Афанасий Фет и Лев Толстой, Аполлон Григорьев и Александр Островский!

По самой топографии Замоскворечье кажется удаленным от коренной части Москвы. «От ядра всех русских старобытных городов,— вспоминает родословную Замоскворечья Ап. Григорьев,— от Кремля или кремника, пошел сначала белый, торговый город; потом разросся земляной город, и пошли раскидываться за реку разные слободы». Даже сейчас, когда москвичи едва поспевают уследить за изменениями в исконных старомосковских названиях улиц и площадей, Замоскворечье упорно сохраняет их: Ордынка и Полянка, Пятницкая и Татарская улицы; Кадашевская и Овчинниковская набережные; Пыжевский и Хвостов, Казачий и Черниговский, Иверский и Климентовский, Погорельский и Спасоналивковский, Толмачевский и Старомонетный переулки. И в облике своем нынешнее Замоскворечье сохранило прежний вид. В основном те же приземистые домики, тихие особнячки с дворами, застроенными сараями и разного рода службами, садами при них.

Здесь, в Замоскворечье, есть бесценные реликвии русского зодчества. Уникальный памятник начала XVIII века — главное украшение улицы Димитрова — церковь Ивана Воина, проект которой, по преданию, утвердил Петр Первый в честь победы под Полтавой. Рядом со станцией метро «Третьяковская» возвышается храм Климента, построенный по проекту П. Трезини в 1774 году.

...И вот мы у дома номер девять по улице Островского. Приземистый двухэтажный особняк на каменном подклете с деревянным верхом зимой утопает в больших московских сугробах, искрящихся на солнце, летом — в густой зелени, а осенью весь залит багрянцем. Немощеная дорожка ведет к памятнику российскому Шекспиру — Александру Николаевичу Островскому. В этом году мы отмечаем столетие со дня его смерти.

О Москве, своем любимом городе, писатель вспоминал: «Всё, что сильно в Великороссии умом, характером, все, что сбросило лапти и зипун, всё стремится в Москву... В Москве могучая, но грубая крестьянская сила очеловечивается». Именно в Москве состоялся дебют Островского-драматурга. В бенефис Л. П. Косицкой 14 января 1853 года была поставлена его комедия «Не в свои сани не садись», а в 1854 году на сцене Малого театра в бенефис П. Садовского — «Бедность не порок».

В верхних сенях дома-музея находится макет Малого театра, изготовленный его смотрителем И. Покровским в 1840 году. С ювелирной точностью воспроизведены в разрезе сцена и зрительный зал. «Литературе,— писал в 1882 году И. Гончаров драматургу,— Вы принесли в дар целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы одни достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой русский, национальный театр. Он, по справедливости, должен называться: «Театр Островского».

Жителям Замоскворечья, описанию их нравов и обычаев посвящен один из залов дома-музея. Голики, Монетчики, Житная улица — замоскворецкие адреса писателя. Двадцать лет прожил Островский в этой купеческой стороне Москвы. Переехав в другой ее район, драматург не теряет своих связей с приказчиками из лавок, богатыми купцами, крупными заводчиками, тихими, незаметными мещанами Замоскворечья. Они были для него не только соседями, но и близкими людьми. «Я знаю тебя, Замоскворечье,— вспоминал впоследствии драматург,— я сам провел несколько лет жизни в лоне твоем, имею за Москвой-рекой друзей и приятелей и теперь еще брожу иногда по твоим улицам. Знаю тебя в праздник и в будни, в горе и в радости, знаю, что творится и деется по твоим широким улицам и мелким частым переулочкам». А каких только жанровых картинок не наблюдал Островский с детства: «Вот направо, у широко распахнутого окна, купец с окладистой бородой, в красной рубашке для легкости с невозмутимым хладнокровием уничтожает кипящую влагу, изредка поглаживая свой корпус в разных направлениях: это значит по душе пошло, то есть по всем жилкам. А вот налево чиновник, полузакрытый еранью, в татарском халате, с трубкой Жукова табаку — то хлебнет чаю, то затянется и пустит дым колечками...»

В Замоскворечье поселит Островский Мавру Агуревну Козырную из ранних своих рассказов «Записки замоскворецкого жителя», неподалеку расположатся дом и службы Большова («Свои люди — сочтемся!»), тут же рядом дом Оброшенова («Шутники») и сад Барабошева («Правда — хорошо, а счастье лучше»), поместье купчихи Белотеловой, изнывающей от безделья, и домик Миши Бальзаминова, мечтающего о богатой невесте.

В музее мы попадаем в мир Островского, воспроизводимый со всей любовью и возможной тщательностью. Но, к сожалению, площадь, на которой развернута экспозиция, чрезвычайно мала. А ведь рядом есть дома, которые помнят гениального драматурга. Здесь можно и нужно организовать мемориальный комплекс, посвященный А. Н. Островскому. Зашумели бы сады из яблонь белого налива, зацвели бы ландыши и георгины — любимые цветы А. Н. Островского. Вырос бы забор вокруг подворья, а рядом с воротами — будка с будочником. И навеки этот заповедный уголок Замоскворечья, связанный с великим именем, войдет в историю отечественной культуры.

Л. ПОСТНИКОВА,
заведующая Домом-музеем А. Н. Островского

ЗАКОНЧЕННОСТЬ СОНЕТА

Эта книга не антология, и тем не менее она воспроизводит впечатляющую картину движения сонета в русской поэтической традиции. Здесь и оригинальные произведения русских авторов, и переводные образцы мировой поэзии. И это естественно и глубоко справедливо: русская поэзия не отгораживалась, а активно впитывала достижения разных литератур и оказывалась в авангарде развития мировой художественной культуры.

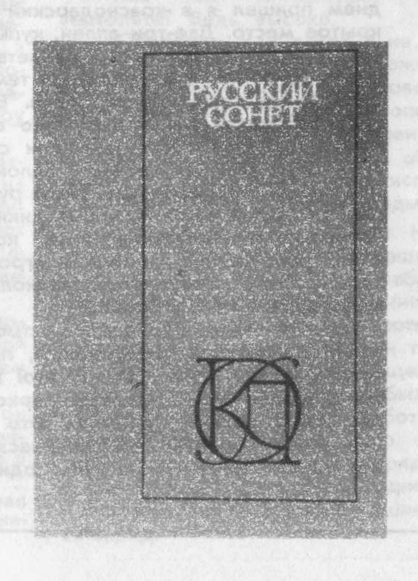
Для русской литературы искони была характерна повышенная чуткость к биению пульса исторического бытия, потребность разгадать тайны человеческого сознания, выявить духовную неповторимость человека. Сборник «Русский сонет» воссоздает картину движения сонета в нашей литературе нового времени, когда она нащупывала и обретала магистральную направленность пути. Уже XVIII век отмечен развитием сонетной формы, которую использовали В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, М. М. Херасков, А. А. Ржевский, М. Н. Муравьев и другие. Они создали оригинальные произведения и превратили сонет в полноправную форму русской поэзии. Переводы Г. Р. Державина из наследия Ф. Петрарки окончательно закрепили в ней место этого жанра.

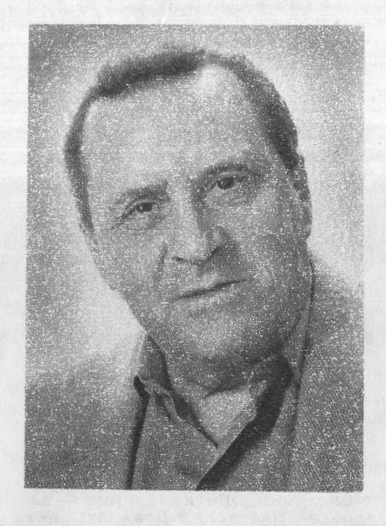
Русские поэты создали много произведений, в которых ощутимы высокая культура, чутье современности. В. А. Жуковский, П. А. Катенин, Н. М. Языков, А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, В. К. Кюхельбекер, М. Ю. Лермонтов, а позднее Н. А. Некрасов, В. С. Курочкин, Л. Н. Трефолев, Н. П. Греков, А. А. Фет, Я. П. Полонский, К. М. Фофанов окончательно стерли с сонета отметину иноязычной формы, включив его в широкий и полноводный поток отечественного художественного развития. XX век в лице К. Д. Бальмонта, В. Я. Брюсова, И. Ф. Анненского, М. А. Волошина, А. А. Блока, а также А. А. Ахматовой, И. А. Бунина, О. Э. Мандельштама и других внутренне переродил сонетную форму, которой стали подвластны самые разные по духу устремления и содержательные начала. Сонет стал формой нашей поэзии, где нашли выражение кипение человеческих страстей и потрясения исторической современности.

К чести составителя, в сборнике представлена без искажения реальная картина проникновения и утверждения сонета в русской литературе и отразились громадные усилия наших поэтов в работе над этой сложнейшей стихотворной формой. Сборник «Русский сонет», безусловно, привлечет всех, кто любит русскую литературу, отечественную поэзию. Хочется верить, что большая и важная работа В. С. Совалина по разысканию, комментированию и изданию будет столь же успешно продолжена и им, и издательством «Московский рабочий», и читатель получит новый сборник сонетов, куда войдут произведения многонациональной советской литературы.

М. РЫБИН,
кандидат филологических наук

Русский сонет. Составление, комментарий и послесловие В. С. Совалина. «Московский рабочий», 1986, 557 стр.

Олег ДОБРОВОЛЬСКИЙ

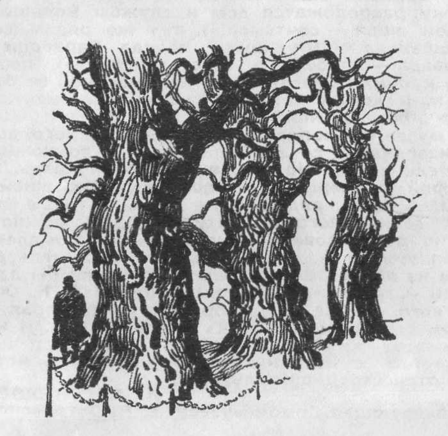
МОЗАИКА ЖИЗНИ

МИНИАТЮРЫ

Рисунки И. ПЧЕЛКО

ГОРСАД В КРАСНОДАРЕ

Он возникает в моем воображении таким, каким был в начале 30-х годов. Тенистые аллеи — Главная, 1 Мая, Акаций, Любви, Малая и Большая горки с клумбами посередине и сплошными скамейками вокруг них, небольшие фонтаны... Здесь, за воротами с двумя деревянными башенками, летний театр, где идут оперы «Риголетто», «Трильби», «Чио-Чио-Сан», «Садко», «Евгений Онегин», о чем возвещают афиши... Открытая площадка кино, театрик эстрады. Здесь клуб совторгслужащих, клуб «Профинтерн», двухэтажная столовая центрального рабочего кооператива... У главного входа в горсад стоит со своей тележкой, вызывая зачастую напрасные надежды у ребятишек, продавец мороженого в кепке и фартуке. По аллеям идут, прогуливаются мужчины в белых брюках, в белых, подпоясанных ремешком рубашках, в белых полотняных фуражках. Молодые женщины и девушки, в белых платьях, с короткой прической, сидят на скамейках у партер-фонтана, показывая загорелые ножки красивых южанок... На окраине сада, где спуск к полотну железной дороги,— деревянная лестница с перилами, там теплицы, плантация хризантем.

И вот полвека спустя мартовским солнечным днем пришел я в краснодарский горсад. Открытое место. Две-три аллеи, купы деревьев... Вот и все, что осталось. На ветвях тополей, возле крупных, растрепанных темных гнезд, сидели блестяще-черные грачи. Весна в том году запоздала после необычно суровой для юга зимы. Еще лежал местами снег. На его хрупкой, зернистой серовато-белой пелене отпечатались тени деревьев. Текли ручьи... Я прошел по аллее высоких голых диких каштанов. Сколько раз проходил здесь когда-то мой отец, работавший в горсаде агрономом! Пустынно было вокруг. Лишь несколько человек встретилось, пока я гулял...

Грустно стало, одиноко, я остро почувствовал невозвратимость прошлого, превратившегося в мираж, дым... Но что это? На краю сада, который теперь называли парком, я увидел несколько могучих деревьев. Это были древние дубы-исполины, находившиеся под охраной закона. Черешчатые дубы: один (подумать только!) XVI, а два других...— XVIII века. Их крепкие темные ветви четко проступали на фоне чистого синего неба. Будто соединялись с ним, с этим весенним небом, в какой-то удивительной, вечной, как жизнь, гармонии...

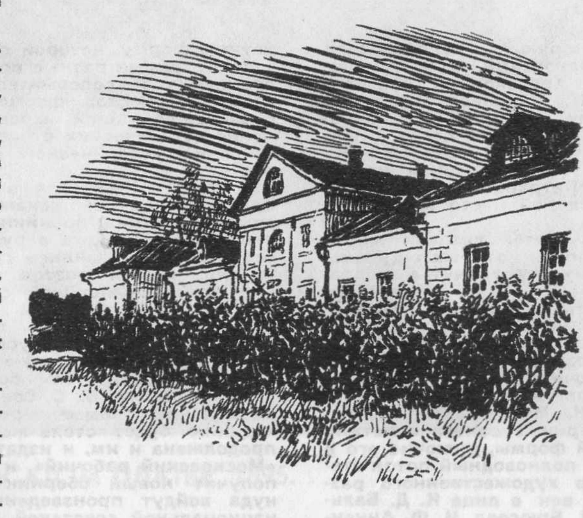
И мелкими, несущественными показались мне в этот момент мои сожаления о происшедших за полвека переменах, об утратившем свой облик горсаде моего детства. «Ведь, наверно, главное,— подумал я,— эта нервущаяся гармония бытия, дух вечности и в живой природе, и в жизни людей сменяющих друг друга поколений».

В ДОМЕ ВОЛКОНСКОГО

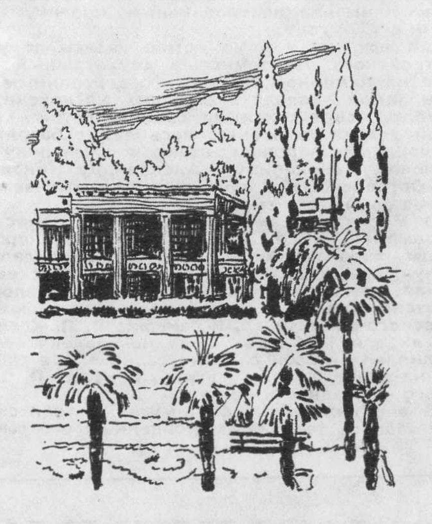
Прекрасным сентябрьским вечером 1959 года шел я в Ясной Поляне по любимым местам Л. Н. Толстого. Тропинка вела через лес Чепыж среди вековых дубов, старых лип, под которыми зеленел густой подлесок, еще не охваченный осенним увяданием. Потом надвинулись на меня высокие, стройные ели; здесь, в этом ельнике, в давние времена меж небольших елочек нравилось гулять Льву Николаевичу. Пройдя через еловый лес, на краю его, у дорожки, протянувшейся вдоль пашни, увидел я скамейку из березовых жердей, на которой он отдыхал и иногда писал. Вскоре вышел я на луг, где течет речка Воронка. Сюда, на Калиновый луг, Толстой нередко приходил купаться, здесь с крестьянами не раз косил траву...

Повеяло сыростью. Облака на западе окрасились в лиловый цвет. Надо было возвращаться назад. Уже стемнело, когда я подошел к главным зданиям усадьбы.

Валентин Федорович Булгаков, доброжелательный и заботливый, с седыми волосами (ему было тогда за семьдесят), подробно запечатлевший в своей известной книге последний, самый драматичный год жизни Толстого, предложил мне переночевать в Ясной Поляне. Меня проводили в «дом Волконского»— длинное белое каменное здание с выступающими крыльями. Я расположился в комнате на втором этаже, где была приготовлена для меня постель. Потушил свет и лег. Глубокая тишина царила вокруг. Лишь доносился порой издалека, наверно, из яснополянской деревни, лай собак...

Я испытывал неизъяснимо странное, волнующее чувство. Мне предстояло провести ночь в старинном доме толстовской усадьбы. Словно я стал ее обитателем. Все, что я знал о жизни писателя в его родовом гнезде, вдруг нахлынуло на меня. Я погрузился в атмосферу того времени. Тени прошлого обступили меня... Представилось, что хозяин Ясной Поляны жив и находится совсем близко; что пройдет ночь, настанет утро, и я увижу его возле старого вяза — «дерева бедных» или встречу на липовой аллее. И я уснул с явственным ощущением присутствия живого Толстого.

МЕТЕЛЬ В ЯЛТЕ

В январе из-за окружающих Ялту с севера гор нахлынули потоки холодного воздуха, приплыли грязновато-серые облака; курортный город сразу остудило, косо полетели на землю белые мухи... Поднялся ветер, тревожно закачались темные верхушки кипарисов, затрепетали, зашуршали пальмы. И уже не снежинки сыпались сверху, а крупные хлопья. Снегопад усилился. Начиналась метель... Скоро трудно было что-то увидеть, разглядеть даже вблизи, все застилала белая завеса густо валившего снега. Казалось, природа дала здесь вьюге очень мало времени, и та спешила, торопилась укутать беспечно-веселую Ялту в белую шубу зимы. Но постепенно ветер стал ослабевать, падавший снег — редеть, вот он и совсем перестал, иссяк...

А Ялта, волшебно преображенная, лежала в снегу. Чистые пушистые комья на темно-зеленых ветвях могучих кедров, запорошены кипарисы на горных склонах, и у моря широкие листья пальм отяжелели, согнулись под бре-

менем снежных шапок... Море — странно-спокойное, тихое, тускло-сизое...

Зима пришла в Ялту, где она редкая гостья. И больше всех обрадовалась ей детвора. Ребятишки высыпали на улицы. Снег для них праздник! Съезжают на санках с горок или, разбегаясь, скользят ногами по раскатанным ледяным дорожкам. Кидаются снежками. Шум, крик, веселый смех. Раскрасневшиеся от легкого морозца лица...

Но на следующий день резко потеплело, снег сразу растаял, и зимняя сказка кончилась так же внезапно, как и началась. И даже трудно поверить, что вчера здесь, в Ялте, бушевала метель и все было белым-бело...

ЗОВ ДЕТСТВА

Было серое мартовское утро, и, выехав из Краснодара по шоссе, ведущему в Адыгею, мы оказались в густом, белом, как молоко, тумане. Машины шли с зажженными фарами. Мы будто плыли в клубившихся облаках... Но через некоторое время стало развидняться, в летучей, полупрозрачной пелене проступили поля, деревья, и вскоре туман и вовсе пропал, растаял. А я, промчавшись сквозь белые облака, словно являвшие собой наслоения минувших лет прожитой жизни, вернулся в детство...

Перед нами расстилалась земля Адыгеи. В дымящемся жемчужном небе появился большой чистый лазоревый развод. Проглянуло солнце. Темнели пробуждавшиеся от зимнего оцепенения влажные поля с остатками лежавшего кое-где снега. Над жирным, похожим на деготь черноземом вился легкий пар. Земля дышала... Как одинокие воины-исполины в открытом поле стояли голые степные тополя... Позади остались речки Апчас, Камла, Пшиш — полноводные, желтовато-мутные, быстрые в весеннюю пору. У горизонта поднимались невысокие холмы.

Мы приближались к Майкопу, и мне вспомнился расположенный в нескольких десятках километров за ним аул, где я прожил полгода в раннем детстве. Далекое незабываемое время вставало передо мной. Бедное адыгейское селение, низенькие домишки, крытые черепицей и соломой. Простая крестьянская утварь. Самодельные стол, скамейки. Деревянная люлька с дыркой посередине... Вспомнил я речку Фарс, бежавшую, перекатываясь по гальке, равномерный шум мельницы, возле которой пахло мукой... И вспомнил большой аульский сад, крупные яблоки, шершавый на ощупь, бронзовато-красный шафран. Голоса петухов, лай собак. И звуки адыгейской гармони — незатейливые, то беспечно веселые, то грустные народные мотивы. И явились взору моему фигуры старых адыгеек в темных платках...

Детство всегда остается с нами. На склоне лет его зов становится все более настойчивым и ощутимым. И счастлив тот, кто посетит места, ставшие родными и близкими, перенесется в начало своей жизни, постоит в раздумье у истоков собственной судьбы.

встречи с интересными людьми

лозоходец

Станислав КАЛИНИЧЕВ

Многие, должно быть, слышали о лозоходцах, которые с незапамятных времен умели находить под землей водоносные слои для закладки колодцев. Вспоминаются кадры из фильма, где идет по полю человек, неся в вытянутых руках лозовую рогульку; она медленно вращается и вдруг — стоп! Вроде бы заглянул человек под землю: тут есть вода!

Часто принимая на веру лишь то, что можно пощупать, многие называли это шарлатанством. Однако сама действительность уже не раз доказывала, что если какое-то явление люди пока что не могут объяснить, это еще не значит, что его не существует. Ученых заинтересовало удивительное свойство рогульки, которая в руках некоторых людей может вращаться, останавливаться или менять направление вращения, когда ее проносят над водоносными, рудными или вообще аномальными участками. За последние полтора десятка лет в нашей стране проведено несколько семинаров на эту тему, ей посвящены сотни книг.

В нашей стране уже есть (правда, единственное) производственное подразделение, где используют биолокационный эффект на практике. Согласитесь: «лозоходство» не совсем подходящий термин для науки, «биолокация» звучит солиднее и в общем-то полнее отражает суть явления. Специальная группа организована при комплексной геофизической экспедиции производственного объединения «Севукргеология».

Генеральный директор этого объединения С. В. Металиди об опытных работах этой группы высказался довольно осторожно:

— О каких-то успехах писать пока рановато... Читателям вашего журнала будет интереснее познакомиться с конкретным человеком, который, образно говоря, видит сквозь землю. Есть у нас такой лозоходец — образованный человек, геофизик. Польза, которую он приносит народному хозяйству, вполне ощутима. Так что есть о чем рассказать.

Договорились.

Но тут началось нечто непонятное. Этот человек оказался неуловим: то он в командировке в Запорожской области, то в Заполярье, то в Закарпатье... Довелось снова звонить директору объединения.

— Увы,— сказал Станислав Васильевич.— Его и сейчас нет на месте. Меня попросили откомандировать его в Севастополь. Вот приедет... Гм... и снова уедет... Давайте так: я вызову его по делам в Киев, и тут встретитесь.

...Так я познакомился со старшим геофизиком Правобережной экспедиции Олегом Тихоновичем Ивановским.

Разбирало любопытство: чем он занимается в столь частых командировках? К примеру, что делал в последней?

— В Севастополе? Так... обычная работа. Стройка остановилась, надо было срочно разобраться.

А там на строительстве новых цехов молокозавода в одном из котлованов провалился под землю бульдозер. Люди спустились за ним, а там пещера. Нашли в ней каску времен последней войны и пивную бутылку с клеймом Одесского акционерного общества, выпущенную в прошлом веке. Одна из стенок пещеры сужалась сводом, виднелись ноздреватые породы. Можно было предположить, что подземная полость на этом не кончается.

Между тем все данные о грунтах под стройплощадкой говорили, что никаких пустот тут нет. Что делать? Проводить новые исследования, бурить десятки скважин в условиях развернувшейся стройки, замораживать работы на долгое время... А план?

Кто-то слыхал ранее, что есть такой Ивановский.

Он приехал, спустился в котлован, вытащил из кармана проволочную полупетлю и, держа ее двумя руками перед собой, пошел. Петелька вращается то быстрее, то медленнее. Подошел к самой стенке котлована. «Вот здесь,— сказал,— еще одна пустота, совсем близко». Не поверили. Здесь же, говорят, бульдозер ходил. А Ивановский давай очерчивать сапогом по глине, где эта пустота начинается. И тут, как говорят, «на глазах изумленной публики» что-то ухнуло, и у края котлована образовалась зияющая дыра.

Зауважали. На рогульку смотрели, как на волшебную палочку. Походил он по территории пару дней и выявил на глубине шести — восьми метров точные контуры двух пещер: одна шестьдесят метров длиною, причудливой конфигурации, другая того побольше...

— Вот в Запорожской области,— рассказывает он,— пришлось посложнее. Там потерялось рудное тело.

...Шахтеры и рудокопы хорошо знают такое явление. Был пласт, который выбирали из недр, и вдруг он резко оборвался. Не выработался, сошел на нет, а резко оборвался. Это в какие-то далекие геологические эпохи в земной коре произошел разлом или сдвиг, и часть месторождения сместилась в неизвестном направлении. Конечно, тут можно задействовать соответствующую организацию, провести дополнительно сейсморазведку, электроразведку, забуриться скважинами, из которых одна или десять дадут отрицательный результат. Нужны люди, техника, время.

А Олега Тихоновича посадили в вертолет, и он полетел над степью, держа в руках свою рамку. Вертолет делал все новые заходы в разных направлениях, а он что-то отмечал на карте. На следующий день его вывезли на машине в те места, которые он отметил на карте. И пошел лозоходец наших дней по балкам и оврагам, через поля и посадки. Походил несколько дней и нарисовал контур отторгнутой части рудного тела. Первая же скважина удостоверила точность его данных.

— Как же,— спрашиваю,— на вертолете? Ведь высоко.

— Объяснить вам такое я не в состоянии. А вообще,— он пожимает плечами,— может, это вовсе не то, что иные называют биополем, а какая-то другая, неизвестная нам энергия, которой обладает все в природе. В том числе и человек как творение природы.

И рассказал такой случай. На участке газопровода произошла авария. Взрыв. Неподалеку работали геологи-сейсморазведчики. Они забурили больше полусотни неглубоких скважин, заложили туда тротиловые шашки... В общем, шуму наделали много. Надо было срочно вести аварийные работы, спасать газопровод, но никто не мог сказать точно, все ли заряды сдетонировали. А вдруг в одной из скважин остался невзорвавшийся заряд?

О. Т. Ивановский.
Фото Н. Козловского

Всякие придумывали способы обнаружения, а кто-то посоветовал пригласить Ивановского. Он и сам не был уверен, сможет ли чем помочь. Для начала решили задать ему тест. Проверить. Дали в руки тротиловую шашку. Без детонатора, конечно. Чтобы ощутил... привык, что ли? Потом вывели на участок поля, где заранее закопали несколько таких шашек. Долго он ходил: то ли присматривался к поведению рогульки, то ли прислушивался к собственным ощущениям. Наконец, остановился и сказал: «Здесь». Товарищ, который накануне прятал шашки, чуть в обморок не упал. Ну, а остальные отыскивать ему было уже легче.

Только после такого теста вывезли его на место аварии. Тут он точно определил четыре скважины, где на шестиметровой глубине оставались невзорвавшиеся заряды. Их обезвредили саперы.

Я попросил Олега Тихоновича рассказать о себе. Ничего особенного. Отец военный, детство на колесах: то на Крайнем Севере, то на Востоке. В трудовой книжке всего две записи: работал сначала в Перми, потом перебрался с семьей на Украину.

— А когда вы впервые обнаружили в себе такую особенность —«видения» того, что под землей?

— Представьте, не так давно — летом восемьдесят первого года. Мне было уже тридцать пять.

...Целый день он пробыл в поле. Выполнял обычную магнитную съемку. А когда вечером вернулся, товарищи по работе рассказали, что приехал из Киева человек, читал лекцию про лозоходство. В объединении, мол, образуется специальная группа биолокации.

— Чепуха!— сказал Олег.— Делать им больше нечего.

Однако приехавший специально искал среди геологов тех, кто обостренно чувствует биополе. На следующий день группу геологов, в том числе и Олега Тихоновича, вывезли на незнакомый им участок местности. Детальную карту геологической структуры этого участка испытуемым не показывали, хотя она была приготовлена заранее. Поочередно каждый брал в руки металлическую рогульку и шел от колышка к колышку по размеченной территории. Увы! Чуда не происходило.

Дошла очередь и до Ивановского. Он лекции не слышал и потому меньше других верил в эту затею. Но как человек обстоятельный выслушал все советы, взял легонько в руки конец полупетли и пошел. К своему изумлению, почувствовал, что проволочка ожила и пошла отсчитывать обороты. В каком-то месте она замерла... Вернулся. Но в том же месте снова остановка. Отметил его на плане участка. Пошел чуть в сторону — и опять на каком-то рубеже проволочная полупетля в его руках резко изменила свое поведение. Потом заметил, что его знаки на плане вытянулись цепочкой. Пошел вдоль нее. От колышка до колышка — двадцать оборотов рамки. Двинулся в обратном направлении — пятнадцать оборотов! Проверил еще раз — все точно. Откуда же разница в скорости вращения? Ба! Подземный поток. Если идти навстречу течению, то в единицу времени бо́льшая масса воды проходит под тобой, живее реагирует рамка.

Это его так увлекло, что часа два не мог расстаться с металлической рамкой. Геологическое строение участка, как он его нарисовал, точь-в-точь совпало с данными, которые были заранее заготовлены.

— Я чувствовал себя в тот день как грузчик после двух смен работы. В восемь вечера лег в постель и до утра спал как убитый.

— Олег Тихонович,— спросил я,— а специально искать воду вам приходилось?

— Ну... это самое несложное дело.

— А конкретно?

— В Белой Церкви строили пионерлагерь на четыреста детишек. Место живописное, все хорошо, а воды... нет. По данным геосъемки, вроде должна быть. Пробурили скважину, а оттуда еле каплет. Пробурили вторую — тоже мизер. Из двух скважин — три кубометра в час. Это совсем мало. А сезон вот-вот... Пригласили меня. Два часа ходил по участку, он ведь небольшой. Определился и забил колышек, где надо бурить. Эта скважина и ныне дает двадцать кубометров воды в час.

— Знания по геологии помогают вам по биолокации?

— Что за вопрос! Я ведь прежде всего геолог. В каждом случае стараюсь получить все имеющиеся сведения о данной местности. И когда работаю, то не просто знаю, а стараюсь активно представить себе структуру осадочного чехла, толщины почвы, слоя песка или глины, характер коренных пород, все выявленные до меня нарушения однородности... Ну как, скажите, можно поставить диагноз, если вы не знаете анатомию человека!

— А вам приходилось ставить диагноз?

— Я не врач,— уклончиво ответил он.— Но бывают случаи...

Заметив, должно быть, какую-то неопределенность в моих глазах, он предложил показать, как это делается. Достал из кармана проволочную полупетлю, взял ее двумя руками и, попросив сидеть, как я и сидел, повел петелькой. Она вращалась, едва не касаясь моей вязаной кофты. Поработав так минуту-другую, дотронулся пальцем на уровне кармана:

— Вот тут у вас или спайки, или...

— Спайки,— успокоил я его.

Затем зашел со спины, отметил трещинку в районе пятого позвонка (травматический радикулит еще с университетских времен), несколько раз очертил рогулькой мою голову.

— Вот этот зуб,— дотронулся пальцем до щеки,— надо лечить.

Увы, я это знал и без него. Спросил:

— Почему вы не занимаетесь врачеванием?

— Потому что я не медик, а геолог. Да и зачем это нужно? Давайте порассуждаем: у меня хорошая семья, жена работает в той же экспедиции, двое сыновей. Жизнь уже сложилась, есть друзья, увлечение — занимаюсь радиотехникой, сам конструирую. А ударься я в это дело — все изменится. Перестанешь принадлежать себе и своей семье. Нездоровый ажиотаж вокруг всего необычного, особенно в медицине, вреден. Я за профессионализм в любом деле.

Когда мы беседовали, наш домашний попугайчик Тишка спокойно уселся на плечо гостя, а потом послушно перебрался на подставленный палец. Я в шутку спросил, не чувствуют ли животные биополе.

— Они чувствуют спокойных, уравновешенных людей. Не люблю суеты. Когда встречаю человека дерганого, легко возбуждающегося — стараюсь уйти. Мне тяжело с такими людьми.

— Ваши сыновья унаследовали качества лозоходцев?

— Старший — нет, а вот младшему, ему двенадцать лет, кое-что удается. Только утомляется при этом, организм еще не сформировался... А вообще то, что называют биополем, думаю, присуще каждому человеку. Разница в том, я так считаю, что чувствительность, не интенсивность, а именно чувствительность, избирательность, если сравнивать с радиоприемником, у одного выше, у другого ниже. Но ее можно развивать. Спросите у любого взрослого человека: неужели ни разу в жизни он не чувствовал, что кто-то смотрит ему в затылок?

— Сколько вы зарабатываете?— поинтересовался я.

— Оклад у меня — сто семьдесят пять рублей. Кроме того, генеральный директор персональную надбавку дал — двадцать процентов оклада. Вот и считайте...

— А в тех случаях, когда вы выезжаете, выполняете работу целой разведочной партии, да еще в короткий срок?

— Но... я же это делаю в рабочее время! Платят мне командировочные, как и вам, как и каждому. Поездки бывают интересные. А в остальном работа как работа...

Редакция попросила начальника главка «Геологоразведка» Министерства геологии УССР тов. М. К. ХАРАГЕЗОВА прокомментировать статью нашего собкора. Вот что он сказал:

— Статья об Ивановском, в общем, верно отражает суть явления, называемого биолокацией. Правда, в каких-то частностях и акцентах с автором можно бы и поспорить. Но главное — явление само по себе есть, оно существует, хотя и не имеет пока убедительного научного объяснения. Тут вредны как чрезмерное увлечение, так и безапелляционное отрицание.

Опыт, практика доказывают, что люди типа Ивановского довольно уверенно обнаруживают водоносные слои под землей, всякие пустоты в недрах, границы резких нарушений геологических структур. Что же касается поисков месторождений, определения качества скрытых пород и т. п., тут мы пока не располагаем сколько-нибудь убедительными фактами. Бесспорно одно: явление биолокации заслуживает глубокого и спокойного изучения, и мы должны быть готовы к тому, что какие-то окончательные выводы станут возможны нескоро.

песни на морском берегу

См. 2-ю обложку

Какие новые голоса мы услышим в музыкальных передачах Центрального телевидения?

На этот вопрос ответил первый Всесоюзный телевизионный конкурс молодых исполнителей советской эстрадной песни «ЮРМАЛА-86».

Поймав мой вопросительный взгляд, Раймонд Паулс сокрушенно разводит руками: у председателя жюри Всесоюзного телевизионного конкурса молодых исполнителей советской эстрадной песни снова нет ни минуты времени. Через три часа начнется заключительный концерт, вручение призов победителям, а Паулс в суматохе забыл дома концертный костюм — придется возвращаться... С вежливой улыбкой, но решительно отказав двум поклонницам в очередном автографе, Паулс захлопывает дверь машины, а у меня в конкурсной круговерти появляется незапланированная пауза. Конечно, я пойду к морю: оно плещет совсем рядом с концертным залом «Дзинтари», где проходили прослушивания, и прямо в воде установлены огромные буквы «ЮРМАЛА-86».

Я пойду к морю, там хорошо думать, и я постараюсь разобраться, чем же стал этот конкурс для его участников, для зрителей и для нашей эстрадной песни в целом?

Для двадцати пяти участников это было настоящее соревнование, к которому, к слову сказать, не все были одинаково готовы. Мы уж как-то привыкли к восторженно-праздничному настроению песенных фестивалей, где все так хорошо отрепетировано, выверено, где нас не подстерегают неожиданности и даже конкурсанты выступают по нарастающей, словно в соответствии с будущим распределением мест... В Юрмале же участники оказались в непривычной ситуации, да и не в равных условиях. Формула конкурса еще не установилась и даже в самом его названии было два варианта: официально он именовался конкурсом «современной советской песни», а на эмблеме значилось «советской эстрадной песни». Небольшой нюанс — а за ним целая цепь недоразумений, вопросов, даже обид. Понятие современной советской песни необъятно, и уточнение «эстрадная» просто необходимо. Ведь именно эстрадных конкурсов у нас не проводилось никогда, и именно в эстрадном, самом массовом жанре ощутим заметный кризис. Эстрадность же определяет и репертуар и манеру исполнения. С этих позиций жюри и оценивало солистов.

Но название-то было принято официальное! И вот на сцену выходили профессиональные певцы, с хорошими вокальными данными, но чувствовавшие себя неуютно в обстановке яркой зрелищно-

сти, которую определяет специфика телевизионного эстрадного представления.

В состязании не обязательно удача сопутствует сильнейшему. Жюри не могло учитывать все потенциальные возможности певцов, скрытые рамками конкурса, где каждый исполнял только две песни. В лучшем, более выгодном, свете предстали те, кто не ошибся в составлении программы.

Надо заметить, что телевидение рекомендовало участникам некий список песен, который остался, впрочем, для непосвященных тайной. Но факт остается фактом. Те, кто не уступил в «сражении с редактором», лучше показали свои возможности. Каким бы спорным ни был выбор конкурсанта, «свою» песню он всегда пел интереснее, чем «рекомендованную». Это было настолько очевидно, что один из членов жюри, композитор Александр Басилая после объявления итогов позволил себе высказать пожелание, чтобы телевидение впредь не ограничивало певцов обязательным репертуаром — тогда у каждого больше шансов проявить себя, и посоветовал участникам следующего конкурса быть настойчивее в своем праве на выбор...

И действительно, если цель конкурса — дать толчок развитию нашей эстрадной песни, зачем рекомендовать (а к рекомендациям ЦТ молодые певцы без имени, без авторитета, но с надеждой попасть на всесоюзный экран поневоле прислушиваются) уже обкатанный репертуар? Разве не логичнее было бы предложить (если уж предлагать!) песни молодых же композиторов, которые сейчас набирают силу и популярность, а через несколько лет будут определять уровень эстрадной музыки? Тогда бы и члены жюри не оказались в неловком положении, вынужденные выносить оценки за исполнение собственных сочинений!

Впрочем, опыт прямой трансляции (это первой за сколько же лет?) заключительного тура «Юрмалы-86» показал, что и у нашей эстрады, и у телевидения есть «резервы роста». Для тех, кто заполнял зал «Дзинтари», и для телезрителей — а жители Латвии видели и весь первый тур — конкурс стал неожиданным открытием новых имен, новых песен.

Кто же они, герои дня?

Родриго Фомин. Фаворит. Его лидерство было, пожалуй, очевидно. И лишь привычка к перестраховке заставляла в кулуарах обсуждать, решится ли жюри признать очевидное. Ведь Фомин отличался от прочих прежде всего тем, что представлял самую современную, острую форму. Напряжение жесткого рока, безоглядная самоотдача, резкая пластика, великолепное владение звуком — вот что показал Фомин. Несмотря на молодость —24 года ему исполнилось в дни конкурса,— Родриго хорошо знают в Латвии. С недавнего времени он солист республиканского радио. Фомин абсолютно органичен на эстраде, и его сценический облик вполне сложился. Конечно, дома стены помогают, и о внимании к молодому певцу со стороны Раймонда Паулса всем было известно, но присуждение Родриго Фомину главного приза совершенно закономерно. И все же... Круг приверженцев хард-рока обширен, но ограничен, а сможет ли Фомин расширить репертуар?

Анализ откликов, поступивших на ЦТ, говорит о том, что симпатии большой части зрителей были отданы киевлянину Игорю Демарину. Его выступление подтверждало истину: для массового признания нужно на шаг отставать от авангарда. Демарина безоговорочно приняла публика в зале, телеэкран тоже не подвел его, исполнившего, к тому же, собственные песни — одну из них, «Иванну» ждет, думаю, судьба шлягера. Не надо искать в этих словах какой-то снисходительности. Игорь Демарин привлекает и хорошим вокалом, и сдержанным, но выразительным сценическим поведением. Самые трудные, на мой взгляд, моменты для эстрадного певца — инструментальные переходы между куплетами. Как избежать статичности, как сделать эти паузы осмысленными? Пожалуй, у Игоря Демарина молчание столь же выразительно, как голос. Он «проживает» песню без перерывов. А вот не стал Игорь лауреатом... Почему?

Зрителям нравится!

Конечно, оценка зрителей, одним из которых был и я, всегда субъективна и не во всем совпадает с мнением специалистов. Однако странно, если наши оценки расходятся диаметрально. Если речь идет о серьезной музыке, о профессиональной подготовленности классического исполнителя, могут быть тонкости, непонятные дилетанту. И на чемпионате фигуристов чистота исполнения технических элементов важнее эмоционального восприятия — спорт требует точных критериев. Но если речь идет о массовом, эстрадном искусстве, то холодный прием у публики должен хотя бы насторожить просвещенное жюри: ведь лауреатам предстоит, как мы надеемся, долгая телеэкранная и концертная жизнь. Как же убедить зрителей принять и полюбить того, кто им не приглянулся?

Эгидиюс Сипавичюс.

Зал, например, весьма сдержанно встретил выступление лауреата второй премии москвички Валентины Легкоступовой, просто недоумение вызвало присуждение третьего места певице из Ленинграда Светлане Медяник, а вот наш общий любимец Эгидиюс Сипавичюс из Каунаса, удивительно обаятельный, живой, пластичный, словом, прирожденный эстрадный артист — остался без награды, как и выразительная, острая певица из Баку Ферангиз Рагимбекова, голосу которой доступен интереснейший репертуар...

Они всюду ходили вместе: певица и ее подруга, молодой композитор Наргиз Керими, доверившая Ферангиз свою первую песню. Трудно было сказать, кто больше волновался, кто кого успокаивал в день премьеры. Песня понравилась, зал насторожился, предчувствуя успех, но... Ферангиз пришлось исполнять очень традиционную песню Полада Бюль-Бюль оглы, и открытия не произошло. А жаль!

Присуждение первой премии не вызвало вопросов и сомнений. Нарине Арутюнян подтвердила класс армянской джазовой школы, достойно продолжая искусство Эльвиры Макарян, Эрны Юзбашян, Татевик Оганесян... Уровень есть уровень. Но молодой исполнительнице нужно прежде всего найти свою манеру, свой образ. Стать еще одной в прославленном ряду — не такая уж завидная участь...

Трудно было жюри. Обсуждение результатов второго тура завершилось в четыре утра. Все единодушно и даже, кажется, с некоторым удивлением отмечали высокий уровень исполнителей, хорошую музыкальную подготовку, сильные голоса. И все же конкурс показал не только сильные, но и слабые стороны нашей эстрады. Наиболее остро стоял вопрос о репертуаре. Мало прозвучало интересных песен, однообразна была их тематика, настроение. Однако самое обидное, что молодые исполнители как-то и не стремились найти новое, свое. Некоторые предпочли проторенный путь, строя свои выступления на «верняках», на дежурном оптимизме, показном энтузиазме. Но зритель-то ценит искренность чувства, он хорошо видит фальшь, и даже если великодушно аплодирует патетической ноте, симпатии свои отдаст тем, кто протянет со сцены дружескую руку, откроет сердце, полное любви.

...На город опускается вечер. Звучат позывные конкурса — сейчас начнется заключительный концерт. Победителям вручат их награды. «Большой приз» Родриго Фомина и в самом деле придется уносить со сцены втроем: цветной телевизор «Шилялис» был сделан по спецзаказу. Вспыхнут над морем огни фейерверка. А завтра город, целую неделю живший в праздничном напряжении, словно опустеет, возвращаясь к размеренности курортного сезона. Спасибо, Юрмала! На будущий год сюда должны приехать участники второго, уже традиционного конкурса. Среди них, наверное, мы встретим и самую юную участницу нынешнего состязания Наргизу Закирову — у нее все еще будет, призы и признание... А лауреатов «Юрмалы-86» ждут зрители. Ждут требовательно, ждут с надеждой.

КАЛЕЙДОСКОП

А. РЫЛОВ, А. ХВЕСИН

ПТЕРОДАКТИЛЬ

МИНИ-ПЬЕСА

Действующие лица:

Владимир Васильевич Иванов-Нарофоминский — заведующий лабораторией имитационного моделирования летающих палеобъектов.

Матвей Данилович Гаврилов и Лев Сергеевич Зубилов — старшие научные сотрудники.

Младшие научные сотрудники.

Аспиранты.

Кузьма Егорович Петров — механизатор.

Птеродактиль — живой ископаемый ящер.

Действие происходит в конференц-зале Института новых проблем вымерших животных на заседании лаборатории Иванова-Нарофоминского.

Иванов-Нарофоминский (выступает с трибуны). Товарищи! К нам из подшефного откормочного комплекса «Исполинский» от гражданки Булкиной В. П. поступило письмо, касающееся поимки тамошним механизатором Петровым птеродактиля. Письмо адресовано в Академию наук, откуда его переслали нам, предлагая дать соответствующее заключение. В нем утверждается, что 10 мая сего года на воротах «Исполинского» было обнаружено крупное лиловое существо с головой, цитирую, «как у крокодила, перепончатыми крыльями и туловищем точно у птицы, но без перьев». Учительница близлежащего села Котово Булкина приняла его за птеродактиля. Не имея возможности самой прибыть сюда, она прислала его с механизатором Петровым, который приехал в наш город в командировку. Пригласите его.

(В зал входит Кузьма Егорович, ведущий на веревке птеродактиля. Аспиранты вскакивают, окружают птеродактиля, кричат «Браво!», хлопают в ладоши.)

Иванов-Нарофоминский (придя в себя). Товарищи! Все по местам! Продолжаем заседание. Прежде всего разрешите от имени собравшихся поблагодарить наших подшефных за проявленный интерес к науке.

(Жмет руку Кузьме Егоровичу и усаживает его за стол президиума.)

Гаврилов (выходит на трибуну). В нашей группе палеобионики уже долгие годы воссоздается облик летающего птеродактиля. Нашим большим достижением является создание на основе окаменелых скелетов и теории доисторического воздухоплавания Владимира Васильевича Иванова-Нарофоминского первой в мире модели летающего птеродактиля на бензиновом двигателе. Достаньте модель!

(Аспиранты уходят за сцену, откуда доносится громкий гул. Слышатся крики: «Тяни! Тащи! Хвост не оторви!»)

Сравните модель и эту... птицу. На мой взгляд, аэродинамические качества модели намного превосходят таковые у неизвестного существа. Вряд ли оно способно летать, ведь нормального хвоста у птицы нет и крылья неправильной формы. Это ставит под сомнение ее принадлежность к потомкам птеродактилей.

Кузьма Егорович. Как же он не летает? А на насест с курями его старуха моя, что ли, сажает?

Младший научный сотрудник. Как с курями?

Кузьма Егорович. Живет-то он у меня в курятнике и какие яйца несет! С трех штук вся семья наедается.

Иванов-Нарофоминский. Все это частности, от которых следует абстрагироваться.

Зубилов. Мы давно моделируем на ЭВМ поведение этих ископаемых. Без этого основная задача нашей лаборатории по созданию экономичного летающего ящера была бы невыполнима. Вот модель птеродактиля в брачном танце. Вон тот в наморднике представляет агрессивного ящера. Этот с рыбкой, что мурлыкает,— птеродактиль удовлетворенный, бредущий с охоты. Тот, что трясет хвостом и поквакивает,— ящер угрожающий. Мы намерены установить эту модель у виноградников для отпугивания воробьев и ворон.

(Пока он говорит, вся сцена заполняется летающими, расхаживающими, приплясывающими и кричащими на разные лады моделями птеродактилей. Кузьма Егорович испуганно пятится к двери.)

Иванов-Нарофоминский (останавливая его). Внимание, товарищи! Кузьма Егорович, теперь вы видите, что ваш гибрид ни чуточки не похож на настоящего птеродактиля, чей облик и повадки так точно имитируют наши модели. Думаю, у вас больше нет сомнений насчет происхождения птицы. Она просто эдакий генный мутант, игра, так сказать, природы. А чтобы вы имели истинное представление о громадной работе нашей лаборатории, разрешите подарить вам экземпляр моей монографии, только что вышедшей в издательстве «Каменный век».

(Надписывает и дает Кузьме Егоровичу толстую книгу под названием «Основы механики и моделирования летающих ящеров».)

Обязательно покажите книгу товарищу Булкиной. Я надеюсь, теперь она поймет, что такое настоящий птеродактиль! Кстати, почему она решила, что данная птица — именно он?

Кузьма Егорович (недоуменно). Может, из книг вычитала... У нее их вагон.

Иванов-Нарофоминский. Ясно. Ведь действительно, пока не появилась моя книга, внешность птеродактиля представляли весьма волюнтаристично. Но наука не стоит на месте. Возьмите к тому же время их вымирания. Еще в 1932 году директор нашего института профессор Бамбуков открыл, что они все погибли в меловом периоде. А совсем недавно группой вымирания нашей лаборатории время их исчезновения уточнено периодом 123—130 миллионов лет тому назад. Этому посвящена моя докторская диссертация, которую я защищаю через месяц.

Кузьма Егорович. Как же они вымерли, если вот он живой?

Зубилов. Да очень просто. По дегенеративно-сосульковой теории Владимира Васильевича однажды на Земле по неизвестной причине наступило похолодание. Все стало обледеневать. В том числе и птеродактили. А так как, приспосабливаясь к холоду, они начали обрастать шерстью, то она-то и обледеневала в первую очередь, то есть покрывалась сосульками. Из-за них катастрофически ухудшились аэродинамические свойства ящеров, потерявших былую обтекаемость, и они полностью дегенерировали как летающие объекты.

Кузьма Егорович. У нас зимой котельная три раза обледеневала, а цыплятам хоть бы что! Сами все синие, а такие задиристые — не подойди, так клюнут!

Гаврилов. Не путайте котельную с меловым периодом. Вы бы сами тогда пожили. Сразу бы почувствовали конец!

Иванов-Нарофоминский. Верно-верно! В доказательство покажем вам модель птеродактиля патологического шерстистого на пороге обледенелой смерти. Модель была удостоена премии на Конкурсе чучел и мумий в Монте-Карло. (Обернувшись к аспирантам.) Впустите его.

(Слышны медленные приближающиеся шаги. От них дребезжат стекла и трясется трибуна с графином. Все замирают. Кузьма Егорович вскакивает и отступает к двери. Птеродактиль рвется с привязи. На груди у него медаль: «Монте-Карло-82»).

Вот оно, наше детище!

(Кузьма Егорович замирает у двери. Птеродактиль взлетает и мигом исчезает в открытом окне. Внезапно за ним устремляются все модели. Видно, как в небе они выстраиваются клином, который уводит живой птеродактиль.

В зале паника. Слышны крики: «Лови модель! Диссертация улетела! Звоните в милицию! Эх, все пропало!!!»)

Кузьма Егорович. Граждане милые, успокойтесь! Если вы насчет зверюги, так я вам еще наловлю. У нас на болоте их прорва! (В общей суматохе его голос не слышат.)

Рис. В. Воеводина

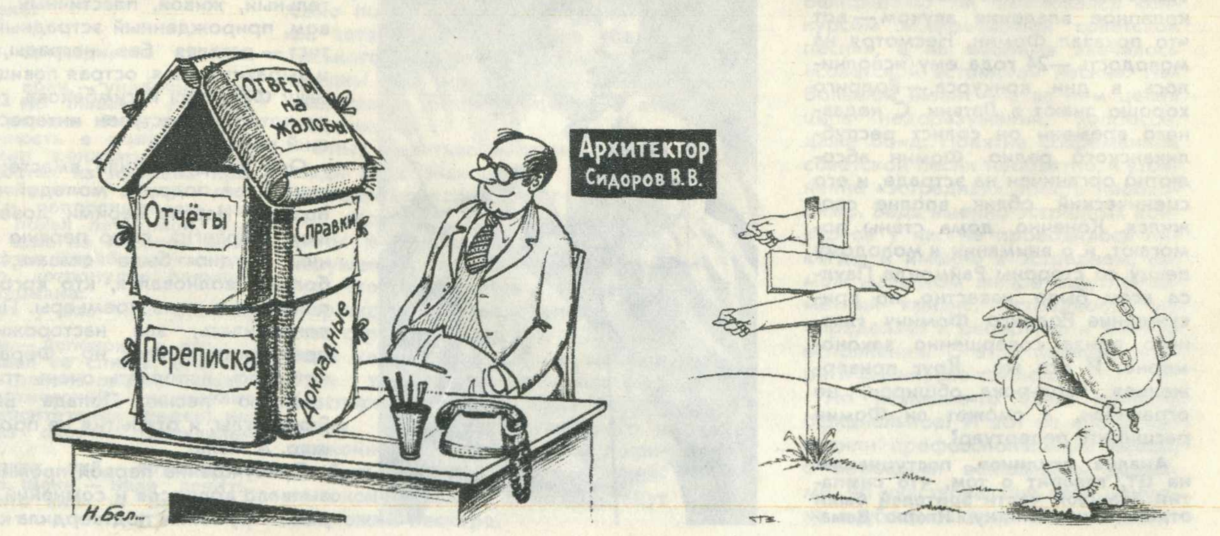
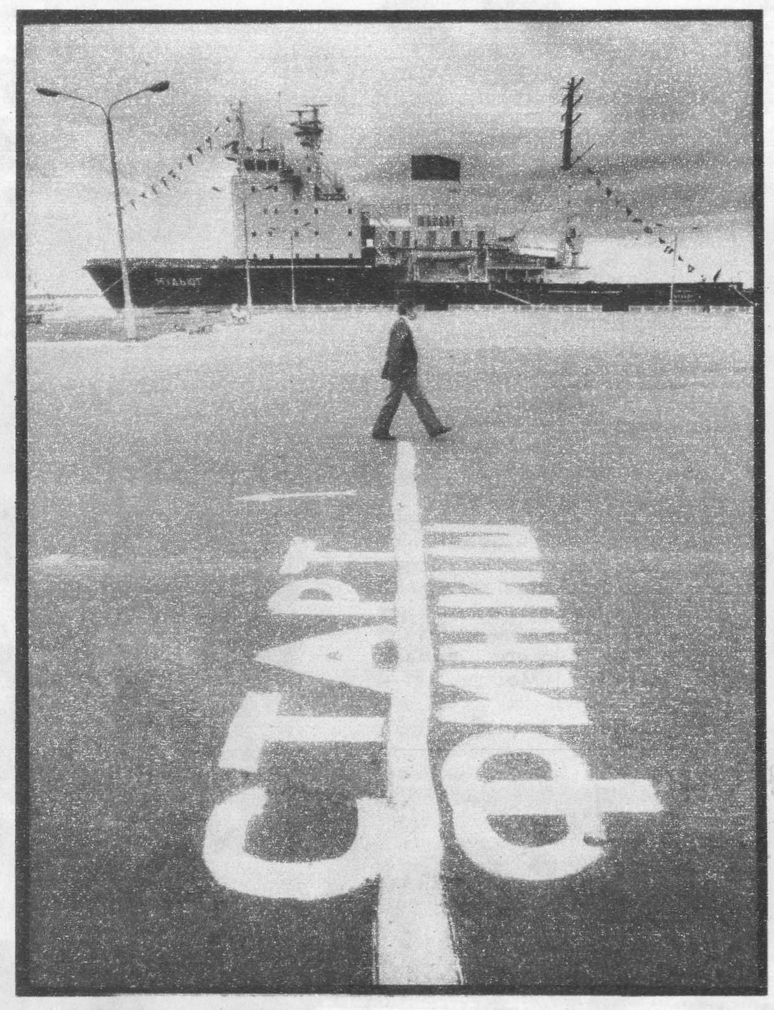

Рис. Н. Белевцева

Рис. В. Степанова

Скороход — Фото И. Яковлева, г. Москва

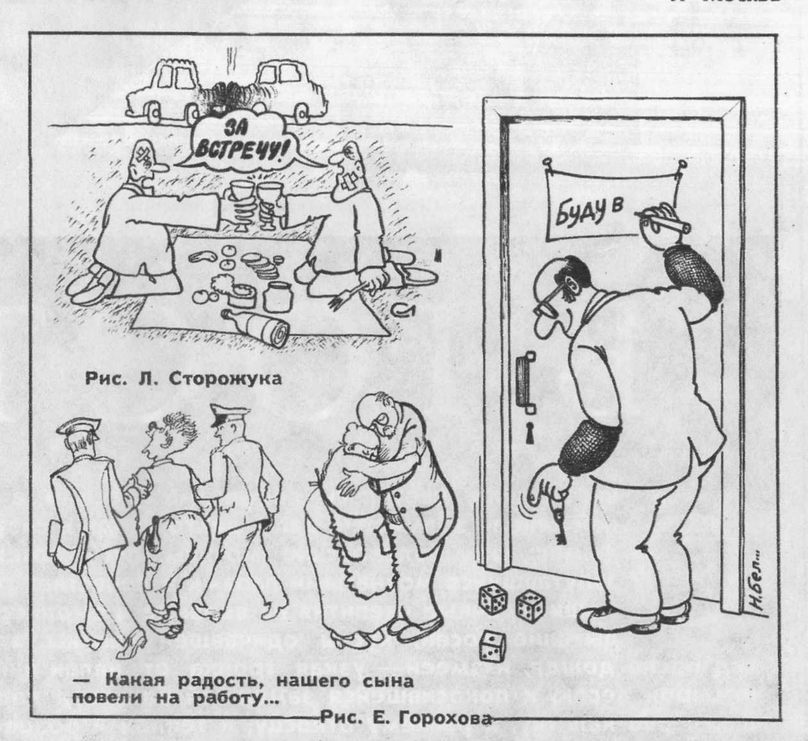

Рис. Л. Сторожука

— Какая радость, нашего сына повели на работу...

Рис. Е. Горохова

Часы были как новенькие

Разбирая крышу одного из домов, подлежащих сносу, И. Т. Даныш, работник коммунального предприятия, что находится в рабочем поселке Заболотове Ивано-Франковской области, менее всего рассчитывал найти самый настоящий клад.

А было так. В одном из труднодоступных уголков чердака большого дома Даныш неожиданно обнаружил жестяную коробку. Открыв ее, он оторопел: в коробке лежали золотые карманные часы. Когда Даныш повернул золотую заводную ручку, механизм часов тут же заработал, и раздалось мелодичное «пение». Рядом с часами лежала пудреница из серебра и золота, а в ней — цепочка из благородного металла. А на дне жестяной коробки рабочий обнаружил перстень с бриллиантом.

Когда клад взвесили в Снятынском райотделе милиции, выяснилось, что общий вес найденного золота — 98 граммов. Но подлинную стоимость и художественную ценность найденных вещей определила комиссия Государственного хранилища ценностей, отправившая клад в музей...

Пушинка к пушинке

Лев с пушистой гривой, грациозная пума, лебеди словно живые смотрят с картин, представленных на выставке в городе Татарбунары в Одесской области. Их автор — самодеятельная художница Л. Слепченко.

А выполнены все эти работы из... обыкновенного тополиного пуха. Старательно выкладывает Людмила Ивановна на неворсистой поверхности черного бархата пушинку к пушинке — это не просто кропотливая работа, она требует ювелирной точности. Экспозицию работ победителя Всесоюзного смотра народного творчества Л. Слепченко увидели жители не только многих городов Советского Союза, но и Венгрии, Румынии, Болгарии. Хрупкие, почти воздушные композиции получили свыше 70 почетных грамот и дипломов различных конкурсов — не только советских, но и международных.

Огурец со «взрывчаткой»

Существует 900 видов огурцов и других представителей семейства тыквенных. Но только один огурец имеет такой «бешеный» темперамент.

К моменту полного созревания этого небольших размеров зеленоватого плода (в нашей стране он особенно часто встречается в районах Крыма и Кавказа) в нем возникает колоссальное гидростатическое давление. Ученые считают, что оно достигает шести атмосфер. Начиненный «взрывчаткой» огурец... ждет. Самое легкое, почти незначительное прикосновение к нему вызывает оглушительный эффект: огурец отрывается от плодоножки, а из образовавшегося в нем отверстия вылетает мощная струя клейкой слизи. Сама по себе она не опасна, но эффект крайне неприятный. Впрочем, в народной медицине сок этих плодов применяется как гомеопатическое средство.

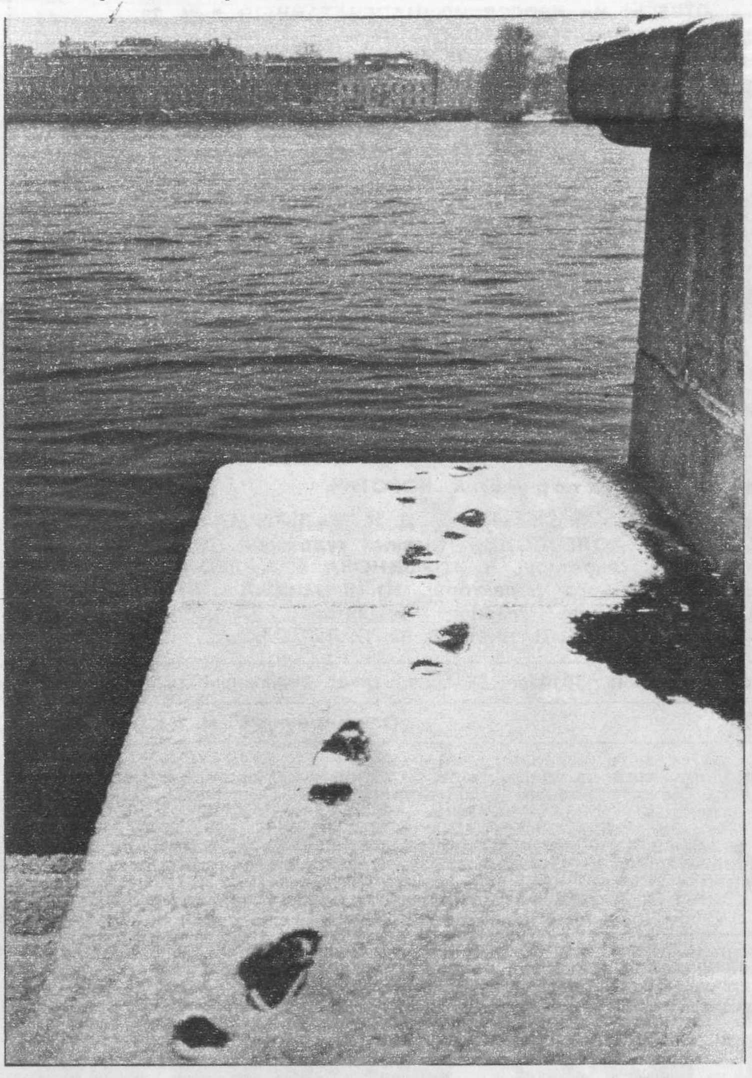
Грибной огород

Может ли быть грибной огород? «Может»,— считает А. С. Булатов, старший мастер Медведевского лесокомбината Марийской АССР. Он собрал уже первый урожай вешенки, гриба, по вкусу напоминающего опенок.

Как он это сделал? В природе вешенки растут на хворосте или пнях. И Анатолий Степанович это учел. Он распилил осиновые и березовые бревна на мелкие части, высадил на них грибной мицелий, накрыл пленкой и... уже через три месяца получил урожай грибов. По методу А. Булатова за теплые месяцы независимо от любой непогоды с каждого пенька можно собрать до одного килограмма грибов...

По сообщениям средств массовой информации и корреспондентов «Огонька».

«Ваша версия, мистер Холмс!» — Фото А. Аниськова, г. Ленинград

КАЛЕЙДОСКОП

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Крупный магазин с разнообразным ассортиментом. 5. Контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза. 7. Местное наречие, говор. 9. Часть плоскости, ограниченная замкнутой кривой. 12. Судовая лестница. 14. Государство в Центральной Америке. 16. Гостиница для автотуристов. 17. Околополюсное созвездие. 18. Город в Минской области. 19. Веревка, стягивающая концы лука. 21. Декоративный и поделочный камень. 23. Порядок ведения заседаний, конференций. 26. Приток Аракса. 27. Стационарный подъемник в многоэтажных домах. 30. Кормовое бобовое растение. 31. Вид продовольственных товаров. 32. Раздел языкознания.

По вертикали: 1. Река, впадающая в Каспийское море. 2. Планета. 3. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 4. Единица длины. 6. Медная руда, сырье для красок. 8. Холодное оружие, кинжал. 9. Средство для ухода за лицом. 10. Строй кораблей. 11. Основание здания, сооружения. 13. Пилот безмоторного летательного аппарата. 15. Молочный продукт. 20. Порт в Краснодарском крае. 22. Французский писатель XIX века. 24. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 25. Трагедия Шекспира. 28. Военно-морской флаг. 29. Определенный момент в ходе развития процесса.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 29

По горизонтали: 5. Физиолог. 8. Палладин. 9. Репер. 10. Зобар. 12. Бикин. 13. «Ленинградская». 14. Глиссер. 17. Джугара. 19. Туманян. 21. Нейтралитет. 22. Певзнер. 24. Скорина. 26. «Русалка». 27. Кинетостатика. 30. Рупия. 31. Анион. 32. Венок. 33. Саламури. 34. Академия.

По вертикали: 1. Виноград. 2. Финал. 3. «Мария». 4. Дивизион. 6. Гранула. 7. Шпур. 8. Предмет. 11. Реорганизация. 12. Балластировка. 14. Грейдер. 15. «Справка». 16. Рустика. 18. Жилле. 20. Яншин. 22. Постулат. 23. Руставі. 24. Складка. 25. Аналогия. 27. Китай. 28. Сено. 29. «Антей».

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Ночные полеты над морем требуют от корабельных авиаторов особого мастерства.
(См. в номере материал «Штормовое предупреждение».)
Фото Л. ЯКУТИНА (журнал «Советский воин»)

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В Доме-музее А. Н. Островского * Личные вещи драматурга * За этим секретером он работал * Гитара — любимый инструмент старой Москвы * Рисунки А. Я. Головина к пьесе «Гроза»: Катерина * Кудряш * Варвара.
(См. в номере материал «В Замоскворечье к Островскому».)
Фото М. САВИНА

Главный редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 07.07.86. Подписано к печати 22.07.86. А 00699. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1840. Заказ № 3087.

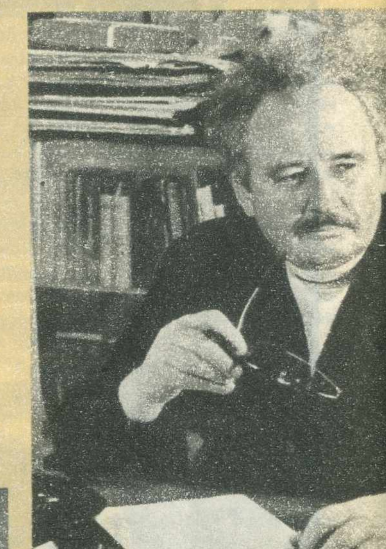
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

В планах «Огонька» ● В планах «Огонька» ● В планах «Огонька»

Вы э

●

Большой читательский интерес, который вызывают произведения давнего огоньковца, известного писателя Ивана Стаднюка, в многом обусловлен их строгой документальностью, четкой выверенностью деталей, достоверностью сообщаемых фактов. Мы намерены в ближайших номерах нашего журнала опубликовать отрывок из нового романа И. Стаднюка, «Москва, 41—42-й».

ск

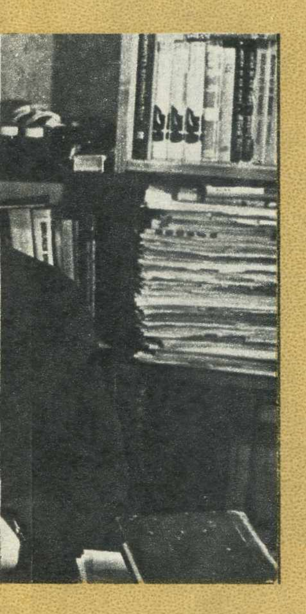
В ГОСТ

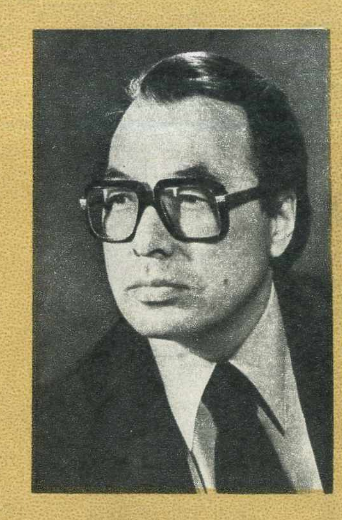
«Ока петляла, светилась песчаными плесами, а за ней синели холмистые дали, долго уходя в сизую дымку: эти поленовские мотивы, этот шмель, запутавшийся мохнатыми лапами в лепестках ромашки, дачные чаепития на веранде и смолистое дыхание сосен, кусты одичавшей малины, этот сад после дождя, и змеей — узкая тропка от аллеи вниз, в сырой лесок, к покосившейся замшелой баньке и дальше, через калитку, к рыжему откосцу, к теплой и розовой от заката реке».

Так начнется очерк Александра Басманова «Музейный романс» — о замечательном художнике Василии Дмитриевиче Поленове и его доме-музее на Оке, быть может, единственном у нас в стране сохранившемся до сего дня в своей нетронутости, о проблемах, связанных с жизнью этого музея, и о тех людях, кто посвятил ему свою судьбу. А еще очерк — об одном из самых русских мест в России, по мнению Паустовского, вслед за Поленовым вдохновленного приокской землей, как, впрочем, были ею вдохновлены и композитор Прокофьев, и живописец Борисов-Мусатов, и балетмейстер Голейзовский — их имена также перекрестятся на фоне мемориальной усадьбы.

Читатель увидит цветную вкладку В. Корнюшина с фрагментами экспозиции этого музея и познакомится с репродукциями картин В. Поленова, К. Коровина, В. Васнецова, Н. Клодта, И. Левитана и И. Остроухова из его собрания.

ТО

Будет напечатан рассказ Юрия Рытхэу «Возвращение на Землю». Используя приемы гротеска, фантастики, автор затрагивает острые проблемы современной действительности. Пожалуй, в столь необычной форме Ю. Рытхэу впервые встречается с нашими читателями.

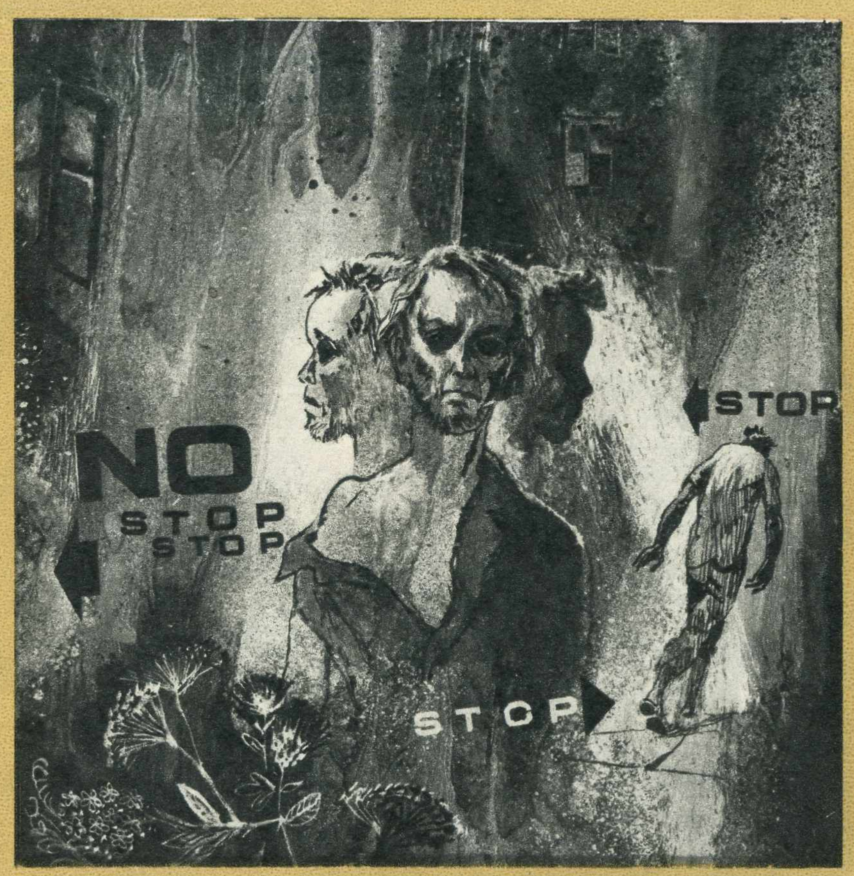

Рисунок Е. Шукаева к рассказу Юрия Рытхэу «Возвращение на Землю».

ОРО ПРОЧТЕТЕ

Среди тех писателей, чьи произведения вызывают постоянный ваш интерес, и ленинградец Виктор Конецкий. Мы обратились к нему — и:

«Как вдруг сквозь пыльные окна сверкнула луна, и передо мной возник из небытия и тьмы небольшого роста человек — длиннейший птичий нос, волосы, ниспадающие прямыми прядями на изможденные щеки: луна высветила Гоголя, мраморного, безо всякого пьедестала. И мертвые, черные провалы зрачков уперли в меня больной, черный взгляд».

Это строки из нового рассказа В. Конецкого «История с бюстом», который готовится нами к печати.

ЯХ У ПОЛЕНОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

